

Джон Гришэм

Время
милосердия

Справедливо ли правосудие?..

Гришэм: лучшее

Джон Гришэм

Время милосердия

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Время милосердия / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2020 — (Гришэм: лучшее)

ISBN 978-5-17-145522-4

Адвокат Джейк Брайгенс снова в игре – против жестокой судебной системы, неумолимых коллег и предвзятого общества. Будучи вынужден взяться за дело Дрю Гэмбла – робкого шестнадцатилетнего парня, застрелившего помощника шерифа, Джейк должен выбирать между благополучием и безопасностью собственной семьи и помощью людям, оказавшимся на грани отчаяния. Что скрывается за очевидным на первый взгляд преступлением? Как переубедить местных жителей, требующих скорейшего суда и смертной казни? И получится ли найти лазейку в законе, чтобы спасти жизнь человека?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145522-4

© Гришэм Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1	6
2	12
3	20
4	28
5	35
6	41
7	49
8	54
9	60
10	66
11	71
12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джон Гришэм

Время милосердия

*Памяти Сонни Метъ,
главного редактора издательства Кноpf*

John Grisham
A TIME FOR MERCY

© Belfry Holdings, Inc., 2020
© Перевод. А. Кабалкин, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

1

Небольшой дом стоял на отшибе, в шести милях к югу от Клэнтон, на старом шоссе, устремленном в никуда. С самого шоссе его не было видно, потому что к дому вела гравийная дорога, нырявшая вверх-вниз и вправо-влево, отчего в темноте фары встречной машины били в лобовое стекло или простреливали сбоку, будто предупреждая о неладе. От уединенности дом казался только страшнее.

Глубокой ночью, когда еще и не думал пробуждаться воскресный день, за окнами наконец показался свет фар. Он залил весь дом, пустил по стенам цепь злобных безмолвных теней, а потом исчез – это автомобиль ухнул в яму уже на самом подъезде. Тем, кто притаился в доме, давно следовало уснуть, но в такие жуткие ночи все бодрствовало. Джози, уставшая ворочаться на диване в гостиной, глубоко вдохнула, наскоро помолилась и подошла к окну, чтобы проследить за машиной. Виляет она, как обычно, или слушается руля? Снова он надрался, как прошлыми ночами, или, может, взял в пьянстве паузу? На всякий случай, в надежде привлечь его внимание, она выбрала легкомысленный наряд – вдруг вместо тяги к насилию в нем в кои-то веки проснется романтическое настроение? Раньше Джози уже одевалась соблазнительно, и однажды этот трюк даже пришелся ему по нраву.

Автомобиль остановился перед домом, она следила, как он вылезает из-за руля. И глядя, как он шатается и спотыкается, набиралась отваги, готовясь к неизбежному. Выйдя в кухню, где горел свет, Джози стала ждать. В углу за дверью, в тени, была приготовлена алюминиевая бейсбольная бита ее сына. Она сама спрятала ее там час назад на случай, если он вздумает распускать руки. Но как Джози ни молилась, чтобы ей хватило смелости пустить битку в ход, сомнения не отступали. Привалившись к кухонной двери, она проверила защелку. Дверь оказалась не заперта, он пнул ее ногой, и она ударила по холодильнику.

Стюарт был мерзким драчливым пьяницей. Сейчас его бледная ирландская физиономия раскраснелась, щеки пылали, глаза горели слишком знакомым Джози огнем злобы, разожженным, словно бензином, выпитым виски. В свои тридцать пять лет Стюарт уже начал седесть и лысеть, и начес, которым он маскировал лысину, после ночного шатания по барам висел на ушах жидкими прядями. На его лице не оказалось на сей раз порезов и кровоподтеков, что было хорошим признаком, а может, и плохим. Ему нравилось ввязываться в потасовки в дешевых забегаловках; потом он зализывал раны и заваливался спать. Но если ни с кем не удавалось сцепиться, то искал ссоры по возвращении домой.

– Чего это ты не спишь? – прохрипел Стюарт, неловко пытаясь затворить за собой дверь. Джози ответила так спокойно, как только сумела:

– Жду тебя, милый. Все в порядке?

– Нечего меня поджидать. Который час, уже два ночи?

Она ласково улыбнулась, словно все было хорошо. Неделю назад Джози решила лечь и подождать Стюарта в постели. Он вернулся поздно, поднялся наверх и стал угрожать ее детям.

– Около того, – нежно проворковала она. – Идем в кровать.

– Зачем ты так вырядилась? Ну и вид, шлюха шлюхой. Здесь кто-то был?

Это стало уже привычным обвинением.

– Конечно, нет, – ответил она. – Просто собираюсь лечь спать.

– Ты потаскуха.

– Брось, Стью. Я хочу спать. Пойдем и ляжем.

– Кто он? – рявкнул Стюарт, ударяясь спиной о дверь.

– Ты о ком? Здесь никого нет. Я провела весь вечер с детьми.

– Лживая стерва, вот ты кто!

– Я не лгу, Стью. Идем спать, уже поздно.

– Сегодня я слышал, как кто-то болтал, будто пару дней назад тут видели машину Джона Альберта.

– Кто это, Джон Альберт?

– «Кто это, Джон Альберт?» – спрашивает мелкая потаскуха... А то ты не знаешь Джона Альберта. – Он отодвинулся от двери, сделал пару-другую неуверенных шагов в сторону Джози, схватился за кухонный стол, чтобы не упасть, и наставил на нее палец. – Ты – мелкая сучка, вечно вокруг тебя вьются твои прежние дружки-кобели. Я тебя предупреждал.

– Мой единственный дружок – ты, Стюарт, тысячу раз тебе это говорила. Почему ты мне не веришь?

– Потому что ты лгунья, я и раньше ловил тебя на вранье. Помнишь ту кредитную карту? Ах ты, стерва!

– Перестань, Стью, это было в прошлом году.

Он бросился к ней, схватил левой рукой за запястье, а правой ладонью с размаху влепил пощечину – звучный шлепок. Джози вскрикнула от боли и от шока. Перед этим она уговаривала себя: только не кричи! Наверху, за запертой дверью, прятались ее дети, они все слышали.

– Прекрати, Стью! – взвизгнула она, схватившись за щеку и тщетно пытаясь отдышаться. – Не смей больше меня бить! Я обещала уйти и, клянусь, сделаю это!

Он взревел, хохоча:

– Неужели? Куда ты можешь податься, мелкая сучка? Обрато в фургон, в кусты? Снова жить в машине? – Еще крепче стиснув ей руку, Стюарт развернул ее, сжал своей толстой рукой шею Джози и заорал прямо в ухо: – Некуда тебе идти, стерва, кроме трейлерного парка, где ты родилась, да и того уже нет! – Он плевался ей в ухо горячей слюной, обдавал ее мерзким запахом перегара – смесь виски и пива.

Джози дернулась в попытке освободиться, но Стюарт так крепко вцепился в нее, словно не прочь был переломать ей кости. Джози оставалось только вопить, как ни жалко было прятвавшихся наверху детей.

– Ты мне руку сломаешь, Стью! Пожалуйста, перестань!

Он больше не задирает ее руку вверх, но сжал еще сильнее и прошипел:

– Куда намылилась? У тебя есть крыша над головой, еда на столе, комната для твоих паршивцев, а ты болтаешь, что уйдешь? Еще чего!

Джози то замирала, то извивалась, пытаясь вырваться, но он был слишком силен и свиреп.

– Ты сломаешь мне руку, Стью! Сказано тебе, отпусти!

Но он как назло усилил хватку, она заорала, стала лягаться, врезала ему голой пяткой под колено, потом развернулась и заехала левым локтем прямо под ребра. Это его ошеломило хотя бы на секунду. Стюарт остался невредим, но Джози успела высвободиться и в порыве перевернула кухонный табурет. Лишний шум, очередной испуг для ее детей.

Он бросился за ней, как бешеный бык, схватил за горло, прижал к стене, впился ногтями в шею. Джози уже не могла ни кричать, ни глотать, ни вообще дышать; безумный блеск в его глазах подсказывал, что это их последняя схватка. Сейчас он ее прикончит. Она попыталась снова лягнуть его, но промахнулась, Стюарт выбросил вперед правый кулак. Получился прямой хук в подбородок, от которого Джози упала навзничь, растопырив ноги. Халат распахнулся, обнажилась грудь. Стюарт немного постоял над ней, любясь содеянным.

– Сучка первой меня ударила, – промямлил он, после чего шагнул к холодильнику, за пивом. Открыв банку, сделал большой глоток, вытер тыльной стороной ладони рот и еще подождет – вдруг она встанет? Если нет, значит, он вырубил ее на всю ночь. Джози не шевелилась, поэтому он подошел ближе, проверить, дышит ли.

Стюарт всю жизнь был уличным забиякой и твердо усвоил первейшее правило: удар в челюсть – самый надежный.

Дом затих, но он знал, что наверху замерли в ожидании дети.

Дрю был на два года старше своей сестры Киры, однако половое созревание, как большинство нормальных перемен в его жизни, запаздывало. Он был маловат для шестнадцати лет и переживал из-за этого, особенно когда стоял рядом с сестрой, которая как раз быстро вытягивалась. Им было невдомек, что у них разные отцы, а значит, ждать синхронности в развитии не имело смысла. Но сейчас, не помышляя ни о какой наследственности, они обнялись крепко, как родные, в ужасе слушая, как внизу в который раз подвергается побоям их мать.

В этом доме некуда было спрятаться от насилия, не говоря об участвовавших оскорблениях. Они умоляли Джози, чтобы она ушла от Стюарта, и мать раз за разом обещала уйти, но все трое знали, что податься им некуда. Джози уверяла, что дальше будет лучше, Стью хороший, когда трезвый, и она своей любовью отучит его от пьянства.

Некуда податься... Их последним «домом» был старый фургон на заднем дворе у дальнего родственника, приютившего их на своей земле, но без малейшего удовольствия. Все трое знали, что они терпят Стью лишь потому, что у него настоящий дом – кирпичный, под жестяной крышей. Сейчас они не голодали, только с болью вспоминали прошлое, ходили в школу. Школа стала для них убежищем – к ней Стюарт не приближался. Однако там тоже не обошлось без проблем: Дрю отставал в учебе, у обоих было мало друзей, они ходили в обносках и стояли в очередях за бесплатным ланчем; зато в школе они могли не опасаться Стью, там они чувствовали себя в безопасности.

Даже трезвый, что, к счастью, бывало чаще обратного, он оставался мерзким типом, ворчавшим из-за необходимости содержать детей. Собственных детей у Стюарта не было, потому что он никогда не хотел быть отцом, а еще из-за того, что оба его прошлых брака завершились, едва начавшись. Этот дебошир считал дом своей крепостью. Дети были непрошенными гостями, даже чужаками, поэтому он взваливал на них всю грязную работу. Имея неограниченный доступ к этой дармовой рабочей силе, Стюарт постоянно придумывал для них поручения, скрывая тем самым от самого себя неприглядный факт: он попросту был ленивым жлобом. Стюарт покупал еду и пиво только для себя и требовал, чтобы Джози оплачивала «их» часть стола из собственного скудного заработка.

Однако нелепые поручения, упреки в дармоедстве, запугивания – все это ничто по сравнению с насилием.

Джози лежала, едва дыша и не шевелясь. Стоя над ней, Стюарт пялился на ее грудь и, как всегда, был недоволен: грудь-то маловата. Черт, даже у Киры крупнее будет. От этой мысли он ухмыльнулся, решив сходить и проверить свое наблюдение. Шатаясь, Стюарт покинул маленькую темную гостиную и стал карабкаться вверх по лестнице, нарочно производя как можно больше шума – пусть им будет страшно. На полпути стал звать высоким, пьяным, почти жалобным тоном:

– Кира, а, Кира?..

Та вся затряслась в темноте и с силой вцепилась в руку брата. Стью упорно лез вверх, громко топая по деревянным ступенькам.

– Кира, а, Кира?..

Он распахнул и сразу злобно захлопнул дверь в комнату Дрю. Потом подергал дверь в комнату Киры – она оказалась заперта.

– Ха-ха, Кира, знаю, ты там. Ну-ка, открывай! – Стюарт навалился на дверь плечом.

Они сидели вместе на краю ее узкой кровати, уставившись на дверь, которую заранее подперли ржавым железным штырем, который Дрю притащил из сарая. Оба надеялись, что штырь и дверная защелка уберегут их. Одним концом железный штырь был приставлен к двери, другим упирался в металлический каркас кровати. Когда Стюарт стал дергать дверную ручку, Дрю

и Кира поступили, как договаривались: налегли на спасительный штырь, чтобы придать ему устойчивости. Они репетировали данную ситуацию и были почти уверены, что уловка сработает. На тот случай, если дверь все же откроется, у них тоже был запасен ответ: Кира схватит старую теннисную ракетку, а Дрю пустит в ход запасенный в кармане перцовый баллончик. Джози купила его на всякий случай, для детей. Им все равно достанется от Стюарта, но так они хотя бы не сдадутся без боя.

Выбить дверь ногой ему ничего не стоило. Месяц назад он так и поступил, а потом устроил скандал, ведь новая дверь тянула на сотню долларов. Сначала Стюарт настаивал, чтобы за дверь заплатила Джози, потом стал требовать деньги с детей, но, в конце концов, утомился.

Кира, одеревеневшая от страха, беззвучно плакала, но при этом ее не оставляла мысль о странности происходящего. Раньше Стюарт ломился к ней в комнату, когда дома больше никого не было. Тогда, в отсутствие свидетелей, он грозил ее убить, если она кому-нибудь проболтается. На сей раз он сначала заставил замолчать ее мать. Не вознамерился ли Стюарт причинить вред еще и Дрю?

– Кира, о, Кира! – заблеял он по-дурацки и снова навалился плечом на дверь. Его голос звучал чуть мягче, словно Стюарт был уже не прочь отступить.

Налегая на штырь, они ждали взрыва, но пьяница замолчал, потом попятился, спустился по лестнице, и снизу больше не доносились шаги. Все стихло.

Мать тоже не издавала ни звука, и это было равносильно концу света. Она затихла там, внизу, то ли мертвая, то ли без сознания, потому что иначе обязательно поднялась бы наверх и дала отпор мерзавцу. Если бы Стю снова поднял руку на ее детей, Джози выцарапала бы ему во сне глаза.

Тянулись секунды, минуты. Кира уже не плакала. Оба сидели на краю кровати и чего-то ждали: звука, голоса, стука в дверь. Но царил зловещая тишина.

Наконец Дрю прошептал:

– Надо что-то делать.

Кира ничего не ответила.

– Пойду посмотрю, как там мама, – произнес он. – Ты запришь здесь. Ладно?

– Не ходи.

– Я должен. С мамой что-то не так, иначе она бы поднялась сюда. Уверен, дела плохи.

Сиди тихо, запришь.

Дрю убрал железный штырь и тихо отворил дверь. Внизу ничего не было видно, кроме темноты в доме и слабого света фонаря на крыльце. Кира выпустила брата и сразу заперлась. Он стал спускаться, сжимая в кулаке баллончик и мечтая о том, чтобы прыснуть отравой сукину сыну в лицо, устроить ему ожог глаз, а лучше вообще ослепить. Дрю двигался медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, стараясь не издавать ни звука. В гостиной он замер и прислушался. Из спальни Стюарта, дверь в которую находилась в конце короткого коридора, доносились еле слышные звуки. Дрю еще подождал: вдруг Стюарт, надавав Джози тумачков, все же отнес ее в постель? В кухне горел свет. Он заглянул туда и увидел неподвижные голые ступни матери, потом ее икры. Дрю опустился на колени, пролез под столом, молча подергал ее за руку. Мерзавца мог привлечь любой звук. Он видел обнаженную грудь матери, но был слишком напуган, чтобы смутиться. Дрю теребил Джози, шепча:

– Мама, мама, очнись!

Она не реагировала. Левая половина ее лица побагровела и раздулась, Дрю был уверен, что она не дышит. Он вытер глаза, отпрянул, выполз в прихожую. Дверь в спальню Стюарта была открыта, там горел слабый свет, и Дрю, приглядевшись, различил свисавшие с кровати сапоги – из змеиной кожи, остроносые, его любимые. Дрю выпрямился и приблизился. На

кровати с широко раскинутыми над головой руками, полностью одетый дрых, похрапывая, Стюарт Кофер. Дрю смотрел на него с лютой ненавистью.

Потом он бегом преодолел лестницу. Кира открыла ему дверь, и Дрю крикнул:

– Она мертвая, Кира! Мама умерла. Стюарт убил ее. Она лежит мертвая в кухне на полу.

Кира отпрянула, зарыдала, обхватив брата руками. Вдвоем они спустились вниз, пришли в кухню, приподняли матери голову. Кира плакала и шептала:

– Очнись, мам, ну, пожалуйста, очнись!

Дрю неуверенно взял левую кисть Джози и попытался нащупать пульс, хотя не был уверен, что делает это правильно.

– Надо звонить 911, – сказал он.

– Где Стюарт? – спросила Кира, озираясь.

– В постели, спит. Кажется, вырубился.

– Я побуду с мамой. Позвони ты.

Дрю пошел в гостиную, снял трубку и набрал 911. После долгого ожидания раздался голос диспетчера:

– 911. Что у вас произошло?

– Мою мать убил Стюарт Кофер. Она мертва.

– Ты кто, сынок?

– Я Дрю Гэмбл. Мою мать зовут Джози. Она мертва.

– Где ты живешь?

– В доме Стюарта Кофера на Барт-роуд, 14, 14. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь, нам нужна помощь.

– Обязательно! К вам уже едут. Говоришь, она мертва? Откуда ты знаешь это?

– Она не дышит. Потому что Стюарт опять ее избил, как всегда.

– Стюарт Кофер дома?

– Да, это его дом, мы здесь просто живем. Он опять вернулся пьяный и избил мою мать.

Он убил ее. Мы все слышали.

– Где он сейчас?

– В кровати, крепко спит. Пожалуйста, скорее!

– Не вешай трубку, хорошо?

– Нет, мне надо к маме.

Дрю бросил трубку и стянул плед с дивана. Кира держала голову Джози у себя на коленях, нежно гладила ее по волосам, плакала и повторяла:

– Ну, ладно, мама, ну, прошу тебя, очнись... Пожалуйста, очнись! Не оставляй нас, мама.

Дрю накрыл мать пледом и сел около ее ног. Зажмурившись и наморщив нос, он пытался молиться. Дом притих, тишину нарушал лишь лепет Киры, умолявшей мать очнуться. Шли минуты, Дрю уговаривал себя перестать плакать и хоть что-то предпринять, чтобы защитить себя и сестру. Стюарт дрых, но мог в любой момент проснуться; застанет их внизу – взбесится и задаст жару.

Так уже бывало: опьянение, злоба, угрозы, побои, беспамятство, пробуждение – и все то же самое по новому кругу.

Из спальни донесся громкий храп и еще какие-то пьяные звуки, и Дрю испугался, что Стюарт проснется.

– Тихо, Кира, – попросил он, но она не услышала, сестра была в шоке, продолжала гладить мать и обливаться слезами.

Дрю медленно отошел от них и покинул кухню. В коридоре он пригнулся и на цыпочках подкрался к спальне, где неподвижно лежал Стюарт. Его сапоги по-прежнему свешивались с кровати, под грузным телом скомкалось покрывало. Рот был широко разинут – хоть мух туда напусти. Дрю не сводил с него глаз, пылая слепящей, сводящей с ума ненавистью. Этот мер-

завец убил, в конце концов, их мать после многомесячных попыток расправиться с ней. Следующие на очереди – они с Кирой. На Стюарта нет управы, потому что у него связи, серьезные знакомства, судя по его вечному хвастовству. Они трое – пустое место, «белый мусор», отверженные из поселка на колесах, то ли дело Стюарт – влиятельная фигура, землевладелец, обладатель значка.

Дрю попятился, выглянул в коридор и увидел мать на полу и сестру, державшую на коленях ее голову, раскачивающуюся, тихо стонущую и не видящую ничего вокруг. Он вернулся в спальню, шагнул в угол, к столику сбоку от кровати, на которой лежала толстая португеза из черной кожи, кобура с пистолетом и значок в форме звезды. Дрю вытащил пистолет из кобуры и вспомнил, какой он тяжелый. Таким оружием, «глоком» калибра 9 миллиметров, пользовались все помощники шерифа. Правила запрещали прикасаться к нему гражданским лицам. Но Стюарт плевать хотел на всякие дурацкие правила. Однажды, трезвый, в редком для него благодушном настроении он отвел Дрю на пастбище неподалеку и стал учить его обращению с пистолетом. Стюарт вырос с оружием, Дрю – нет; Стюарт издевался над парнем, не умевшим стрелять. Он хвастался, что своего первого оленя застрелил восьмилетним мальчишкой.

Дрю стрелял тогда трижды и каждый раз промахивался мимо мишени; его пугали отдача и грохот. Стюарт вдоволь поиздевался над его робостью, а потом лихо вогнал прямо в десятку всю обойму.

Держа пистолет в правой руке, Дрю внимательно осмотрел его. Он знал, что оружие заряжено, по-другому у Стюарта не бывало. Он держал в стенном шкафу целый ящик с заряженными винтовками и дробовиками.

До Дрю доносились стоны и плач Киры, перед ним храпел Стью. Скоро нагрянет полиция, но толку от нее будет не больше, чем раньше. Вернее, вообще никакого толку. Они не защитят Дрю и Киру даже теперь, когда их мать лежит бездыханная на кухонном полу. Стюарт Кофер, ее убийца, станет лгать, и полиция вновь поверит ему. После этого Дрю с сестрой ожидает еще более мрачное будущее, чем раньше, при живой матери.

Он вышел из спальни с «глоком» в руках и побрел в кухню, где ничего не изменилось. Спросил Киру, дышит ли мать. Вместо ответа сестра продолжала стонать. Дрю двинулся в гостиную и там выглянул из окна в темноту. Если у него был отец, он его не знал и сейчас в который раз спрашивал себя, где глава семьи. Где тот мудрый человек, советчик и защитник? Они с Кирой росли, не зная безопасности, какую обеспечивают нормальные родители. Они видели других отцов в опекунских семьях, встречали адвокатов в судах по делам несовершеннолетних, пытавшихся помочь; но им не знакомо теплое объятие мужчины, которому можно довериться.

Теперь ответственность легла на него, старшего. Матери нет, значит, у Дрю не осталось выбора: он должен сделать шаг вперед и быть мужчиной. Он, один он обязан спасти их от бесконечного кошмара.

Дрю вздрогнул от неожиданного звука в спальне – не то храпа, не то бормотания, не то лязга пружин или скрипа матраса. Похоже, Стью заворочался, стал приходить в себя.

Брат с сестрой уже наелись всего этого досыта. Настал решающий момент, их единственный шанс остаться в живых. Дрю был обязан воспользоваться им. Он вернулся в спальню и посмотрел на Стью, по-прежнему лежавшего на спине, ко всему безучастного. Странно, но один его сапог свалился на пол. Мерзавец заслуживал одного – смерти. Дрю медленно затворил дверь, словно стараясь оградить сестру от малейшего участия в том, что сейчас случится. Легко ли все пройдет? Дрю стиснул пистолет обеими руками, затаил дыхание и стал опускать дуло, пока оно не оказалось в дюйме от левого виска Стью.

Тогда он закрыл глаза и нажал на курок.

2

Кира, по-прежнему гладившая мать по голове, спросила, не поднимая глаз:

– Что ты сделал?

– Застрелил его, – ответил Дрю без выражения, без страха или сожаления. – Взял и застрелил.

Она кивнула и больше ничего не сказала. Он прошел в гостиную и еще раз выглянул в окно. Где красные и белые мигалки? Где реакция на его звонок? Ты сообщаешь, что твою мать убил жестокий мерзавец, но никто не появляется. Дрю включил лампу и посмотрел на часы: 2.47. Он навсегда запомнит точное время, когда убил Стюарта Кофера. У него тряслись и немели руки, в ушах звенело, но он ничуть не сожалел, что прикончил убийцу своей матери. Дрю вернулся в спальню и включил верхний свет. Пистолет лежал рядом с головой убитого, в ней зияла уродливая дыра. Стю по-прежнему смотрел в потолок, только теперь открытыми глазами. Простыня уже промокла от продолжавшей сочиться ярко-красной крови.

Дрю вернулся в кухню, где ничего не изменилось. Тогда он перешел в гостиную, включил еще один светильник, открыл входную дверь и сел в кресло Стю. Того удар бы хватил, если бы он увидел кого-то на своем троне. Кресло сохранило его запах – сигарет, высохшего пота, старой кожи, виски и пива. Через несколько минут Дрю возненавидел это кресло с откидной спинкой и пересел на табурет, чтобы ждать перед окном огней.

Первым появилась синяя яростно вращающаяся мигалка. Когда автомобиль влетел на последний перед домом бугор, Дрю прошиб страх, ему стало трудно дышать. Это едут за ним. Его, закованного в наручники, запихнут на заднее сиденье автомобиля помощника шерифа, и он ничего не сможет поделать, чтобы этому помешать.

Следующей ехала скорая с красными мигалками, третьей – еще одна машина полиции. Как только поступило донесение, что трупов два, а не один, примчалась вторая скорая, за ней – еще полиция.

У Джози нащупали пульс, ее спешно положили на носилки и увезли в больницу. Дрю и Киру заперли в гостиной и велели не двигаться. Да и куда им было податься? Во всем доме зажгли свет, в каждой комнате торчал коп.

Явился шериф Оззи Уоллс, собственной персоной. Перед домом его встретил помощник Мосс Джуниор Тейтум, доживший:

– Как я погляжу, Кофер поздно вернулся, они сцепились, он ей врезал, а потом отрубился на своей кровати. Парень схватил его пушку и всадил ему пулю в башку. Второй не потребовалось.

– Ты потолковал с парнем?

– Да. Дрю Гэмбл, шестнадцать лет, сын подружки Кофера. Неразговорчивый. Похоже, у него шок. Его сестру зовут Кира, ей четырнадцать лет; она говорит, что они живут здесь примерно год и что Кофер часто распускал руки, постоянно колотил их мать.

– Кофер мертв? – недоверчиво спросил Оззи.

– Стюарт Кофер мертв, сэр.

Оззи с отвращением и с недоверием покачал головой и шагнул в распахнутую входную дверь. Остановившись в прихожей, он взглянул на брата с сестрой, сидевших вдвоем на диване, смотревших в пол и старавшихся не замечать хаоса вокруг. Оззи хотел что-то сказать, но передумал и двинулся следом за Тейтумом в спальню, где пока никто ни к чему не прикасался. Пистолет лежал на простыне в десяти дюймах от головы Кофера, посреди кровати краснело кровавое пятно. На вылете пуля выбила часть черепа, поэтому простыня, подушки, подголовник, даже стена были забрызганы кровью и серым веществом.

У Оззи имелось четырнадцать штатных помощников. Теперь – тринадцать. Еще семеро трудились неполный рабочий день. Были также добровольцы – им он потерял счет. Оззи служил шерифом округа Форд уже семь лет, с 1983 года, когда одержал на выборах историческую победу. Исторической она была потому, что он стал единственным на тот момент чернокожим шерифом во всем Миссисипи, а в преимущественно белом округе – вообще первым. Все эти семь лет обходилось без потерь. Дуэйн Луни лишился ноги в результате перестрелки во время суда над Карлом Ли Хейли в 1985 году, но до сих пор оставался в строю.

И вот счет открыт. Первым в расход отправился Стюарт Кофер, один из его лучших парней и, бесспорно, самый бесстрашный. Из телесной оболочки продолжала сочиться кровь, но сам он отдал Богу душу.

Оззи снял шляпу, наскоро помолился и шагнул назад. Не отрывая взгляда от Кофера, он произнес:

– Убийство сотрудника органов правопорядка. Вызывай людей из штата, пусть расследуют. Ничего не трогать. – Шериф покосился на Тейтума. – С детьми говорил?

– Да.

– Та же история?

– Так точно. Парень молчит. Его сестра говорит, что стрелял он. Дети думали, их мать убита.

Оззи кивнул и стал соображать.

– Ладно, – сказал он, – больше не задавайте им вопросов. С этого момента все наши действия будут учитываться адвокатами. Детей забираем, но молча. Посадите их в мою машину.

– Наручники?

– А как же! Для парня. У них есть родня где-нибудь неподалеку?

Помощник шерифа Мик Суэйз откашлялся и ответил:

– Вряд ли, Оззи. Я неплохо знал Кофера, эта женщина жила с ним, он утверждал, что у нее скверное прошлое. Не то один, не то два развода. Точно не известно, откуда она, но Стюарт говорил, что не из наших мест. Пару недель назад я был здесь по вызову, причина – нарушение порядка, но она не предъявила обвинений.

– Ладно. Я забираю детей. Мосс, поедешь со мной. Мик, останься здесь.

Дрю послушно встал и протянул руки. Тейтум аккуратно надел ему на запястья браслеты, вывел подозреваемого из дома и направил к машине шерифа. За ними вышла Кира, утиравшая слезы. Весь склон холма теперь был освещен мигалками. Узнав, что застрелен представитель закона, каждый свободный от дежурства коп в округе захотел взглянуть что и как.

Повилив среди скопления патрульных автомобилей и машин скорой помощи, Оззи выехал на проселок. Там он включил мигалку на крыше и надавил на газ.

– Сэр, можно нам увидеть маму? – спросил Дрю.

Оззи посмотрел на Тейтума и произнес:

– Включи диктофон.

Тейтум достал из кармана маленький диктофон и нажал кнопку.

– Так, теперь мы все разговоры записываем, – начал Оззи. – Я – шериф Оззи Уоллс, сегодня двадцать пятое марта тысяча девятьсот девяностого года, время – три часа пятьдесят одна минута утра; я еду в окружную тюрьму, рядом со мной сидит помощник Мосс Джуниор Тейтум, на заднем сиденье у нас... как твое полное имя, сынок?

– Дрю Аллен Гэмбл.

– Возраст?

– Шестнадцать лет.

– А как ваше имя, мисс?

– Кира Гейл Гэмбл, четырнадцать лет.

– Как зовут вашу маму?

– Джози Гэмбл. Ей тридцать два года.

– Хорошо. Мой вам совет – не говорить о случившемся этой ночью. Дождитесь адвоката.

Вам ясно?

– Да, сэр.

– Поехали дальше. Ты ведь спросил о своей маме?

– Да, сэр. Она жива?

Оззи посмотрел на Тейтума, тот пожал плечами и произнес в диктофон:

– Насколько нам известно, Джози Гэмбл жива. С места происшествия ее увезла скорая.

Вероятно, она уже в больнице.

– Нам можно ее навестить? – повторил Дрю свой вопрос.

– Прямо сейчас – нет, нельзя, – ответил шериф.

Некоторое время они ехали молча, а потом Оззи сказал в сторону диктофона:

– Ты был на месте первым?

– Да, – подтвердил Тейтум.

– Ты спрашивал этих ребят, что произошло?

– Спрашивал. Парень, Дрю, ничего не ответил. Я обратился к его сестре Кире с вопросом, знает ли она что-нибудь, и девочка объяснила, что ее брат застрелил Кофера. Больше я вопросов не задавал. И так было ясно, что к чему.

Рация трещала без умолку, казалось, ожил весь округ Форд, невзирая на темноту. Оззи сделал звук тише и погрузился в молчание. Он давил на акселератор, его мощный бурый «форд» с ревом несся по дороге, прямо по осевой, отбивая у любого охоту соваться на дорожное полотно.

Оззи Уоллис принял на службу Стюарта Кофера четыре года назад, когда тот вернулся в округ Форд после досрочно прерванной военной карьеры. Стюарт придумал какое-никакое оправдание своему бесславному увольнению: дело было якобы в технических трудностях, в недопонимании... Оззи выдал ему униформу, назначил шесть месяцев испытательного срока и по безупречным результатам отправил учиться в полицейскую академию в Джексоне. Нареканий по службе Кофер не имел. Он превратился в легенду, когда в одиночку пристрелил троих наркоторговцев из Мемфиса, пытавшихся затеряться в этом сельском округе.

Другое дело, что Кофер вытворял в свободное время... По меньшей мере дважды Оззи устраивал ему выволочку после донесений о пьянстве и нарушениях общественного порядка. Всякий раз Стюарт пускал слезу, каялся, обещал исправиться, клялся в преданности шерифу и его департаменту. Споры нет, в его лояльности нельзя было усомниться.

Смутьянов среди своих подчиненных Оззи не терпел, всякие соплики у него не задерживались. Но Кофер был одним из самых опытных помощников шерифа, он даже вызывался выступать в школах и в разных клубах. Служа в армии, повидал мир, что среди окружающей деревенщины было редкостью. Большинство его коллег из штата не выезжали. На людях Кофер вел себя идеально: привлекательный, щедрый на улыбку и шутку, знал всех по именам, с удовольствием прогуливался пешком по Нижнему городу, где жили чернокожие, без оружия, зато со сладостями для ребятшек.

В его частной жизни имелись проблемы, однако собратья по службе старались скрывать это от начальства. Тейтум, Суэйз и большинство других помощников неплохо знали подноготную Стюарта. Но на это проще было закрыть глаза в надежде, что никто не пострадает.

Шериф поглядывал в зеркало на Дрю, скрытого в тени. Тот опустил голову и не издавал ни звука. Как ни ошеломлен был Оззи, как ни злился, ему трудно было считать этого паренька убийцей. Ему, такому тщедушному, ниже сестры ростом, бледному, робкому, испуганному, на вид было не больше двенадцати лет.

Разбудив ревом двигателя половину Клэнтон, они резко затормозили перед тюрьмой, находившейся в двух кварталах от центральной городской площади. Перед входом стояли двое: помощник шерифа и человек с камерой.

– Проклятье! – процедил Оззи. – Это Дамас Ли, что ли?

– Он самый, – подтвердил Тейтум. – Значит, все уже в курсе. Многие нынче слушают полицейские переговоры.

– Всем оставаться в машине, – распорядился Оззи, вылез, хлопнул дверцей и направился к репортеру, сердито качая головой.

– Учти, тебе нечем разжиться, Дамас, – грубо начал он. – Замешан несовершеннолетний, ты не узнаешь даже имени и не сможешь заснять его. Проваливай отсюда!

Дамас Ли был одним из двух репортеров газетенки «Форд таймс» и хорошо знал шерифа.

– Можешь подтвердить, что убит твой сотрудник?

– Я ничего не намерен подтверждать. У тебя десять секунд, чтобы убраться отсюда, иначе я надену на тебя наручники и посажу в камеру. Брысь!

Репортер не стал ждать и исчез в темноте. Оззи проводил его взглядом. Затем они с Тейтумом вывели брата с сестрой из машины.

– Регистрировать будете? – спросил тюремный надзиратель.

– Нет, позже. Пока запри их в камере для несовершеннолетних.

Тейтум отконвоировал Дрю и Киру по узкому коридору, мимо решеток, до толстой железной двери с окошечком. Надзиратель отпер дверь, и они вошли в пустую комнату, внутри которой – только двухъярусная койка и грязный шкафчик в углу.

– Сними с него наручники, – шериф Оззи Тейтуму. Дрю стал с облегчением растирать себе запястья. – Побудете здесь часок-другой.

– Я хочу видеть свою мать, – сказал Дрю решительнее, чем ожидал Оззи.

– Сынок, сейчас ты не в том положении, чтобы чего-то хотеть. Ты арестован за убийство сотрудника службы правопорядка.

– Он убил мою мать.

– Твоя мама, слава Богу, жива. Сейчас я поеду в больницу, проведу ее. Вернусь – расскажу, как и что. Это все, что я могу сделать.

– Почему я в тюрьме? – подала голос Кира. – Я ничего не сделала.

– Знаю. Ты здесь ради собственной безопасности. Это ненадолго. Если мы выпустим тебя через несколько часов, куда ты пойдешь?

Кира посмотрела на брата. Было очевидно, что идти им некуда.

– Есть у вас какая-нибудь родня поблизости? Тетки, дядья, дедушки-бабушки? Хотя бы кто-нибудь?

Оба, замаявшись, медленно покачали головой.

– Так, тебя ведь Кира зовут?

– Да, сэр.

– Если бы ты сейчас стала куда-то звонить, чтобы за тобой приехали, кому бы ты позвонила?

Глядя себе под ноги, она ответила:

– Нашему священнику, брату Чарльзу.

– Как его фамилия?

– Чарльз Макгерри, он служит в Пайн-гроув.

Оззи считал, что знает всех местных священников, но этого не припоминал. В округе насчитывалось три сотни церквей. По большей части это были мелкие сельские приходы, известные, в основном, раздорами, склоками и изгнанием своих священников. Уследить за всеми не было никакой возможности. Глядя на Тейтума, шериф протянул:

– Не знаю, кто это.

– Хороший человек.

– Тогда позвони ему, разбуди, попроси приехать сюда. – Оззи посмотрел на детей. – Пока побудете здесь. Вам принесут поесть и попить. Располагайтесь. Я съезжу в больницу. – Он вздохнул и посмотрел на них, стараясь, чтобы во взгляде читалось как можно меньше сочувствия. Все-таки застрелили его помощника, и убийца стоял перед ним. Но эти дети были такие растерянные, жалкие, что месть оказалась последним, что сейчас приходило на ум.

Кира подняла голову и спросила:

– Сэр, он правда мертв?

– Да.

– Простите, но он часто избивал нашу маму, нам тоже от него доставалось.

Оззи остановил ее, подняв обе руки.

– Все, не продолжай. Мы пригласим сюда адвоката, вот ему, ребята, вы и расскажете то, что пожелаете. А пока вам лучше помалкивать.

– Хорошо, сэр.

Оззи и Тейтум вышли из камеры и захлопнули дверь. Дежурный на входе положил трубку на телефон и произнес:

– Шериф, звонил Эрл Кофер, он говорит, что узнал об убийстве своего сына Стюарта. Он потрясен. Я ответил, что ничего не знаю. Вы бы ему позвонили.

Оззи выругался себе под нос и пробормотал:

– Как раз собирался... Только мне сначала нужно в больницу. Возьмешь это на себя, ладно, Тейтум?

– Может, не стоит?

– Возражения не принимаются. Ограничься парочкой фактов, скажи, что я позвоню ему позже.

– Ну, спасибо, удружили.

– Не стоит благодарности. – Шериф вышел на улицу и спешно уехал.

Почти в 5 часов утра Оззи заехал на пустую парковку больницы. Оставив машину около дверей приемного отделения, он двинулся внутрь, где столкнулся с опередившим его Дамасом Ли.

– Без комментариев, Дамас. Ты начинаешь меня злить.

– Такое у меня ремесло, шериф. Я постоянно в поисках истины.

– Истина мне неведома.

– Женщина погибла?

– Я не врач. Избавь меня от своего присутствия.

Оззи вошел в лифт и поехал наверх, оставив репортера в вестибюле. На третьем этаже дежурили два помощника. Они проводили шерифа на пост, где их ждал молодой врач. Оззи представился, все кивнули, обойдясь без рукопожатий.

– Что вы можете нам сообщить? – спросил шериф.

Врач, не глядя в карточку пациентки, которую держал в руках, ответил:

– Она без сознания, но состояние стабильное. Перелом челюсти, понадобится операция, но это не срочно. Судя по виду, ее отправили в нокаут ударом в челюсть или в подбородок.

– Какие-нибудь еще повреждения?

– Не особо серьезные, кровоподтеки на кистях и на шее, не требующие специального лечения.

Оззи перевел дух и поблагодарил Всевышнего, что обошлось лишь одним трупом.

– Значит, она выкарабкается?

– У нее сильный организм. В данный момент нет оснований ожидать чего-либо, кроме выздоровления.

– Когда она может прийти в себя?

– Сложно делать прогнозы, но, по-моему, не более чем через двое суток.

– Хорошо. Слушайте, я не сомневаюсь, что вы все тщательно фиксируете, просто напомню: все манипуляции с этой пациенткой, вероятно, будут рано или поздно изучаться в суде. Не забывайте об этом. Побольше рентгена, цветных снимков...

– Обязательно, сэр.

– Я оставлю здесь своего сотрудника, пусть за всем наблюдает.

Оззи спустился на лифте вниз, покинул больницу и поехал обратно в окружную тюрьму. По пути он связался по рации с Тейтумом. Разговор того с Эрлом Кофером вышел ужасным, как и предполагалось.

– перезвоните ему, Оззи. Он сказал, что сам поедет туда, чтобы все увидеть собственными глазами.

– Пусть.

Оззи уже подъехал к тюрьме и уставился на телефон. Как всегда, в такие серьезные моменты он вспоминал прежние эпизоды, когда ему приходилось с утра пораньше оповещать родственников. Страшные звонки, круто менявшие или даже рушившие многие жизни. Как он ни ненавидел эти звонки, они – часть его обязанностей. Однажды молодого отца семейства нашли с кровавым месивом вместо лица и с предсмертной запиской рядом; два нализовавшихся подростка вывалились из разогнавшегося автомобиля; дедушку с деменцией отыскивали в канаве. Все это – худшие моменты его жизни.

Эрл Кофер бился в истерике и требовал ответа на вопрос, кто убил его «мальчика». Оззи терпеливо повторял, что не имеет права обсуждать детали, но охотно встретится с семьей – еще одна пугающая, однако неизбежная перспектива. Он не позволил Эрлу ехать в дом Стюарта, твердя, что его туда не пропустят. Помощники шерифа дожидались там следователей из лаборатории криминалистики штата, которые застрянут в доме надолго. Шериф предлагал встречу родственников дома у Эрла, куда он, Оззи, был готов прибыть утром. Когда же удалось, наконец, повесить трубку, отец убитого громко рыдал.

В изоляторе шериф спросил Тейтума, оповещен ли о произошедшем помощник шерифа Маршалл Празер, и получил утвердительный ответ: тот уже в пути. Празер был ветераном службы и близким другом Стюарта Кофера; они вместе учились в начальной школе Клэнтонна. Он примчался в джинсах и в футболке, не веря в случившееся, и прошел за шерифом к нему в кабинет, где оба упали в кресла, а Тейтум затворил дверь. Оззи изложил известные факты, и Празер не смог скрыть волнения. Он скрипел зубами, стараясь сдерживаться, и прикрывал ладонью глаза, но все равно было понятно, как ему тяжело.

После долгой мучительной паузы Маршалл выдал:

– Мы вместе пошли в третий класс... – Он замолчал и опустил голову. Оззи посмотрел на Тейтума, тот отвернулся.

Шериф долго ждал, но потом все же спросил:

– Что ты знаешь об этой женщине, Джози Гэмбл?

Празер сглотнул и замотал головой, как будто так можно было стряхнуть навалившуюся скорбь.

– Видел ее раз-другой, но толком не знал. Стью сошелся с ней примерно год назад. Она с детьми переехала к нему. Ничего, приятная, но, похоже, бывалая... Много чего повидала.

– В каком смысле?

– Она мотала срок. По-моему, за наркотики. В общем, особа с богатым прошлым. Стью подцепил ее в баре, что неудивительно. Они съехались. Стью не нравилось жить под одной крышей с двумя ее детьми, но она его уломала. Ясное дело, ей надо было где-то приткнуться, а у него имелись лишние спальни.

– Что он в ней нашел?

– Хороша собой, даже очень, особенно в обтягивающих джинсах. Ты же знаешь Стью, он пребывал в вечном поиске, но ужиться с женщиной не был способен.

– А тут еще пьянство...

Празер стянул с головы свою старую фуражку и молча почесал затылок. Оззи подался вперед и с усмешкой произнес:

– Я задаю вопросы, Маршалл, и мне нужны ответы. Тут эти уловки не пройдут, нечего его покрывать, не увиливай. Я спрашиваю, ты отвечаешь.

– Я мало знаю, Оззи, честно. Сам я бросил пить три года назад и больше не слоняюсь по барам. Все верно, Стью злоупотреблял спиртным, думаю даже, что он пил все больше и больше. Я дважды говорил с ним об этом, да что толку? Он твердил, что все в порядке, как и любой пьяница. Мой кузен, завсегда́тай баров, рассказывал, что у Стью там репутация первого задиры. Мне было неприятно это слышать. Он говорил, что Стью часто играет у Хьюи, это на озере.

– Тебе не приходило в голову поставить меня в известность?

– Брось, Оззи. Я очень тревожился, иначе не заговорил бы об этом со Стью. Клянусь, я планировал еще одну беседу с ним...

– Нужны мне твои клятвы! Итак, у нас был помощник шерифа – любитель пьянок, драк и азартных игр со всяким отребьем, заодно поколачивавший дома свою подружку, а ты считал, что мне не следует об этом знать?

– Я думал, ты и так все знаешь.

– Мы знали, – вмешался Тейтум.

– Ну-ка, ну-ка... – Шериф приподнялся в кресле. – О домашнем насилии я слышу впервые.

– Был один эпизод месяц назад. Она позвонила в 911 поздним вечером и пожаловалась, что Стью скандалит. Мы послали туда патрульную машину с Пертлом и Маккарвером, они навели порядок. Было очевидно, что женщина избита, но она не стала предъявлять обвинения.

Оззи с трудом сдерживался.

– Ничего об этом не слышал, не видел рапорта. Куда он подевался?

Тейтум покосился на Празера, но тот смотрел прямо перед собой. И Тейтум пожал плечами, мол, мое дело маленькое.

– Обошлось без ареста, всего-то и было, что рапорт о вызове. Куда он подевался, спрашиваете? Не знаю, Оззи, меня там не было.

– Сейчас концов уже не найти. Как бы я ни старался их отыскать, как бы ни приставал ко всем своим подчиненным, те, кто был в курсе, все равно не признались бы.

– Ты винишь самого Стью? Сам он, что ли, всадил в себя пулю, а, Оззи? Ты обвиняешь жертву?

Шериф опустил в кресло и закрыл глаза.

Дрю скрючился на нижней койке: поджал колени к груди, укрылся по макушку тонким одеялом, зарылся головой в хилую подушку и уставился на темную стену. Он молчал уже не один час. Кира сидела на краю койки, одной рукой касаясь ног брата под одеялом, другой теребя свои длинные волосы. Обоим оставалось одно – ждать, что произойдет дальше. Из коридора время от времени доносились голоса, потом вновь становилось тихо.

Первый час они с Дрю разговаривали на единственную доступную им тему – о состоянии матери, об удивительном известии, что она выжила; ну, и о том, что Стью больше нет в живых. Это принесло обоим огромное облегчение. Страх был, угрызения совести – нет. Стью превратил Джози в боксерскую грушу и для них никогда не жалел оплеух и угроз. Теперь этому кошмару настал конец. Никогда больше они не услышат, как их мать избивает этот пьяный мерзавец.

То, что они угодили за решетку, их не слишком пугало. Отсутствие удобств и антисанитария могли удручать новичка, но не Дрю с Кирой: эти дети и не такое видали. Дрю отсидел четыре месяца в колонии для несовершеннолетних в другом штате. Год назад Кира провела два дня взаперти, изолированная, как утверждалось, для ее же блага. Им ли страшиться окружной тюрьмы?

Перед их бесконечно перемещавшейся маленькой семьей всегда стоял вопрос: куда податься? Когда мать находилась рядом, они могли планировать свой следующий шаг. Знакомство с некоторыми из родственников Стью оставило у детей ощущение: им не рады. Стью часто хвастался, что он – свободный от долгов домовладелец, потому что получил дом по завещанию от деда. Но это все, что можно было сказать в пользу его дома, грязного и нуждавшегося в ремонте. Старания Джози навести чистоту и порядок неизменно вызывали его недовольство. Поэтому брат и сестра решили, что не будут скучать по дому Стью.

Второй час у них ушел на размышления, какое наказание грозит Дрю. Случившееся они считали самообороной, вопросом выживания, справедливым возмездием. Дрю понемногу, мелкими шажками, фрагментами возвращался в памяти к своему поступку. Все произошло слишком быстро. Сцена в спальне – как в тумане. Дрыхнувший с разинутым ртом краснорожий Стью, его громкий храп, как при добросовестно заслуженном ночном сне, вонь перегара. При этом он мог в любой момент проснуться, вскочить и кинуться избивать детей – потехи ради.

Едкий запах горелого пороха. Кровь и мозги, разбрызганные по подушке и на стене. Шок от распахнувшихся при смертельном выстреле глаз Стью.

Но время шло, и Дрю постепенно успокоился. Он натянул одеяло до подбородка и сказал, что устал болтать. Сестра с беспокойством наблюдала, как Дрю медленно погружается в себя, как вновь упирается невидящим взглядом в стену.

3

Окружная тюрьма наполнилась свободными от дежурства помощниками шерифа, клэнтонскими полицейскими и прочими людьми, как имевшими отношение к охране порядка, так и обычными зеваками. Все курили, пили кофе, грызли черствые пирожные и негромко обсуждали погибшего товарища и опасности службы. Оззи засел в своем кабинете и завис на телефоне: звонки в полицию штата, в лабораторию криминалистики, лаконичные ответы на запросы репортеров, друзей и вообще неизвестно кого.

Примчался преподобный Чарльз Макгерри. Его проводили в просторный кабинет, где он поздоровался за руку с шерифом и сел. Оззи изложил подробности и объяснил, что Кира захотела видеть священника. По ее словам, у них не было поблизости родни, идти им просто некуда. Хотя девочка и сидела пока в камере с братом, он, Оззи Уоллс, не предполагал выдвигать против нее обвинения. Две другие камеры для несовершеннолетних в тюрьме были заняты, а продолжать находиться здесь ей совсем ни к чему.

Священнику было двадцать шесть лет, и он очень старался, возглавляя сельский приход. Оззи посещал его церковь во время своей предвыборной кампании, но тогда там служил другой человек. Чарльз Макгерри оказался приятным молодым человеком, застигнутым врасплох случившимся. Его, только что отучившегося в семинарии, церковь Доброго Пастыря направила в приход всего год и два месяца назад. Взяв у Тейтума стаканчик с кофе, священник поведал то небольшое, что знал о семье Гэмблов. Джози и ее дети появились в поле его зрения примерно полгода назад, когда кто-то из прихожан обмолвился, что им нужна помощь. Однажды в выходной священник заглянул к ним и получил от Стюарта Кофера отнюдь не гостеприимный прием. Уходя, он пригласил Джози к себе на воскресную службу. Она с детьми несколько раз побывала в церкви, однако намекнула, что Кофер этого, мягко говоря, не одобряет. Тайком от Стюарта Макгерри пару раз поговорил с ней по душам и пришел в ужас от ее рассказа о прошлом. Оба ее ребенка были внебрачными, она родила их несовершеннолетней. Получила срок за хранение наркотиков. Признавалась, что часто поступала из рук вон плохо, но клялась, что все это в прошлом. Пока Джози отбывала срок, один ее ребенок находился в приемной семье, другой – в сиротском приюте.

– Вы можете поместить девочку в безопасное место? – спросил Оззи.

– Да. Пусть побудет некоторое время у нас.

– В вашей семье?

– У меня жена и малыш, мы ждем второго. Живем в пасторском доме при церкви. Места немного, но комната для нее найдется.

– Хорошо. Забирайте ее. Только чтобы из округа девочка ни ногой. С ней будет общаться наш детектив.

– Ясно. А что Дрю? Он крепко влип?

– Похоже. Гарантирую, что парень нескоро покинет окружную тюрьму. Будет сидеть в камере для несовершеннолетних. Уверен, не сегодня-завтра суд назначит ему адвоката. До тех пор мы с ним не говорим. Дело вполне понятное. Он сознался сестре, что застрелил Кофера. Других подозреваемых нет. Влип – не то слово, преподобный, увяз по самые уши!

– Что ж, шериф, благодарю вас за участие.

– Всегда пожалуйста.

– Соболезную вашей потере. В это трудно поверить.

– Еще бы. Ладно, пройдемте в камеру. Забирайте девочку.

Макгерри двинулся следом за Оззи и Тейтумом через наполненный людьми кабинет. Заметив священника, все притихли. Многие смотрели на него, как на игрока команды соперника: ведь он явился, чтобы оказать содействие семье убийцы. Для священника это было стран-

ное место и еще более странная ситуация, а значение недружелюбных взглядов оставалось загадкой.

Надзиратель отпер дверь камеры, и они вошли внутрь. Кира немного смутилась, потом преодолела неуверенность и бросилась к Макгерри. Впервые за много часов она увидела человека, которому могла доверять. Он крепко обнял девочку, погладил по голове, прошептал, что пришел за ней и что их мама поправится. Она вцепилась в него, всплакнула. Объятия затянулись, и шериф с нетерпением посмотрел на Мосса Джуниора.

«Пора пошевеливаться», – говорил его взгляд.

На нижней койке, в густой тени, Дрю с головой спрятался под одеяло и боялся пошевелиться. Макгерри понемногу высвободился из объятий Киры и попытался аккуратно смахнуть слезы с ее глаз, но она плакала не переставая.

– Я отвезу тебя к себе домой, – повторил священник, она в ответ изобразила подобие улыбки. Он попробовал разглядеть на койке Дрю, но без особого результата.

– Можно сказать ему пару слов? – спросил он шерифа.

Он не разрешил.

– Все, уходим.

Макгерри взял девочку за руку, и они выбрались из камеры в коридор. Она не попрощалась с братом, и тот остался один, в своем темном мире. Оззи вывел их через черный ход и проводил на парковку. Пока они садились в машину священника, подошел помощник Суэйз и что-то зашептал шерифу на ухо.

Оззи выслушал и кивнул.

– Звонили из больницы, – сообщил он Макгерри, шагнув к водительскому окну. – Джози Гэмбл очнулась и спрашивает о детях. Я съезжу туда. Отправляйтесь за мной.

По дороге шериф думал о том, что целый день будет носиться между «горячими точками», пока не закончит распутываться эта жуткая история. Когда он проскочил на «красный», Тейтум предложил сменить его за рулем.

– Я шериф или нет? – рявкнул Оззи в ответ. – Еду по важному делу. Посмотрел бы я на того, кто вздумает жаловаться!

– Ну, уж не я. К вашему сведению, пока вы общались со священником, мне позвонил с места преступления Луни. Туда явился Эрл Кофер и стал орать, мол, подавай мне парня. Луни и Пертл его не пускают, а Эрл рвется внутрь. Он захватил с собой двух племянников-молокососов, те строят из себя крутых, в общем, целый скандал. Тут как раз подъезжают следователи штата в фургоне лаборатории криминалистики. Им удастся втолковать Эрлу, что весь дом – активное место преступления, и он нарушит закон, если войдет туда. Тогда Эрл зарулил на передний двор и стал сидеть в машине со своими племянниками. Луни попытался их спровадить, Эрл ответил, что это его собственность. В смысле, собственность семьи. Уверен, он все еще там.

– Что ж, примерно через час я встречу с Эрлом и со всей его семейкой. Хочешь со мной?

– Ну их к черту!

– Если не желаешь по-хорошему, то поедешь в приказном порядке. Мне необходимы двое белых за спиной. Это ты и Луни.

– Они что, ваши избиратели?

– Здесь все – мои избиратели, а то ты не знаешь, Мосс! Если ты побеждаешь, значит, за тебя проголосовал каждый, считая его прабабку. У меня было семьдесят процентов голосов, жалоб не поступало, но я все равно должен встречаться с каждым в округе Форд, кто не отдал за меня свой голос. Все мои избиратели гордятся своим выбором и хотят снова проголосовать за меня.

– Я думал, вы набрали шестьдесят восемь процентов, а не семьдесят.

– Было бы все семьдесят, если бы не лентяи из Блэкджека.

– Лентяи? Моя родня голосует, как подорванная, Оззи. Самые неутомимые избиратели! Бегут на избирательный участок с утра пораньше и целый день там торчат, чтобы за всех проголосовать: за опоздавших, за отсутствующих, даже поддельных бюллетеней не чураются. Голосуют за мертвых, за психов, за не прошедших по возрасту, за осужденных преступников, лишенных права голоса. Вы уже и не помните, но двадцать лет назад мой дядюшка Феликс сел в тюрьму, потому что голосовал за мертвецов. Два кладбища оживил за одни выборы! Голосов все равно не хватило, его противник набрал на шесть штук больше и посадил дядю за решетку.

– Твой дядя сидел?

– Почему «сидел»? Отделался следственным изолятором. Провел в нем всего три месяца, заявил, что там вполне терпимо, вышел на свободу героем, вот только голосовать никогда больше не мог. Большой был мастер плотно забивать ящики бюллетенями! Вам позарез нужна моя родня, Оззи, уж мы-то знаем, как выигрывать выборы!

Второй раз за сутки шериф припарковался рядом с дверями приемного отделения больницы. По коридору третьего этажа прогуливались все те же два помощника шерифа, тот же молодой врач болтал с медсестрой. Долго ждать новостей не пришлось. Джози Гэмбл была в сознании, хотя находилась на успокоительных из-за острой боли в раздробленной челюсти. Все жизненные показатели были в порядке. Ей еще не сообщили о смерти Стюарта Кофера и об аресте ее сына. В ответ на вопросы Джози о детях врач уверял, что они в безопасности.

Оззи набрал в легкие побольше воздуха и покосился на Тейтума, читавшего его мысли и уже качавшего головой.

– Вы босс, вам решать.

– Она выдержит плохие новости? – спросил он врача.

Тот улыбнулся, пожал плечами:

– Можно сейчас, можно повременить. Разница невелика.

– Я пошел, – решил Оззи.

– Я подожду здесь, – произнес Тейтум.

– А вот и нет, марш со мной!

Через четверть часа, покидая больницу, Оззи и Тейтум увидели пастора Макгерри и Киру, сидевших в комнате ожидания приемного отделения. Шериф приблизился к ним и тихо сообщил, что только что навестил Джози, она в сознании и дожидается Киру. Известие о смерти Кофера и об аресте Дрю привело Джози в смятение, она хочет видеть дочь.

Он еще раз поблагодарил пастора за помощь и обещал позвонить.

У машины Оззи сказал Тейтуму «веди ты» и шагнул к пассажирской двери.

– Я с радостью. Куда едем?

– Я уже несколько часов не видел окровавленных трупов, так что давай полюбуемся на Стюарта, мир его душе.

– Сомневаюсь, что он успел сменить позу.

– Мне надо поговорить с людьми из штата.

– Уверен, такое дело они не заперют.

– Они хорошие специалисты, такие не заперют.

– Вам виднее. – Тейтум захлопнул дверцу и завел автомобиль.

За чертой города Оззи произнес:

– Сейчас половина девятого. Я на ногах с трех часов.

– Я тоже не завтракал.

– Я здорово проголодался. Что-нибудь открыто в этот чудесный воскресный час?

– Хьюи как раз закрывает лавочку, к тому же у него не кормят завтраками. Как насчет «Опилка»?

– «Опилки»?

– Ага. Насколько я знаю, это единственное место, открытое так рано в воскресенье, во всяком случае, в этой части нашего округа.

– Знаю, меня там ждут с распростертыми объятиями. Особая дверка с табличкой: «Вход для негров».

– Я слышал, ее уже сняли. Вы хотя бы раз заглядывали внутрь?

– Нет, помощник шерифа Тейтум, я никогда не бывал в сельской лавке «Опилки». Когда я был ребенком, там еще собирался ку-клукс-клан, и это не являлось секретом. Да, теперь уже 1990 год, но те, кто закупается и утоляет голод в «Опилках», не говоря о тех, кто, сидя зимой у старой чугунной плиты, травит анекдоты про черных, жует на террасе табак и сплевывает на тротуар, строгая палочки и играя в шашки, – это не та публика, с которой мне хочется иметь дело.

– Зато у них вот такие оладьи с голубикой!

– В мою порцию они положат отраву.

– Ошибаетесь. Давайте сделаем одинаковый заказ и поменяемся тарелками с оладьями. Если я подавлюсь и склею ласты, то меня отпоют на пару с Кофером. Представьте эту похоронную процессию, кружащую по площади!

– Как-то не тянет.

– Оззи, вас дважды избирали шерифом округа Форд с большим отрывом. Вы ходите в местных героях, я не верю, что вы робеете зайти перекусить в здешнее кафе. Если боитесь, обещаю вас защитить.

– Дело не в этом.

– В этом, в этом! Много наберется бизнесов с хозяевами-белыми, куда вы не суетесь все семь лет, что служите шерифом?

– Я был не во всех белых церквях.

– Это потому, что побывать во всех превыше человеческих сил. Их не менее тысячи, и постоянно строятся новые. Я про бизнесы, а не про церкви.

Провожая глазами маленькие фермы и сосновые рощи, Оззи раздумывал над ответом.

– На ум приходит всего один.

– Вот и давайте обнулим список.

– Там по-прежнему болтается флаг Конфедерации?

– Скорее всего.

– Кто теперь хозяин?

– Не знаю. Сам уже несколько лет там не бывал.

Они проехали по мосту через реку и свернули на другую сельскую дорогу. Тейтум поднажал, мчась по осевой. Здесь и в будни-то бывало немного машин, а воскресным утром было – совсем никого.

– Полицейский участок Пайн-гроув. Девяносто пять процентов белых, за меня проголосовало только тридцать процентов избирателей.

– Тридцать процентов?

– Ага.

– Я рассказывал вам про своего деда с материнской стороны? Его называли Грампс. Он умер еще до моего рождения, что, наверное, к лучшему. Сорок лет назад он баллотировался в шерифы округа Тайлер и набрал восемь процентов голосов. Так что тридцать процентов – впечатляющая цифра.

– На исходе голосования я был ею не сильно впечатлен.

– Забудьте, босс. Вы одержали блестящую победу. Сейчас у вас есть шанс переубедить просвещенную публику, просиживающую штаны в «Опилках».

– Кстати, откуда взялось название «Опилки»?

– В этих краях лесопилка на лесопилке, лесоруб на лесорубе. Суровые люди. Я не в курсе, сейчас выясним.

Парковка была наполнена пикапами, новых среди них было немного, в основном старые и битые, и все стояли в беспорядке, словно водителям некогда аккуратно парковаться, так спешили позавтракать. Флагшток прославлял великий штат Миссисипи и славное дело Конфедерации. В клетке около веранды нюхали друг друга два черных медведя. Оззи и Мосс поднялись по скрипучим ступенькам. За дверью находилась сельская лавка под свисавшими с потолка копчеными окороками. Сильно пахло жареным беконом и тлеющими дровами. Пожилая женщина взглянула из-за прилавка сначала на Тейтума, потом на Оззи и заставила себя кивнуть, выдавив: «Доброе утро».

Беседа между собой, они подошли к столикам, половина из которых оказались заняты белыми мужчинами; женщин здесь не наблюдалось. Все ели и пили кофе, многие курили, непринужденно болтали – пока не увидели Оззи. Шум голосов ощутимо стих, но лишь на секунду-другую, пока до посетителей не дошло, кто он такой и что оба – стражи правопорядка. Тут же, словно доказывая свою терпимость, посетители возобновили прерванные разговоры, причем активнее, чем раньше, тщательно игнорируя пришедших.

Тейтум указал на свободный столик, и они сели. Оззи уткнулся в меню, хотя это было лишнее. Появилась официантка с кофейником и наполнила их чашки.

Посетитель за соседним столиком не справился с любопытством и снова уставился на вновь прибывших.

– Раньше это место славилось оладьями с голубикой, – обратился к нему Тейтум. – А как сейчас?

– Так же, – ответил сосед с усмешкой и похлопал себя по изрядному брюху. – Оладьи, а еще колбаска из оленины. Лучшее средство для заботы о фигуре.

Все засмеялись.

– Прошел слухок про Стюарта Кофера, – произнес кто-то. Голоса стихли. – Правда, что ли?

Тейтум кивнул своему начальнику, словно говоря: «Действуйте! Докажите, что вы – популярный шериф».

Оззи сидел спиной ко многим посетителям, поэтому ему пришлось встать и осмотреть кафе.

– Боюсь, так и есть, – начал он. – Стюарта застрелили примерно в три часа ночи в собственном доме. Мы потеряли одного из наших лучших сотрудников.

– Кто стрелял-то?

– Сейчас я не могу сообщить подробности. Дождитесь завтрашнего дня.

– Говорят, его шлепнул паренек, живший у него в доме.

– Мы арестовали юношу шестнадцати лет. Его мать была подружкой Кофера. Это все, что я могу сказать. Сейчас на месте преступления находится полиция штата. На сегодня на этом все. Подробности появятся позже.

Оззи говорил дружелюбно, но все равно не мог предвидеть дальнейшего. Деревенский старикан в грязных башмаках и выцветшем комбинезоне, в фуражке кормовой компании, уважительно произнес:

– Спасибо, шериф.

Возникла пауза. Лед был сломан, прозвучало еще несколько благодарностей.

Оззи сел и заказал оладьи и колбасу. Пока они пили кофе и ждали еду, Тейтум заметил:

– Неплохо для избирательной кампании.

– Никогда не думаю о политике.

Тейтум отвернулся, чтобы не засмеяться.

– Знаете, босс, если бы вы завтракали здесь хотя бы раз в месяц, то все голоса были бы ваши.

– Хватило бы и семидесяти процентов.

Официантка положила им на столик воскресную джексонскую газету и улыбнулась Оззи. Тейтум стал изучать спортивный раздел, шериф заглянул в раздел новостей штата. Подняв голову от газеты, он увидел на стене кафе два больших расписания футбольных матчей команды университета в Оксфорде и команды университета штата в 1990 году. Вокруг расписаний висели флажки обеих команд и черно-белые фотографии позирующих игроков прошлых лет – сплошь белых, из другой эпохи.

Оззи играл за колледж Клэнтон и мечтал стать первым чернокожим игроком оксфордской команды, но его туда не взяли. В составе уже было двое черных, и Оззи решил, что его сочли лишним. Тогда он поступил в университет Алкорн, проучился там четыре года, был принят в команду в десятом круге и зачислен в состав «Лос-Анджелес Рэмс». Сыграл в одиннадцати матчах, потом повредил колено и снова оказался в Миссисипи.

Изучая лица прежних звезд, он размышлял, сколько из них действительно играли в профессиональный американский футбол. В НФЛ пробившись еще двое чернокожих игроков из округа Форд, но их фотографий на стене не было, как и его.

Оззи приподнял газету и попытался прочитать заметку, но отвлекся. Вокруг обсуждали погоду, приближающийся ураган, клев окуня в озере Чатулла, смерть всем известного старика-фермера, недавние выкрутасы сенаторов штата в Джексоне. Притворяясь, будто читает, он прислушивался и пытался представить, о чем они станут говорить после его ухода. О том же самом? Вряд ли.

Оззи знал, что в конце 60-х годов в «Опилках» собирались «горячие головы», собиравшиеся строить частную школу в ответ на предательские решения Верховного Суда об отмене сегрегации. Школа выросла на подаренном кем-то участке за пределами Клэнтон – железный барак, где учителям недоплачивали и где учеба обходилась недорого, хотя энтузиастов и эта цена не устраивала. Школа продержалась считанные годы и закрылась из-за долгов и давления в пользу бесплатных школ во всем округе.

Официантка подала им оладьи и колбасу, налила еще кофе.

– Пробовали когда-нибудь оленью колбасу? – обратился к шерифу Тейтум. За все свои сорок лет он почти не высывал носа из округа Форд, но часто приходил к выводу, что превосходит эрудицией своего босса, однажды пересекшего Штаты от океана до океана со своей командой НФЛ.

– Такую делала моя бабка, – ответил Оззи. – Я за ней наблюдал. – Он попробовал, пожевал. – Неплохо, правда, островата.

– Я видел, как вы рассматривали фотографии на стене. Не хватает вашей, босс.

– Зачем она здесь, Тейтум? Не надо, обойдусь.

– Это мы еще посмотрим. Какая несправедливость!

– Брось.

Они увлеклись оладьями. Каждой тарелки хватило бы на семейство из четырех человек. Насытившись, Тейтум наклонился к шерифу и спросил:

– Какого вы мнения о будущих похоронах?

– Я ему не родня, Мосс, или ты этого не заметил? Пусть решают его родители.

– Верно, но не получится ведь просто помолиться и опустить его в могилу. Все же он был вашим помощником. Как насчет почетного караула, парадного шага, торжественного салюта? На своих похоронах я хочу толпы людей и рыдающих родственников.

– Ничего, обойдешься. – Оззи опустил нож и вилку, медленно отпил кофе, посмотрел на своего помощника, как на воспитанника детсада, и продолжил: – Тут есть особенность, Мосс: наш бесценный друг Кофер погиб не при исполнении служебного долга. В свободное от службы время он поддавал, кутил, мало ли, чем еще занимался... Трудно будет выбить средства на пышное прощание.

– А если семье захочется шоу?

– Знаешь, там пока фотографируют его труп. Всему свое время. Ешь давай. Надо торопиться.

Когда они добрались до дома Стюарта, Эрла Кофера с племянниками и след простыл. Караул, что называется, устал; наверное, их затребовали домой родные. На подъездной дорожке и в переднем дворе было тесно от автомобилей полиции и прочих машин: двух фургонов лаборатории криминалистики штата, скорой помощи, которой предстояло увезти тело, и еще одной – на всякий случай, двух автомобилей добровольной пожарной команды – без них никогда не обходилось.

Оззи был знаком с одним из следователей штата. Тот коротко ввел его в курс дела, хотя шериф совершенно в этом не нуждался. Пришлось снова разглядывать Стюарта, хотя он никуда не передвинулся с того места, где расстался с жизнью. Разница сводилась к тому, что пятна крови на простынях успели потемнеть, а окровавленные подушки куда-то исчезли. Двое экспертов в защитных комбинезонах тщательно собирали образцы мозга со стены над изголовьем.

– Все как в учебнике, – произнес следователь. – Но мы все равно отвезем его на вскрытие. Паренек, наверное, в окружной тюрьме?

– Где ему еще быть? – Как всегда в подобных случаях, Оззи злило высокомерие сотрудников из столицы штата. Он не был обязан приглашать их на место преступления, но опыт подсказывал, что на процессах убийц присяжные лучше воспринимают объяснения специалистов из полиции штата. Тем быстрее удавалось их убедить.

– У него взяли отпечатки пальцев? – спросил следователь.

– Нет, мы решили предоставить это вам.

– Правильно. Мы заедем в тюрьму за отпечатками, заодно проверим его на следы пороха.

– То-то он ждет не дождется.

Они вышли на воздух. Тейтум закурил, шериф взял у пожарного стаканчик кофе из термоса. Никто не торопился, особенно Оззи. Дверь дома открылась, санитар пятился, толкая каталку с плотно завернутым в простыни телом. Колесики простучали по булыжнику дорожки, носилки задвинули в скорую и закрыли дверцы.

Эрл и Джанет Коферы жили в нескольких милях от Стюарта в низком доме в стиле ранчо 60-х годов, где вырастили троих сыновей и дочь. Стюарт был их старшим, потому и получил в наследство от деда десять акров леса и дом, где жил и умер. Клан Коферов не был богат и не владел обширными угодьями, но всегда отличался трудолюбием, бережливостью и избегал проблем. По южной части округа было разбросано немало их родни.

В 1983 году, впервые баллотируясь в шерифы, Оззи не знал, как голосует эта семейка. Через четыре года, когда Стюарт уже надел форму и гонял на блестящей патрульной машине, Оззи получил все их голоса. Они гордо выставили перед своим домом его предвыборные плакаты и даже выписали небольшие чеки в пользу избирательного фонда шерифа Уоллса.

Сейчас, в это ужасное воскресное утро, все они ждали, чтобы Оззи засвидетельствовал им свое почтение и ответил на вопросы. С целью продемонстрировать им свою поддержку прикатали не только шериф и помощник Тейтум, но и еще одна машина, с Луни и Маккарвером – двумя другими белыми помощниками шерифа. Миссисипи есть Миссисипи; Оззи давно усвоил, когда надо использовать своих белых помощников, а когда – чернокожих.

Как и следовало ожидать, длинная подъездная дорожка была уставлена легковыми автомобилями и пикапами. На террасе ждала, покуривая, группа мужчин. Тейтум нашел, где припарковаться, они вышли и зашагали через лужайку навстречу родне убитого, их хмурым приветствиям. Обе пары, Оззи с Тейтумом и Луни с Маккарвером, стали пожимать руки, соболезновать, горевать вместе с семьей. Эрл поднялся им навстречу и поблагодарил за то, что приехали. Глаза у него были заплаканные, он сам выглядел хмурым. Оззи только и оставалось, что сжимать его ладони обеими руками и слушать всхлипы. Вокруг шерифа собралась целая толпа, желавшая услышать что-нибудь новое.

Видя их печальные, встревоженные взгляды, Оззи кивал, напуская на себя такую же скорбь.

– Вообще-то я мало что могу добавить к тому, что вы уже знаете, – начал он. – Вызов был принят в два сорок ночи, позвонил сын Джози Гэмбл и сообщил, что его мать избита и, кажется, мертва. Приехав, мы нашли мать в кухне, без сознания, при ней была ее четырнадцатилетняя дочь. Девочка сказала, что ее брат стрелял в Стюарта. Стюарта мы увидели в спальне, на кровати. Ему один раз выстрелили в голову из его служебного пистолета, лежавшего рядом на кровати. Парень, Дрю, отказывался говорить, поэтому мы его забрали. Сейчас он в следственном изоляторе.

– Вы уверены, что это его рук дело? – спросил кто-то.

Оззи покачал головой.

– Пока у меня мало сведений. По правде говоря, я выложил вам почти все, что мы знаем. Добавить мне нечего. Может, что-нибудь появится завтра.

– Его же не выпустят?

– Нет. Думаю, суд скоро назначит ему адвоката, и система возьмет парня в оборот.

– Его будут судить?

– Понятия не имею.

– Сколько лет мальчишке?

– Шестнадцать.

– С ним могут поступить как со взрослым и приговорить к смертной казни?

– Это решит суд.

Стало тихо. Одни смотрели себе под ноги, другие вытирали глаза.

– Где Стюарт сейчас? – тихо спросил Эрл.

– Его увезут в Джексон, в криминалистическую лабораторию штата, для вскрытия. Потом тело отдадут вам с миссис Кофер. Я бы хотел увидеть Джанет, если можно.

– Даже не знаю, шериф, – произнес Эрл. – Она лежит, рядом с ней сестры. Не уверен, что она захочет кого-то видеть. Дайте ей время.

– Разумеется. Прошу, передайте ей мои соболезнования.

Подъехали еще две машины, на дороге притормозила третья. Оззи потоптался еще несколько минут и, извинившись, попросил его отпустить – дела. Эрл и все остальные поблагодарили шерифа за сочувствие, он пообещал позвонить завтра и сообщить новости.

4

Целую неделю, не считая воскресенья, Джейк Брайгенс, уступая зловредному будильнику, покидал постель очень рано – в 5.30 утра. Шесть раз в неделю он брел ранним утром к кофейнику, тыкал на нем кнопку и закрывался в своей собственной ванной на первом этаже, подальше от спящих жены и дочери. Там он пять минут проводил под душем, еще пять минут посвящал завершению утреннего ритуала, потом одевался в то, что приготовил с вечера. Взбежав наверх, Джейк наливал себе чашку черного кофе, возвращался в спальню, целовал на прощание жену, забирал кофе и ровно в 5.45 закрывал дверь кухни и выходил на задний крытый дворик. Шесть раз в неделю он ехал по темным улицам Клэнтонна на красивую площадь с величественным зданием суда, изучая по пути пробуждающуюся жизнь, оставлял автомобиль перед своим офисом на Вашингтон-стрит и шесть раз в неделю ровно в 6 утра входил в одно и то же кафе, где либо слушал, либо сам заводил разговоры, пока ел кукурузную кашу с белым хлебом.

Но на седьмой день недели Джейк отдыхал. В этот день его будильник безмолвствовал, поэтому они с женой могли валяться в кровати, сколько душе угодно. Для Джейка, впрочем, валяние закончилось в 7.30. Велев Карле спать дальше, он варил в кухне яйца и жарил тосты, чтобы принести завтрак, кофе и сок ей в постель. Так происходило в обычные воскресные дни.

Но это воскресенье было особенное. В 7.05 зазвонил его телефон, а поскольку жена настаивала, чтобы телефон стоял на его ночном столике, Джейк был вынужден ответить.

– На твоём месте я бы на пару дней покинул город, – прозвучал в трубке низкий хриплый голос Гарри Рекса Боннера, наверно, лучшего, а то и единственного его друга.

– И тебе доброе утро, Гарри Рекс. Лучше бы оно было добрым.

Гарри Рекс, способный и хитроумный адвокат по бракоразводным делам, был в курсе всех темных делишек в округе Форд и чрезвычайно гордился тем, что узнавал про новости, грязь и слухи раньше любого, кто носил значок.

– Ночью Стюарту Коферу всадили пулю в башку. То есть шлепнули. Оззи запер в изолятор сынка его подружки, шестнадцатилетнего паренька, еще не начавшего бриться. Он ждет адвоката. Уверен, судья Нуз уже в курсе и размышляет, кого назначить.

Джейк сел и подложил под спину подушки.

– Стюарт Кофер мертв?

– Мертвее не бывает. Парень вышиб ему мозги, пока он дрых. Тянет на вышку. За убийство копа в этом штате в девяти случаях из десяти прописывают газ.

– Разве не ты оформлял ему развод?

– Первый, а не второй. Мы не поладили из-за гонорара, и он на меня рассердился. Когда позвонил насчет второго, я послал его куда подальше. Оба раза Кофер женился на психопатках, но что поделать, когда у человека страсть к сомнительным женщинам, особенно в обтягивающих джинсах.

– Дети у него есть?

– Я не в курсе. Как и он.

Карла успела встать и ждала рядом, хмурясь, будто слушала вранье. Три недели назад помощник шерифа Стюарт Кофер выступил в школе, перед ее шестиклассниками, с отличной лекцией об опасности незаконного хранения наркотиков.

– Парню всего шестнадцать... – пробормотал Джейк, протирая глаза.

– Слышу голос настоящего либерального адвоката. Ты опомниться не успеешь, как тебе позвонит Нуз. Шевели мозгами! Кто защищал обвиняемого на последнем процессе по делу о тяжчайшем убийстве? Забыл Карла Ли Хейли?

– Это было пять лет назад.

– Неважно. Назови другого здешнего адвоката, которому придет в голову приняться за серьезное уголовное дело? Нет таких. А главное, Джейк, в округе больше нет никого, кому достаточно компетенций, чтобы вести дело об убийстве с отягчающими обстоятельствами.

– Еще чего! А как же Джейк Уолтер?

– Запятнал себя. За прошлый месяц Нуз получил две жалобы от его недовольных клиентов и вот-вот обратится по этому поводу в адвокатскую коллегия штата.

Джейк всегда недоумевал, откуда Гарри Рекс о таком узнает.

– Я полагал, его выгнали.

– Да, но он вернулся, мучимый еще более сильной жадой, чем раньше.

– А Джилл Мейнард?

– Погорел в прошлом году на деле об изнасиловании. Обещал Нузу отказаться от лицензии, пока снова не завяз в неудобном уголовном процессе. И потом, он совершенно не умеет выступать в суде. Нуз как увидит его в зале суда, так корчит гримасы. Назови еще кого-нибудь.

– Назову, если дашь мне минуту на размышление.

– Не трать зря время. Уж поверь мне, Джейк, сегодня тебе позвонит Нуз. Сможешь слить из страны на неделю-другую?

– Ты шутишь, Гарри Рекс? А кто будет выступать у Нуза в суде во вторник в десять часов утра? Помнишь об этом пустячке, деле «Смоллвуд»?

– Черт, я думал, у нас есть еще неделя.

– Хорошо, что это дело веду я, а не ты. Не говоря уже о таких мелочах, как Карла с ее работой и Ханна с ее учебой. Глупо считать, что мы можем исчезнуть по щелчку пальцев. Нет, я не сбегу, Гарри Рекс.

– Поверь мне, ты горько пожалеешь. От этого дела жди беды.

– Если мне позвонит Нуз, я поговорю с ним по душам. Объясню, почему не гожусь для данного процесса, и предложу позвать адвокатов из другого округа. Ему нравятся те двое из Оксфорда, которые берутся за что ни попадя. Он уже к ним обращался.

– Как я слышал, они провалились с апелляциями смертников. В суде они всегда терпят поражение, сам знаешь. Из-за них апелляции тянутся без конца. Услышь меня, Джейк, тебе ни к чему дело об убийстве копа. Факты против тебя. Политика против тебя. Даже не мечтай, что присяжные посочувствуют твоему клиенту.

– Я все понял, Гарри Рекс. Хватит на меня давить. Дай выпить кофе и поговорить с Карлой.

– Она в душе?

– Нет, а что?

– Сам знаешь, это моя заветная фантазия.

– Позже продолжим, Гарри Рекс.

Джейк повесил трубку и пошел следом за женой в кухню, варить кофе. Весеннее утро было почти теплым, чтобы побыть на крытом дворике, но не совсем. Они уселись за столик в углу, где обычно завтракали, оттуда приятно рассматривать цветущие на дворе розовые и белые азалии. Собака, недавняя их попытка спасти живое существо, по кличке Малли, пока позволявшая ее кормить, но больше никак их не радовавшая, встала со своей подстилки в туалете и уставилась на дверь. Джейк выпустил ее на крытый дворик и налил две чашки кофе.

За кофе он повторил все, что рассказал Гарри Рекс, за исключением прощальной реплики про Карлу в душе, и они стали обсуждать неприятную возможность участия Джейка в деле. Он соглашался, что досточтимый судья Омар Нуз, его друг и наставник, вряд ли назначит другого адвоката из того небогатого набора, который предоставляла палата округа Форд. Почти все они до одного (считая и одну женщину-адвоката) избегали процессов с участием присяжных, предпочитая бумажную работу в рамках своей мелкой практики. Гарри Рекс не возражал против хорошей судебной заварухи, но только в делах о семейных конфликтах, разбираемых одними

судьями, без всяких присяжных. В 95 процентах случаев уголовные дела улаживались сделкой о признании вины, при которой не требовался судебный процесс. Дела по мелким проступкам – авариям, оплошностям с тяжелыми последствиями, инцидентами с собаками – улаживались с участием страховых компаний. Обычно, сталкиваясь с крупным гражданским делом, адвокат из округа Форд обращался в Тупело или в Оксфорд и подключал настоящего процессуального адвоката, опытного в судебных прениях и не пасующего перед присяжными.

Джейк мечтал все это поменять и в свои 37 лет пытался создать репутацию адвоката, не страшась рискованной игры и добивающегося нужных ему приговоров. Без сомнения, самым значительным эпизодом его карьеры стал вердикт «невиновен» в деле Карла Ли Хейли пять лет назад, после которого он надеялся, что теперь у него не будет отбоя от серьезных дел. И где они? Джейк упорно встречал в любые прения, работало это неплохо, но вознаграждения оставались смехотворными.

Исключением стало дело «Смоллвуд». У него был потенциал превращения в крупнейшее гражданское дело в истории округа, причем Джейк выступал на этом процессе главным адвокатом. Он принял иск тринадцать месяцев назад и с тех пор посвящал ему половину своего рабочего времени. Теперь Джейк был готов к судебному разбирательству и насаждал на адвокатов ответчика, тянувших с назначением даты.

Гарри Рекс умолчал о роли внештатного государственного защитника от округа, и не без причины. Нынешний государственный защитник был робким новичком с крайне низким, как и следовало ожидать, рейтингом одобрения. Он согласился на эту работу, поскольку других желающих не оказалось, вакансия оставалась открытой целый год, а еще из-за того, что округ нехотя согласился поднять оклад по ней до 2500 долларов в месяц. Никто не ждал, что он продержится на ней более года. На его счету пока не было полноценного процесса с участием присяжных, и он не стремился его провести. А главное, он и близко не подходил к процессам, где подсудимому грозил приговор к высшей мере.

И еще, это была женщина. Неудивительно, что Карла сразу стала ей симпатизировать. Даже одобряя Стюарта Кофера как копа, она знала, что в свободное от службы время некоторые полицейские позволяют себе черт знает что. А тут домашнее насилие...

Но она не забывала и о другом громком противоречивом деле. Три года после процесса Карла Ли Хейли семье Брейгенсов приходилось мириться с полицейским автомобилем, стоявшим ночью перед их домом, и со злобными взглядами незнакомых людей в магазине. Теперь, переехав в другой дом и постаравшись забыть о том деле, они медленно привыкали к нормальной жизни. В машине Джейка по-прежнему лежал зарегистрированный пистолет, при виде которого она неизменно хмурилась, но охрану уже сняли. Они решили наслаждаться настоящим, строить планы на будущее и забыть прошлое. Меньше всего Карле хотелось нового дела, приносящего головную боль.

Пока они тихо беседовали, появилась мисс Ханна в пижаме, с заспанными глазами, прижимающая к себе любимого плюшевого щенка, без которого она не мыслила сна. Игрушка была потертая, давно исчерпавшая срок пользования, девятилетней Ханне пора было двигаться дальше, но серьезный разговор о начале такого движения раз за разом откладывался. Она залезла к отцу на колени и опять закрыла глаза. Как и ее мать, Ханна предпочитала спокойную тихую встречу утра.

Родители прекратили беседу на юридические темы и заговорили об уроке Ханны в воскресной школе, к которому она еще не готовилась. Карла сходила за учебной брошюрой, и Джейк начал читать вслух про Иону и кита – не самый любимый им библейский сюжет. Ханну он тоже не слишком впечатлил, и она опять задремала. Карла готовила в кухне завтрак – дочери овсянку, взрослым яйца пашот и пшеничные тосты.

Они не спеша ели, наслаждаясь возможностью побыть втроем. Мультфильмы по телевизору по воскресеньям были запрещены, и Ханне не приходило в голову оспаривать это. Перекусив совсем немного, как обычно, она нехотя поплелась умываться.

В 9.45, одевшись по-воскресному празднично, они отправились на занятия в Первую пресвитерианскую церковь. Не найдя в машине очков, Джейк ринулся за ними обратно в дом и не забыл отключить на входе охранную сигнализацию.

Зазвонил телефон, висевший на кухонной стене, высветился номер с кодом штата и со смутно знакомым продолжением, вероятно, соседнего округа Ван-Бюрен. Имени не появилось, значит, звонивший был незнакомцем, и у Джейка возникло нехорошее предчувствие. Он уставился на телефон, то ли не желая отвечать, то ли не находя для этого сил. Интуиция подсказывала не делать этого. Кто бы стал названивать мирным воскресным утром, кроме Гарри Рекса? Разве что Люсьен Уилбэнкс, но его телефон Джейк знал. Наверное, это что-то важное и мало-приятное, потому он и стоял неподвижно, глядя на телефон. После восьмого звонка замигала лампочка автоответчика. Джейк нажал кнопку. «Доброе утро, – раздался знакомый голос, – это судья Нуз. Я у себя в Честере, собираюсь в церковь. Вы, наверное, тоже. Простите за беспокойство, но в Клэнтоне срочное дело, уверен, вы уже о нем слышали. Пожалуйста, перезвоните мне как можно скорее».

Джейк надолго запомнит этот момент – как стоял в кухне в темном костюме, будто специально для этого принарядился, и смотрел на телефон, словно боясь ответить. Давно он не чувствовал себя таким трусом. Напрасно надеялся, что подобного больше никогда не случится.

Он включил сигнализацию, запер дверь и зашагал к машине, изобразив фальшивую улыбку до ушей, чтобы не родных. Когда он начал сдавать назад, Ханна спросила:

– Где твои темные очки, папа?

– Искал и не нашел.

– Они на столике для почты, – вспомнила Карла.

Джейк покачал головой – ну их, ерунда.

– Представляешь, не увидел! Теперь главное – не опоздать.

В мужском библейском классе должны были продолжить изучение Послания апостола Павла к галатам, но до этого так и не дошло. Убили полицейского, местного, чья родня двух старших поколений была рассеяна по всему округу. Обсуждение сползло на тему преступления и наказания, причем большинство оказалось сторонниками скорого возмездия без учета возраста убийцы. Так ли важно, шестнадцать ему или шестьдесят? Это явно не имело значения для Стюарта Кофера, количество близких которого росло буквально поминутно. Неблагополучный подросток, завладевший огнестрельным оружием, способен натворить не меньше бед, чем серийный убийца. В классе было трое юристов, а мнений высказывалось и того больше. Джейк держался тихо, сидел, погруженный в свои мысли, делая вид, будто его это не касается.

Его собратья-пресвитериане вроде превосходили терпимостью фундаменталистов, собиравшихся неподалеку, – баптистов и пятидесятников, явных сторонников смертной казни, но, судя по жажде мести, переполнявшей тесный класс, паренька, убившего Стюарта Кофера, неминуемо ждала, на взгляд Джейка, газовая камера в Парчмане.

Он гнал подобные мысли, убеждая себя, что это его не касается. Разве не так?

В 10.45 заиграл орган, созывая всех на службу. Джейк и Карла проследовали по проходу до четвертой скамьи спереди, в правой половине, и подождали, пока явится вприпрыжку после урока в воскресной школе Ханна. Джейк принялся болтать со старыми друзьями и знакомыми, большинство которых редко видел вне церкви. Карла поздоровалась с двумя своими учениками. Утреннюю службу в Первой пресвитерианской церкви посещали примерно 250 прихожан, и казалось, что сейчас бóльшая их часть бродит по церкви, активно общаясь. Преобра-

дали седые головы, недаром священник не скрывал от Джейка своей озабоченности падающей популярностью богослужений среди молодых семей.

Престарелый мистер Кевенаф, хмурый ворчун, которого большинство сторонилось, несмотря на высокие суммы выписываемых им чеков (этим он затыкал за пояс остальную паству), схватил Джейка за руку и громко произнес:

– Вы, часом, не намерены защищать парня, убившего нашего помощника шерифа?

У Джейка был богатый набор ответов. Первый: почему бы тебе не заняться своими делами, мерзкий старикашка? Второй: ваша семья ни цента ни пожертвовала на мою учебу, откуда тогда интерес к моей юридической практике? Третий: как это дело может затронуть лично вас?

Но Джейк выбрал четвертый вариант: посмотрел священнику в лицо и спросил:

– О ком, собственно, речь?

Такого мистер Кевенаф не ожидал. Длительная пауза позволила Джейку высвободить руку.

– Разве вы не слышали?

– О чем?

Запел хор, это было сигналом к началу службы. Нужно было садиться. Ханна расположилась между родителями, и Джейк, улыбаясь дочери, не впервые задался вопросом, долго ли еще это продлится. Совсем скоро Ханне захочется сидеть в церкви не с родителями, а с подружками, а потом наступит время ухажеров. Не накликая неприятности, напомнил он себе. Наслаждайся текущим моментом.

Однако наслаждение получилось недолгим. Вскоре после предварительных объявлений и первого гимна Эли Проктор взошел на кафедру и огласил и так всем известную скорбную весть. Несколько перебирая, по мнению Джейка, с драматичностью, пастор поведал о тяжелой утрате – гибели помощника шерифа Стюарта Кофера. Можно было подумать, что это каким-то образом затрагивало лично его. Джейк иногда жаловался Карле, что его раздражает эта привычка, но та не разделяла его отношение. Порой Проктор чуть не плакал, когда живописал тайфуны в южной акватории Тихого океана или голод в Африке. Это были беды, об избавлении от которых следовало, без сомнения, молиться всем христианам, но трудно было забыть, что происходили они где-то далеко. Как и вся остальная страна, пастор узнавал о них из выпусков новостей, но его они трогали несравненно сильнее.

Он долго, истово молился о правосудии и исцелении, однако недостаточно поминал милосердие.

Юношеский хор исполнил два гимна, затем служба переключилась на иные темы. Ровно в 11.32, когда началась проповедь, Джейк попытался сосредоточиться на смысле ее проникновенных слов, но быстро отвлекся на еще более головокружительные сценарии, которые должны были развернуться в ближайшие дни.

После ланча ему придется позвонить Нузу. Он уважал судью, даже восхищался им, не преувеличивая, поскольку Нуз относился к нему примерно так же. Молодым юристом Нуз отдал должное политике, однако не преуспел. Будучи сенатором штата, он чуть не попал под суд и потерпел унижительное поражение при попытке переизбраться. Однажды судья признался Джейку, что растранижил свои годы как молодой адвокат и не успел отточить навыки в суде. Он гордился тем, как мужал Джейк, и не уставал поздравлять его с оправдательным вердиктом в деле Хейли.

Джейк знал, что не сможет отказать досточтимому Омару Нузу.

Но что будет, если он согласится защищать парня? Того, кто сидит сейчас в камере для несовершеннолетних местного следственного изолятора, хорошо знакомого Джейку? Что о нем тогда подумают эти прекрасные люди – пресвитерианцы? Многие ли из них когда-либо

заглядывали в тюрьму? Многие ли имеют хотя бы какое-то представление о том, как работает вся система?

А главное, многие ли из этих законопослушных граждан верят в право каждого обвиняемого на справедливый суд? А ведь «справедливость» предполагает помощь опытного адвоката.

Слишком часто звучал вопрос: как ты можешь защищать виновного в серьезном преступлении?

Ответ всегда такой: в случае предъявления серьезного обвинения вашему отцу или сыну какого адвоката вы выберете – напористого или слабовольного?

Как обычно, Джейк изводил себя предположениями, что подумают другие. А это – серьезный недостаток для любого адвоката; так, по крайней мере, утверждал сам Люсьен Уилбэнкс, никогда не заботившийся о чужом мнении.

Когда Джейк окончил учебу на юридическом факультете и оказался в фирме Уилбэнкса, под покровительством Люсьена, босс сыпал такими фразами, как: «Эти козлы из Ротари-клуба, из церкви и из кафе не сделают тебя адвокатом и не поделятся с тобой даже центом» и «Хочешь стать хорошим адвокатом – отрасти толстую шкуру и посылай к чертям всех, кроме своих клиентов». Или такое: «Настоящий адвокат не боится непопулярных дел».

Такой была атмосфера, в которой шло возмужание Джейка как профессионала. До исключения из коллегии за неподобающее поведение Люсьен сам был успешным адвокатом, сделавшим себе имя защитой аутсайдеров – меньшинств, профсоюзов, бедных школьных округов, брошенных детей, бездомных. Но наглость и заносчивость часто мешали ему установить контакт с судьями.

Джейк встряхнулся и удивился, почему во время проповеди размышляет о Люсьене.

Хотя чего удивляться? Останься у Люсьена адвокатская лицензия, он сам просил бы Нуза назначить его защитником паренька. А раз все местные адвокаты бежали от этого дела, как от огня, Нуз назначил бы Люсьена – ко всеобщему удовольствию.

«Прими это проклятое дело, Джейк! – слышал он его громкий голос. – Каждый имеет право на защитника. Не всегда нужно привередничать!»

Поняв, что муж погрузился в посторонние мысли, Карла бросила на него осуждающий взгляд. Он улыбнулся и потрепал по коленке дочь, но та сбросила отцовскую ладонь. Ей уже девять лет, не до шуток!

Верующие Библейского пояса применяли разнообразные выражения для определения тех, кто обделен верой. Среди гневных эпитетов на первом месте было слово «потерявшиеся» – так отзывались о язычниках, не заслуживающих спасения; о нечистых, обреченных на адские муки; а также попросту о грешниках. Более вежливые христиане называли их неверующими, будущими святыми, вероотступниками и – чаще всего – невоцерковленными.

Сущность независимо от термина сводилась к тому, что Коферы махнули рукой на церковь уже давно. Среди их дальней родни водились прилежные прихожане, но в целом, как клан, они были глухи к Слову Божьему. Неплохие, по сути, люди, они просто не испытывали потребности идти праведным путем. Шансы передумать водились в изобилии. Десятки благонамеренных сельских проповедников пытались до них достучаться, но тщетно. Странствующие евангелисты порой нацеливали на Коферов свои пламенные проповеди и даже обращались к ним по именам. Они часто оказывались во главе молитвенных списков, их дома не пропускали ходящие со Словом Божьим от двери к двери. Однако Коферы упорно противились всем усилиям вернуть их к Богу, и всякий раз просили оставить их в покое.

Но в то недоброе утро даже им потребовались соседские объятия и участие. Излияния любви и сострадание тех, кто стоял ближе их к Богу. Хлынув в дом Эрла, такие люди пытались ужиться с тем, что превосходило их воображение. Женщины плакали вместе с Джанет, матерью Стюарта, в то время как мужчины, стоя на веранде и под деревьями, курили, тихо бранились и обсуждали справедливую месть.

Прихожане церкви Доброго Пастыря собирались в красивой белой постройке с высоким шпилем, за которой располагалась кладбище. Зданию церкви было уже 160 лет, его построили методисты, затем передавшие его баптистам; те впоследствии ушли, отчего церковь пустовала тридцать лет. Основатели нынешней общины были независимой группой верующих, не любивших ярлыки, яростный фундаментализм и политизацию, охватившие Юг в 1970-е годы. 100 человек приобрели право собственности на здание, хорошо его отреставрировали и раскрыли объятия просветленным душам, уставшим от устоявшихся догм. Здесь выбирали в старейшины женщин – радикализм, послуживший почвой для слухов, что «добрые пастыри» поклоняются некоему культу. Тут приветствовали чернокожих и любые меньшинства, хотя те, по своим причинам, молились в другом месте.

В это воскресное утро в церкви собралось больше людей, чем обычно, чтобы узнать последние подробности убийства. Как только пастор Чарльз Макгерри сообщил, что обвиняемый, юный Дрю Гэмбл, практически один из них и что его мать, Джози, попала в больницу с тяжелыми побоями, прихожане сплотились в заботе об этой семье. Кира, оставшаяся в тех же джинсах и кроссовках, в которых была во время ночного кошмара, сидела в маленьком классе воскресной школы с другими девочками-подростками, не понимая, где находится. Ее мать в больнице, брат за решеткой, саму ее предупредили, что ей нельзя вернуться домой за вещами. Кира пыталась не расплакаться, но слезы лились сами собой. Целый час она просидела на передней скамье с женой пастора, державшей ее за одну руку, и со знакомой девочкой из школы, не выпускавшей другую ее руку. Слезы, в конце концов, удалось унять, однако ясность мысли не возвращалась. Когда зазвучали гимны, старые песнопения, которые раньше Кира пропускала мимо ушей, она встала, зажмурилась и попробовала молиться вместе с пастором Чарльзом. Она слушала его проповедь, но ни слова не понимала. Несколько часов у нее не было маковой росинки во рту, однако она отворачивалась от еды. Кира не могла представить, что завтра отправится в школу, поэтому решила не идти, как бы ее ни заставляли.

Хотелось одного: сидеть на краю маминой больничной койки, видеть на другом краю койки брата, гладить маму по руке.

5

На обед, как всегда в воскресенье, был легкий салат и суп; плотнее они обедали только в случае, если у матери Джейка было настроение накрыть стол, что случалось раз в месяц. Сегодня этого не произошло. Наскоро пообедав, Джейк, помогая Карле убрать со стола, сложил грязную посуду в раковину, и уже был готов к послеобеденному сну, но у Ханны имелись другие планы. Ей захотелось погулять с Малли в городском парке, и Карла отправила с ними Джейка. Он не возражал. Годилося что угодно, лишь бы убить время и не перезванивать судье Нузу. К двум часам дня они вернулись, и дочь ушла к себе в комнату. Карла подала на малый столик в кухне зеленый чай.

– Он же не заставит тебя ввязаться в это дело? – спросила она.

– Даже не знаю... Все утро ломал голову и не вспомнил ни одного случая, когда суд назначил бы адвоката, а тот взял бы и отказался. У окружных судей огромная власть. Если я не соглашусь, Нуз заставит меня горько пожалеть об этом. Честно говоря, это главная причина, чтобы не отказываться. Для адвоката в маленьком городе пойти наперекор судьям – просто самоубийство.

– Тебе не дает покоя «Смоллвуд»?

– Естественно. Материалы почти готовы, я уговариваю Нуза назначить дату разбирательства. Ответчики, как всегда, тянут время, но, уверен, мы их дождем. Гарри Рекс считает, что они готовы к досудебной сделке, однако сначала надо назначить дату. В общем, сейчас не время перечить Нузу.

– Думаешь, он станет переносить обиды из дела в дело?

– Омар Нуз – опытный старый судья, обычно с ним не возникает проблем, но порой он демонстрирует норы. Он тоже человек, ему свойственно ошибаться, у него есть привычка настаивать на желаемом, во всяком случае, в своем суде.

– И Нуз допустит, чтобы одно дело повлияло на другое?

– Да. Так уже бывало.

– Он ведь тебе симпатизирует, Джейк!

– Нуз воображает себя моим наставником, хочет, чтобы я творил великие дела. Чем не повод доставить старику удовольствие?

– У меня есть право голоса?

– Как всегда.

– Хорошо. Это не дело Хейли. Здесь нет расового напряжения. Насколько я знаю, все участники – белые?

– Пока да.

– Значит, Клан и прочие психи на сей раз не при делах. Ты, конечно, раззадоришь тех, кому не терпится поскорее вздернуть паренька и кто возненавидит любого адвоката, взявшегося его защищать, но это неизбежно в любом случае. Ты – адвокат и, по-моему, лучший из лучших, а он – шестнадцатилетний паренек, угодивший в глубокую яму и отчаянно нуждающийся в помощи.

– В городе есть другие адвокаты.

– Кого бы ты сам нанял, если бы тебе грозил смертный приговор?

Джейк долго колебался с ответом.

– Вот видишь!

– Например, Тома Мотли, он подающий надежды судебный адвокат.

– Он не пачкает рук уголовными процессами. Сколько раз ты сам это повторял?

– Тогда Бо Ландис.

– Кто это? Уверена, он молодец, но мне незнакомо его имя.

– Он молод.

– Ты бы доверил ему свою жизнь?

– Я этого не говорю. Послушай, Карла, я действительно не единственный адвокат в городе. Уверен, Нуз сумеет выкрутить руки кому-нибудь еще. В неприятных делах, вроде этого, приглашать адвоката из другого округа – обычная практика. Помнишь то ужасное изнасилование в Бокс-Хилл три-четыре года назад?

– Еще бы не помнить!

– Мы тогда взмолились, и Нуз нас защитил, обратившись к адвокату из Тупело. Здесь его никто не знал, и он нормально отработал. Уж больно скверной была фактическая сторона.

– Все закончилось соглашением между обвинением и защитой?

– Да. Тридцатью годами тюрьмы.

– Мало! Каков шанс досудебной сделки в данном деле?

– Неизвестно. Все-таки обвиняемый – несовершеннолетний, Нуз не может не принять это во внимание. Но многие будут требовать крови, смертной казни. Семья погибшего поднимет шум. Оззи захочет крупного процесса, ведь жертва – один из его помощников. Все помнят, что в следующем году перевыборы шерифа, так что сейчас самое время побороться с преступностью.

– Куда это годится – отправлять шестнадцатилетнего парня в камеру смертников?

– Попробуй объяснить это семейке Коферов. Я с ними не знаком, но держу пари, что они жаждут одного – газовой камеры. Если бы кто-нибудь поднял руку на Ханну, тебя вряд ли сильно заботил бы возраст преступника.

– Скорее всего, нет.

Они глубоко вздохнули и постарались отбросить столь неприятную мысль.

– Я думал, ты готова голосовать «за», – произнес Джейк.

– Даже не знаю. Это нелегкий выбор, но, если судья Нуз надавит, ты вряд ли откажешься.

Зазвонил телефон, оба уставились на него. Джейк подошел к аппарату, чтобы посмотреть, кто звонит.

– Это он, – сказал Джейк жене с улыбкой, снял трубку, поздоровался, перенес телефон на столик и сел рядом с Карлой.

Началось с обмена любезностями. Близкие в полном порядке. Погода меняется. Ужасные новости о Стюарте Кофере. Собеседники наговорили друг другу комплиментов. Нуз сообщил о своей беседе с шерифом, надежно держащим мальчишку под замком. Старина Оззи – молодец. Другие шерифы взяли бы подозреваемого в оборот и заставили подписать признание на десяти страницах.

– Джейк, я хочу, чтобы ты защищал этого парня на стадии предварительного разбирательства, – продолжил Нуз. – Не знаю, выльется ли все это в процесс о тягчайшем убийстве, но вполне вероятно. Больше ни у кого в Клэнтоне нет «свежего» опыта смертных приговоров, и вообще, из всех адвокатов я больше всего доверяю тебе. Если дойдет до худшего, я вернусь к данному вопросу и попробую найти кого-нибудь другого.

Джейк кивал с закрытыми глазами, но вклинился в первую же паузу.

– Судья, мы оба понимаем, что я если я возьмусь за это дело, то, скорее всего, буду вести его до конца.

– Необязательно, Джейк. Только что я говорил с Роем Браунингом из Оксфорда, опытным адвокатом, знаешь такого?

– Кто же не знает Роя, судья!

– Он загружен по самую макушку, у него в этом году два дела о тягчайших преступлениях, но у него есть молодой партнер, которого он очень хвалит. Рой пообещал изучить наше дело, если по нему «забрезжит» казнь. Но в данный момент, Джейк, мне нужно, чтобы кто-то

пришел к парню в следственный изолятор, поговорил с ним, отогнал от него полицию. Меньше всего я хочу увидеть фальшивое признание или показания тюремного стукача.

– Я доверяю Оззи.

– Я тоже, Джейк, однако убит полицейский, а ты знаешь, как могут на это отреагировать его коллеги. Для меня будет облегчением, если мальчишка уже сейчас получит защиту. Я подпишу твоё назначение на месячный срок. Поезжай туда, взгляни на него. Встретимся во вторник в восемь часов утра перед оглашением списка гражданских дел. По-моему, у тебя есть работенка по делу «Смоллвуд»...

– Но я был знаком с погибшим.

– Ну и что? Городок маленький, тут все друг друга знают.

– Какой напор, судья!

– Ты уж извини, Джейк. Я бы рад был не беспокоить тебя в воскресенье. Однако ситуация может выйти из-под контроля, поэтому нужна твердая рука. Тебе я доверяю, потому и прошу вмешаться. Знаешь, Джейк, еще в мою бытность молодым адвокатом я усвоил, что мы не всегда можем выбирать себе клиентов.

«Почему бы и нет?» – спросил себя Джейк.

– Я бы хотел обсудить это с женой. Пять лет назад нам изрядно досталось из-за дела Хейли, и она способна дать мне ценный совет.

– Это совершенно не похоже на дело Хейли.

– Нет, но здесь тоже убили полицейского, и любой адвокат, взявшийся защищать предполагаемого преступника, столкнется с резко отрицательной реакцией населения. Сами же говорите, судья, город-то маленький.

– Я действительно хочу, чтобы за данное дело взялся ты, Джейк.

– Я обсужу это с Карлой и во вторник утром буду у вас, если позволите.

– Но парню нужен адвокат уже сейчас, Джейк. Если не ошибаюсь, отца у него нет, а мать лежит в больнице, с побоями. Никаких других близких в наших краях тоже нет. Он уже сознался в убийстве, теперь пусть держит язык за зубами. Да, мы оба доверяем Оззи, но мы также знаем, что вокруг хватает горячих голов, не заслуживающих никакого доверия. Обсуди все с женой и перезвони мне часа через два.

Громкий щелчок – и короткие гудки. Судья отдал распоряжение и повесил трубку.

Днем поднялся резкий мартовский ветер, похолодало. Карла и Ханна сели в гостиной смотреть старый фильм, а Джейк отправился на длительную прогулку по тихим улицам Клэнтонна. Он часто проводил ранний вечер воскресенья час-другой в одиночестве в своем офисе, изучая дела, которые не успел закрыть на неделе, и решая, с какими можно еще потянуть. Сейчас у него было восемьдесят открытых дел, но совсем немногие из них годились для суда. Такой уж была адвокатская практика в маленьком бедном городе.

В эти дни он был поглощен делом «Смоллвуд», забросив все остальные.

Факты по данному делу имелись простые – и одновременно сложные. Тейлор Смоллвуд, его жена Сара и двое из трех их детей мгновенно погибли при столкновении их маленькой «японки» с поездом на опасном переезде рядом с границей с округом Полк. Авария произошла в 22.30 в пятницу. Свидетель, ехавший за семьей в пикапе на расстоянии сотни ярдов, показал, что мигающий красный светофор на переезде в момент столкновения не работал. Машинист и кондуктор поезда клялись в обратном. Переезд находился у подножия холма, под крутым склоном, в полумиле от верхушки.

За два месяца до аварии Сара родила третьего ребенка, девочку Грейс. В тот момент Грейс находилась у сестры Тейлора, жительницы Клэнтонна.

Как обычно, столь сенсационная авария лишила покоя всех местных адвокатов – каждый искал способ заполучить данное дело. Джейк, никогда не слышавший об этой семье, стал

исключением. Гарри Рекс представлял в бракоразводном процессе сестру Сары, и та осталась довольна результатом. Кружа над погибшими вместе с другими стервятниками, он первым приземлился и заполучил контракт, подписанный группой родственников. Ринувшись в суд, Гарри Рекс организовал себе опеку над Грейс, единственной наследницей и истицей, и предъявил от ее имени 10-миллионный иск к железнодорожной компании «Сентрал и Саутерн».

Гарри Рекс знал, что не всемогущ и не сможет повлиять на присяжных. У него созрел иной план. Он предложил половину гонорара Джейку, если тот выступит главным адвокатом, «выжмет штангу» и сотворит чудо в суде. Гарри Рекс собственными глазами наблюдал невероятное, когда присяжные решали судьбу Хейли. Как и все остальные, он был потрясен: Джейк сумел сохранить своему клиенту жизнь благодаря умению общаться с присяжными. Это означало, что рано или поздно он сорвет в суде большой куш.

Они заключили сделку. Джейку досталась агрессивная роль и задача добиться от судьи Нуза ускорения рассмотрения дела. Гарри Рексу предстояло работать в тени – воздействовать на досудебное исследование доказательств, нанимать экспертов, запугивать юристов страховых компаний и, главное, подбирать присяжных. Они успешно сотрудничали – потому, в основном, что не мешали друг другу.

Железнодорожная компания попыталась перенести рассмотрение дела в федеральный суд, менее дружелюбную юрисдикцию, но Джейк не позволил сделать это при помощи протестов, которые Нуз удовлетворил. Пока Нуз прилежно подгонял адвокатов ответчиков, исправно отклоняя их бесконечные попытки проволочек.

Стратегия истцов была нехитрой: доказать, что переезд являлся опасным, плохо обустроенным, не поддерживался в должном техническом состоянии, был известен как место, постоянно грозившее авариями; а в тот вечер там, ко всему прочему, сломался светофор. Адвокаты ответчиков тоже не изобрели велосипед. Они доказывали, что Тейлор Смоллвуд умудрился влететь в четырнадцатый вагон товарного состава, не прикоснувшись к тормозам. Как можно – не важно, ночью или при свете дня, – не заметить товарный вагон высотой в пятнадцать футов и длиной в сорок, да еще облепленный желтыми светоотражающими катафотами?

Позиция истцов была убедительной из-за тяжести понесенного вреда. Позиция ответчиков – сильной из-за очевидных фактов.

Почти год адвокаты железнодорожных страховщиков отказывались обсуждать сделку. Однако теперь, когда судья назначал дату суда, Гарри Рекс склонялся к мысли, что деньги все же будут предложены. Один из адвокатов противоположной стороны был его знакомым по юридическому факультету, раньше они вместе выпивали.

Джейку нравилось приходить на работу, когда там больше никого не было, но в последнее время такое случалось редко. Его секретарем была 26-летняя Порсия Лэнг, отслужившая в армии и собиравшаяся через полгода поступить на юридический факультет Университета Миссисипи в Оксфорде. Мать Порсии, Летти, унаследовала два года назад небольшое состояние, за которое пришлось повоевать. Тогда Джейк победил целую ораву адвокатов. Порсия была так впечатлена его успехом, что решила тоже выучиться на юриста. Она мечтала стать первой чернокожей женщиной-адвокатом в округе Форд и твердо шла к своей цели. Порсия была далеко не просто секретарем: не только отвечала на звонки и назначала встречи, а училась на рабочем месте и отлично составляла тексты. Предполагалось, что она станет трудиться неполный рабочий день, пока будет учиться, хотя оба знали, что на первом курсе это вряд ли получится.

Чтобы усложнить им жизнь, Люсьен Уилбэнкс, хозяин здания и бывший владелец юридической фирмы, завел привычку заглядывать туда не менее трех раз в неделю, да еще с утра, и всем мешать. Его исключили из коллегии адвокатов уже несколько лет назад, он не мог пред-

ставлять клиентов и выступать в суде, поэтому большую часть времени совал нос в дела Джейка и давал непрошенные советы. Периодически Люсьен утверждал, будто готовится к экзамену на новое вступление в коллегия, что было почти неосуществимо для старика, много лет подрывавшего свои умственные способности постоянным пьянством. По словам Люсьена, торча часами на работе, он спасал себя от соблазна напиваться на дому, но все заканчивалось тем, что он припадал к бутылке прямо в кабинете. Люсьен сохранил за собой маленький конференц-зал на первом этаже, далеко от Джейка, но слишком близко к Порсии, и днем, набравшись, мирно похрапывал там, закинув ноги на свой письменный стол.

Однажды Люсьен брякнул что-то грубое на тему секса в адрес Порсии, за что та пригрозила сломать ему шею. С тех пор они были друг с другом исключительно учтивы, хотя ей больше нравилось, когда Люсьен отсутствовал.

На машинке для фирмы стучала двадцать часов в неделю бывшая ее клиентка Беверли, ухоженная дама среднего возраста, не способная существовать без сигарет и интересовавшаяся исключительно курением. Она курила не переставая, зная, что эта привычка убивает ее, и постоянно что-то предпринимала, пытаясь от нее избавиться. Из-за своего пристрастия Беверли не могла ни трудиться полный рабочий день, ни завести мужа. Джейк выделил ей закуток за кухней, где всегда можно было держать нараспашку окна и двери и где она могла пребывать в облаке дыма. Все, к чему Беверли прикасалась, пахло табаком, и Джейк переживал, что долго она не протянет. Рак легких, повторял он на ухо Порсии, прикончит Беверли раньше, чем он будет вынужден уволить ее. Но Порсия не жаловалась, Люсьен тоже, потому что курил у себя на террасе сигары и часто смердел почище Беверли.

Поднявшись наверх к себе в кабинет, Джейк не включил свет – не хотел привлекать внимание. Даже воскресным днем ему в дверь порой стучались. Впрочем, нечасто. И, если уж совсем начистоту, редко. Джейку случалось беспокоиться, появятся ли вообще новые клиенты. Как и мечтать, чтобы имеющиеся провалились сквозь землю.

Он растянулся в полутьме на старом кожаном диване, купленном братьями Уилбэнксами не одно десятилетие назад, и уставился на пыльный вентилятор, свисавший с потолка. Интересно, давно он тут? И сильно ли поменялась за долгие годы юридическая практика? Перед какими этическими дилеммами оказывались адвокаты прежних времен? Брались ли они, к примеру, за непопулярные дела? Опасались ли последствий для себя, когда защищали убийц?

Истории, которыми сыпал Люсьен, иногда вызывали у Джейка усмешку. Много лет назад Люсьен стал первым белым членом (и долго таковым оставался) окружного отделения НАСПЦН¹. Позже та же история произошла с АСЗГС². Он защищал в суде профсоюзы – редкость для сельского севера штата Миссисипи. Поддерживал иски к штату за плачевное состояние школ для чернокожих. Судился со штатом в случаях приговоров к смертной казни. Судился с городскими властями из-за отказа мостить улицы в Нижнем городе. До исключения из коллегии Люсьен Уилбэнкс сам был бесстрашным адвокатом, без колебаний подражавшимся поддерживать иски, которые считал важными, и не отказывавший ни одному клиенту – жертве несправедливости.

Находясь уже одиннадцать лет в тени, Люсьен оставался верным другом Джейка и радовался его успехам. Сейчас Джейк не сомневался, что, спроси он Люсьена, братья ли ему защищать молодого Дрю Гэмбла, тот не только посоветует сделать это, но и настоит на максимальной огласке. Отстаивай невиновность! Требуй скорейшего суда! Люсьен всегда придерживался мнения, что любой обвиняемый в серьезном преступлении заслуживает помощи опытного адвоката. За всю свою бурную карьеру Люсьен ни разу не отказался от «плохого» клиента, чье дело грозило неприятным вниманием публики.

¹ Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Американский союз защиты гражданских свобод.

Другой близкий друг Джейка, Гарри Рекс, уже высказался по этому поводу, а значит, с ним возвращаться к данной теме не было смысла. Карла заняла позицию наблюдателя. Нуз ждал звонка.

Коферы не волновали Джейка. Он не был с ними знаком и полагал, что они живут в южной части округа. Джейку было 37 лет, и за все 12 лет своей адвокатской практики он успешно обходился без этой семейки. Без сомнения, он мог бы процветать и дальше, не имея чести водить с ними знакомство.

Важнее были копы: полиция города, Оззи Уоллс, его помощники. Шесть дней в неделю Джейк завтракал рядом с ними в одном кафе, куда часто заходил Маршалл Празер, так что теперь первое утреннее оскорбление не заставило бы себя ждать. Джейк оказывал юридическую помощь многим в полиции и знал, что там его считают лучшим. Дуэйн Луни выступал с показаниями против Карла Ли Хейли и поразил присяжных признанием, что восхищен человеком, продырявившим ему ногу. У Мика Суэйза был чокнутый двоюродный брат, которого Джейк поместил в психиатрическую лечебницу штата, не затребовав гонорара за свои услуги.

На юридической помощи не разбогатеешь. За наследственные дела и прочую мелочь Джейк брал немного. Безвозмездная работа являлась обычным делом.

Разглядывая потолочный вентилятор, Джейк нехотя признавал, что ни один слуга закона ни разу не принес ему достойного дела. Поймут ли его, если он возьмется защищать Дрю? Они, конечно, потрясены гибелью своего напарника, однако понимают, что у обвиняемого в убийстве непременно должен быть адвокат. Разве их не устроит Джейк, друг, которому они доверяют?

Что его ждет: отважное решение или крупнейшая ошибка за всю карьеру?

Заставив себя встать, Джейк подошел к столу и позвонил Карле.

Сначала ей, а потом судье Нузу.

6

Джейк покинул свой кабинет в сумерках. Пока он гулял по пустой площади, стало совсем темно. Часовая стрелка показывала почти восемь, воскресным вечером были закрыты все магазины и кафе. То ли дело окружная тюрьма – вокруг нее жизнь была ключом. Свернув за угол, Джейк увидел полицейские машины, поставленные кое-как; два фургона новостных каналов – один из Тупело, другой из Джексона; толпу бездельников, куривших и спокойно беседовавших. Это зрелище вызвало у него приступ тошноты, словно он забрел на неприятельскую территорию.

Зная город наизусть, Джейк двинулся на боковую улицу, где громоздился административный комплекс, чтобы проникнуть туда через черный ход. Здания комплекса постоянно расширялись и обновлялись без понятного непосвященным плана. Кроме двух десятков тюремных камер, допросных комнат, приемных, загроможденных коридоров, здесь находилась служба шерифа, занимавшая один флигель, и городская полиция Клэнтонна, довольствовавшаяся другим. Все вместе именовалось в просторечии «тюрьмой».

В этот темный час «тюрьма» была заполнена людьми, имевшими хотя бы малейшую связь с охраной правопорядка. Вся эта публика являлась настоящим братством, им было спокойно в окружении других носителей значка.

Дежурный сказал Джейку, что шериф заперся у себя в кабинете. Джейк попросил сообщить Оззи, что им надо поговорить и что он подождет его рядом с двором – обнесенной забором территорией, где заключенные часто играли в баскетбол и в шашки. В хорошую погоду Джейк и другие городские адвокаты сживали под деревом за старым столом для пикника и беседовали со своими клиентами через сетчатую изгородь. Сейчас, впрочем, двор тонул в темноте: в столь поздний час все заключенные находились под замком. А на оконцах их камер – толстые решетки.

В данный момент никто из клиентов Джейка не сидел за этими решетками, не считая одного, еще не ставшего его клиентом. Двое, наркоторговцы, содержались в Парчмане, тюрьме штата. Языкастая мамаша одного из них обвиняла в позоре своей семьи именно Джейка.

Дверь открылась, и появился Оззи Уоллс – один. Он, не спеша, с понурым видом, будто давно не высыпался, подошел к Джейку. Руку не подал, вместо этого хрустнул суставами пальцев и обвел взглядом двор.

– Да уж, денек... – произнес Джейк.

– Хуже не бывает, – кивнул Оззи. – С трех часов ночи, когда поступил звонок, кручусь, как белка в колесе. Плохо это – потерять помощника, Джейк.

– Мне жаль, Оззи. Я знал Стью, славный был парень. Представляю, что все вы чувствуете.

– Да, парень был что надо, мы покатывались от его шуток. Может, не во всем он был хорош, но об этом мы говорить не станем.

– Ты встречался с его семьей?

Оззи глубоко вздохнул и покачал головой.

– Я съездил туда, проявил уважение. Не самые уравновешенные люди, я бы сказал. Побывали здесь сегодня днем с вопросами о пареньке. Двое появились в больнице, чтобы поговорить с его матерью. И прочее безумие. Пришлось поставить около двери ее палаты помощника. Ты тоже будь с ними осторожнее, Джейк.

Этого маленькой семье Брайгенсов и недоставало: психов, от которых стоит держаться на расстоянии!

Оззи откашлялся и сплюнул на землю.

– Я только что говорил с Нузом.

– Я тоже, – произнес Джейк. – Он не примет отказ.

– Он просил на тебя надавить, мол, ты не хотел бы в это вступать.

– Кому такого захочется, Оззи? Уж точно не местным. Нуз обещал мне попробовать найти адвоката из другого округа, чтобы я поработал только на предварительной стадии. Таков, по крайней мере, план.

– Не слышу в твоём голосе уверенности.

– А я и не уверен. От подобных дел так просто не откажешься, особенно когда вся остальная палата адвокатов попрыталась кто куда и не отвечает на звонки судьи. В общем, велик шанс, что я вляпаюсь в это по уши.

– Почему ты не мог просто отказаться?

– Нуз буквально взял меня за горло. А также потому, что никто, кроме меня, за это не возьмётся, во всяком случае, сейчас. Трудно ответить «нет» окружному судье, Оззи.

– Понимаю.

– Знал бы ты, как Нуз напирал!

– Мне он так и сказал. Но здесь мы с тобой стоим по разные стороны, Джейк?

– Разве бывает иначе? Ты их сажаешь, я пытаюсь их вызволить. Оба выполняем свою работу.

– Ну, не знаю... Тут особый случай. Мне ещё не приходилось хоронить помощников. Потом будет громкий процесс, и ты станешь делать то, что обязан хороший адвокат – бороться за оправдание мальчишки, так ведь?

– Это ещё когда будет, Оззи! Я пока не думаю о процессе.

– Тогда подумай о похоронах.

– Говорю же, мне очень жаль, Оззи.

– Спасибо. Неделька намечается будь здоров.

– Мне нужно повидать парня.

Оззи указал на ряд окон на задней стене свежей пристройки.

– Он там.

– Спасибо. Сделай мне одолжение, Оззи. Маршалл, Мосс, Дуэйн – мои друзья, и им происходящее совершенно не понравится.

– Да.

– Пожалуйста, скажи им правду: меня назначил Нуз, я не просил отдать мне это дело.

– Хорошо, так и передам.

Тюремный надзиратель открыл дверь и включил тусклый свет. Джейк вошел в камеру следом за ним. Глаза не сразу привыкли к полутьме. Он много раз бывал в камере для несовершеннолетних.

Правила требовали надеть на заключенного наручники и отвести его в допросную. Надзиратель встанет за дверью, и заключенный окажется нос к носу со своим адвокатом. Случаев, когда арестованный напал бы на защитника, никто не мог припомнить, тем не менее требовалась осторожность. Это как раз тот случай, когда все происходило впервые, и клиент был мало предсказуем.

Однако и Оззи, и надзиратель были уверены, что арестованный не опасен. Дрю полностью погрузился в себя и отказывался есть. После ухода сестры двенадцать часов назад он не проронил ни слова.

– Оставить дверь открытой, мало ли что? – шепотом спросил надзиратель.

Джейк молча покачал головой, и надзиратель вышел, затворив за собой дверь. Дрю сжался в комок на нижней койке, подтянув под тонким одеялом колени к груди, отвернулся от двери, устроив себе тесный теплый кокон. Джейк пододвинул пластмассовый табурет и сел, произведя как можно больше шума. Парень не шелохнулся, ничем не показал, что знает о посетителе.

Адвокат немного посидел, а потом кашлянул.

– Эй, Дрю! Я Джейк. Ты здесь? Есть кто-нибудь в домике?

Молчание.

– Я – адвокат, судья поручил мне твое дело. Уверен, ты уже встречался с адвокатами, да, Дрю?

Снова молчание.

– Нам с тобой надо подружиться, ты ведь проведешь много времени со мной, с судьей, со всей судебной системой. Приходилось бывать в суде, а, Дрю?

Молчание.

– Что-то мне подсказывает, что ты бывал в суде.

Молчание.

– Я хороший, Дрю. Я на твоей стороне.

Молчание. Прошла минута, две. Одеяло приподнималось и опадало от дыхания Дрю. Джейк не мог разобрать, открыты ли его глаза. Еще через минуту он сказал:

– Ладно, Дрю, может, поговорим про твою маму? Про Джози Гэмбл. Ты же знаешь, что она в порядке?

Вскоре под одеялом началось шевеление: парень медленно вытянул ноги.

– И про твою сестру Киру. Давай поговорим про Джози и Киру. Сейчас они обе в безопасности, Дрю. Я хочу, чтобы ты это знал.

Молчание.

– Так мы ни к чему не придем. Давай-ка, поворачивайся ко мне. Это все, что от тебя требуется – повернуться и поздороваться. Давай, Дрю! Ну же!

– Нет! – раздалось из-под одеяла.

– Хотя бы так, уже лучше, чем ничего. Значит, ты не немой. Задай мне вопрос про свою маму. Любой вопрос.

– Где она? – тихо спросил парень.

– Повернись и сядь, смотри на меня, когда мы разговариваем.

Дрю повернулся и сел, едва не ударившись затылком о верхнюю полку. Он подтянул одеяло себе под подбородок, будто это обеспечивало ему безопасность, подался вперед, свесив вниз ноги в грязных носках. Башмаки валялись неподалеку. Он устался в пол.

Изучая его лицо, Джейк приходил к выводу, что здесь допущена какая-то ошибка. После целого дня под одеялом, в слезах, у Дрю покраснели и распухли глаза, светлые волосы растрепались. Какой же он был шуплый!

Джейк в шестнадцать лет был успешным квотербеком в команде старшей школы городка Карауэй, что в десяти милях от Клэнтонна. Еще он играл в баскетбол и в бейсбол, брился, водил машину и встречался со всеми сговорчивыми хорошенькими девчонками. А этому заморышу и велосипеда-то никто не доверил бы.

Важно было установить с ним контакт.

– Судя по документам, тебе шестнадцать лет, правильно?

Опять молчание.

– Когда у тебя день рождения?

Парень безучастно смотрел в пол.

– Брось, Дрю, ты же знаешь день своего рождения?

– Где моя мать?

– В больнице. Ее продержат там еще несколько дней. У нее сломана челюсть, думаю, врачи сделают операцию. Я съезжу туда завтра, передам от тебя привет, буду рад сказать ей, что ты в порядке. С учетом обстоятельств...

– Она не умерла?

– Нет, Дрю, твоя мама жива. Ну, что мне ей от тебя передать?

– Я думал, что она умерла... Кира тоже так считала. Мы оба решили, что Стью наконец ее прикончил. Поэтому я его застрелил. Как ваше имя?

– Джейк. Я твой адвокат.

– В прошлый раз адвокат обманул меня.

– Жаль. Я тебя не обманываю, клянусь. Спроси о чем хочешь, обещаю ответить честно, без вранья. Ну, попробуй.

– Долго я буду сидеть в тюрьме?

Поколебавшись, Джейк ответил:

– Пока не знаю. Правда в том, что сейчас никто не знает, как долго ты просидишь. Самый точный ответ такой: наверное, долго. Тебе предъявят обвинение в убийстве Стюарта Кофера, а убийство – самое тяжкое преступление, какое только может быть.

Дрю посмотрел на адвоката красными заплаканными глазами.

– Я думал, он убил мою мать.

– Понимаю, но на самом деле, Дрю, он ее не убил.

– Все равно хорошо, что я пристрелил его.

– Лучше бы ты этого не совершал.

– Мне безразлично, пусть меня посадят навсегда, главное, что он больше никогда не ударит мою мать. И Киру. И меня. Он получил по заслугам, мистер Джейк.

– Просто Джейк, ладно? Дрю и Джейк, клиент и адвокат.

Парень вытер щеки тыльной стороной ладони, крепко зажмурился и затрясся всем телом. Казалось, его колотят судороги. Джейк взял с верхней полки второе одеяло и укутал ему плечи. Теперь Дрю рыдал, при громких всхлипах по его щекам снова катились слезы. Он долго плакал – маленький, жалкий, перепуганный, совершенно один в целом свете. Назвать его тинейджером не поворачивался язык, больше подходило определение «сопляк». Нет, подумал Джейк уже в который раз, он просто «маленький мальчик».

Когда дрожь стихла, Дрю вернулся в свой мир: перестал разговаривать, вообще отказывался реагировать на Джейка. Закутавшись в одеяла, он лег и уставился пустым взглядом в матрас над собой.

Джейк снова попробовал заговорить о его матери, но это не сработало. Тема еды и сладких напитков тоже не вызвала интереса. Прошло десять минут, двадцать. Когда стало ясно, что Дрю намерен откликаться, Джейк произнес:

– Раз так, я пошел, Дрю. Утром я увижу твою мать и скажу ей, что ты молодец. Пока меня не будет, ни с кем не говори: ни с надзирателем, ни с полицейскими, ни с дознавателем, ни с кем, понял? Для тебя это не составит проблемы. Держи рот на замке, пока я не вернусь.

Когда Джейк выходил, ситуация в камере была такой же, какой он ее застал, придя сюда: парень лежал неподвижно, как в трансе, с широко раскрытыми, но ничего не видящими глазами.

Он захлопнул за собой дверь, расписался в журнале посещений, сумел не столкнуться больше ни с кем из знакомых и отправился пешком в неблизкий путь, домой.

Любопытства ради Джейк сделал круг по площади и, как и ожидал, увидел в окне одного из кабинетов свет. Гарри Рекс часто трудился до поздней ночи, особенно по воскресеньям, иначе не совладал бы с тем безумием, которое представляла собой его адвокатская практика. В обычные дни прихожая была полна воюющих супругов и прочих несчастных клиентов, и он чаще выступал как арбитр споров, а не решал их. Этим стресс не исчерпывался: его собственный четвертый брак дал трещину, и Гарри Рекс предпочитал вечернее спокойствие рабочего кабинета, а не напряженную домашнюю обстановку.

Джейк постучал в окно и вошел в заднюю дверь. Гарри Рекс встретил его в кухне и сразу достал из холодильника две банки пива. Они уселись в захламленной комнате перед кабинетом.

– Чего это ты так поздно? – спросил Гарри Рекс.

– Заглядывал в изолятор, – ответил Джейк. Гарри Рекс кивнул, ничуть не удивившись.

– Нуз уговорил тебя?

– Да. С тем условием, что это продлится только месяц, на предварительном этапе.

– Тебе не избавиться от этого дела, Джейк, потому что никто, кроме тебя, за него не возьмется. Я же предупреждал.

– Предупреждал, но отказать окружному судье трудно. Когда ты сам последний раз, глядя на Нуза, отказал ему в просьбе?

– Я обхожу Нуза за милю. Не моя сфера. Предпочитаю канцлерский суд – мы обходимся без присяжных, а судьи меня боятся.

– Председатель канцлерского суда Рубен Этли никого не боится.

Гарри Рекс отхлебнул пива и недоверчиво уставился на Джейка. Глотнув еще, он откинулся в старом деревянном кресле. В прошлом году он похудел на полсотни фунтов, но потом снова набрал столько же, как раньше, если не больше, и от тучности испытывал трудности с закидыванием на стол обеих ног. Когда ему это, наконец, удалось, Джейк узнал его башмаки: он мог поклясться, что Гарри Рекс носит их не менее десятилетия. Приняв удобную позу, тот произнес, лаская в ладони холодную банку:

– Ты здорово сглумил!

– Я заглянул к тебе, чтобы выпить пивка, зачем мне твое осуждение?

Словно не слыша, адвокат продолжил:

– Мой телефон трезвонил целый день, так широко распространился слух. Звонили даже люди, которых я считал давно умершими или, по крайней мере, надеялся, что они умерли. Ты серьезно? Убийство помощника шерифа? В этом округе подобного еще не бывало, все только о том и судачат. Завтра, послезавтра, всю неделю это будет главной темой: как все души не чаяли в Стюарте Кофере. Даже те, кто понятия не имел о его существовании, проникнутся к нему горячей любовью. Ты только представь его похороны, поминки или что там Оззи устроит вместе с его родней! Сам знаешь, как копы обожают парады и погребальные процессии, их хлебом не корми, дай пальнуть в воздух из всех стволов и орудий! Будет целое представление с участием всех жителей города. Устанут лить по Коферу слезы – примутся поносить его убийцу. Шестнадцатилетний хулиган пристрелил беднягу из его же оружия, в его же постели! Что это, если не хладнокровное убийство? Преступник заслужил петлю. Ну и, как водится, Джейк, вина убийцы перейдет на его адвоката, то есть на тебя. Ты станешь старательно защищать своего клиента, чем заслужишь их ненависть. Это ошибка, Джейк, серьезная ошибка. Ты будешь долго сожалеть о ней.

– Ты наговорил много лишнего, Гарри Рекс. Нуз заверил меня, что это временное назначение. Мы с ним встречаемся во вторник, чтобы обсудить обращение за помощью к национальным группам охраны детства. Нуз знает, что это дело может мне навредить.

– У вас шла речь о деле «Смоллвуд»?

– Конечно, нет, это было бы неуместно.

Гарри Рекс усмехнулся и выпил еще пива.

Обсуждать столь спорное дело с судьей, председательствующим на процессе, втайне от адвокатов противоположной стороны было бы неэтично. Телефонный разговор днем в воскресенье касался другой темы. Впрочем, Гарри Рекс всегда был равнодушен к этическим ограничениям.

– Слушай, что может произойти дальше, – произнес он. – Вот чего я больше всего опасюсь. Сейчас эти сукины сыны, ответчики по делу «Смоллвуд», занервничали. Я убедил Доби, что лучше не тягаться с тобой в твоём суде, перед присяжными из твоего округа. Ты, конечно, хорош, спору нет, но не настолько, как я тебя представил. Я здорово подпалил ему задницу, и он не особо умеет выступать защитником на процессе. Его партнер получше, но они из Джек-

сона, а это далеко отсюда. Салливан будет сидеть с ними за столом, но его можно списать. Как только появится дата процесса, железная дорога, готов биться об заклад, начнет намекать на досудебное соглашение. Но тут такая штука... – Гарри Рекс допил пиво. – Вчера ты был золотым мальчиком с прекрасной репутацией, но сегодня все пошло наперекосяк. К концу недели твое доброе имя втопчут в грязь, потому что ты взялся помогать парню, прикончившему помощника нашего шерифа.

– Я не уверен, что это убийство.

– Ты с ума сошел, Джейк? Опять болтал с Люсьеном?

– Сегодня нет. Это мог быть поступок в невменяемом состоянии или неумышленное лишение жизни при оправдывающих вину обстоятельствах.

– Да, мог. А теперь я тебе скажу, что будет в действительности. А будет самоубийство для тебя и для твоей адвокатской практики в этом городке, не умеющем прощать. Невзирая на отношение Нуза, ты загубишь дело «Смоллвуд». Неужели ты этого не понимаешь, Джейк?

– Опять ты преувеличиваешь, Гарри Рекс. В округе тридцать две тысячи жителей, среди которых мы легко наскребем дюжину таких, кто не слышал обо мне или о Стюарте Кофере. Юристы железной дороги не смогут ткнуть пальцем в меня в зале суда и сказать: «Этот тип защищает убийц копов». С какой статьи? Нуз не позволит им даже совершить попытку.

Гарри Рекс убрал ноги со стола, словно ему надоела эта тема, вышел в кухню и вернулся с еще двумя банками пива. Откупорив одну, он принялся расхаживать около стола.

– Это и есть твоя проблема, Джейк. Она в том, что ты хочешь находиться в центре внимания. Поэтому ты цеплялся за дело Хейли, когда все черные проповедники, активисты и радикалы убеждали Карла Ли дать показания против белого парня, прежде чем его черную задницу законопатят в Парчман. Ты не сдавался и блестяще провел процесс. Тебе это нравится, Джейк. Можешь не признаваться, но ты любишь покрасоваться на большом процессе, добиться громкого вердикта. Ты обожаешь возвышаться в центре арены, когда к тебе прикованы все взгляды.

Джейк не обратил внимания на вторую банку пива – еще не расправился с первой.

– Что думает Карла? – поинтересовался Гарри Рекс.

– Она устала оттого, что при мне всегда пистолет.

Гарри Рекс глотнул пива и посмотрел на полку, уставленную толстыми томами в кожаных переплетах – юридическими фолиантами, к которым не прикасались уже много лет. С них даже не вытирали пыль. Не глядя на Джейка, он спросил:

– Ты сказал «убийство при оправдывающих вину обстоятельствах»?

– Ну, сказал.

– Ты уже представляешь процесс, да, Джейк?

– Нет, просто размышляю вслух. Такая привычка.

– Прекрати! Ты продумываешь защиту. Кофер бил женщину?

– Она в больнице с сотрясением мозга и с переломом челюсти, ей требуется операция.

– Детей он тоже бил?

– Пока не знаю.

– Все ясно, Кофер повадился возвращаться домой пьяным в субботу вечером и всем раздавать тумачи. Ты уже представил тактику защиты: к суду будет, по сути, привлечен он сам. Ты запятнаешь его доброе имя, вытащив на обозрение все грехи и дурные привычки.

– Какое там доброе имя! Все так и было.

– Может получится весьма неприятный процесс, Джейк.

– Прости мне мою болтовню, Гарри Рекс. Я не планирую подходить к залу суда даже на милю.

– Тебе меня не обмануть.

– Никакого обмана, я адвокат и не могу не думать о суде. Но в этом суде будет выступать другой защитник, а не я. Я поработаю на предварительной стадии и сдам паренька с рук на руки.

– Сомневаюсь. Нет, честно, я в этом сомневаюсь, Джейк. Вся моя надежда на то, что ты не запорешь «Смоллвуд». Поверь, мне безразлична судьба Стюарта Кофера, его подружек, детей, людей, которых я в глаза не видел. Другое дело – «Смоллвуд». Он может стать самым выгодным в наших с тобой жалких карьерах.

– Ну, не знаю... За дело Хейли мне отвалили тысячу баксов.

– За эту ерунду ты получишь не больше.

– По крайней мере, Нуз на нашей стороне.

– До поры до времени. Я доверяю ему меньше, чем ты.

– Был ли такой судья, которому ты доверял?

– Нет. Как и адвокат.

– Все, мне пора. Окажешь услугу?

– Услугу?! Сейчас мне хочется задушить тебя.

– Завтра в шесть часов утра я войду в кафе и поздороваюсь с Маршаллом Празером.

Такова традиция. На сей раз мне понадобится поддержка.

– Ты сошел с ума, Джейк!

– Брось, дружище. Вспомни, сколько раз я помогал тебе в твоих безумствах.

– Ничего не получится, сам выкручивайся. Завтра утром тебе впрыснут очередную порцию реальной жизни. Пора тебе вспомнить, что такое адвокат по уголовным делам в маленьком городе.

– Ты боишься, как бы тебя не увидели в моем обществе?

– Еще чего! Пробуждение ни свет ни заря – вот чего я боюсь. Опомнись, дружок. Сейчас ты принимаешь самостоятельные решения, без оглядки на других. А я зол и буду злиться еще долго.

– Это я уже слышал.

– Я не шучу. Хочешь поиграть в радикального адвоката – пригласи на завтрак своего приятеля Люсьена. Увидишь, как к нему относятся местные жители.

– Он принципиальная «сова».

– А то мы не знаем, почему!

Карла уложила Ханну спать. Джейк еще не вернулся с прогулки, поэтому она смотрела телевизор, дожидаясь новостей в 10 часов вечера. Начала она с телеканала Тупело, на котором, как и следовало ожидать, убийство Стюарта Кофера стало главной новостью; фоном для сюжета служила цветная фотография помощника шерифа в накрахмаленной форме. Новых подробностей пока не сообщалось. Неназванный несовершеннолетний подозреваемый находился под арестом. Показали скорую, отъезжающую от дома Кофера, надо полагать, с покойником внутри. Шериф и прочие ответственные лица воздерживались от комментариев. Комментарии вообще отсутствовали, тем не менее бесстрашный репортер умудрился проболтать на тему убийства целых пять минут, не сказав почти ничего конкретного. Репортаж включал пять коротких видеосюжетов со зданием окружного суда и даже с окружной тюрьмой, а также с суетой подъезжающих и отъезжающих патрульных машин. Переключившись на мемфисский канал, Карла узнала и того меньше, хотя здесь намекали на некий «домашний конфликт». Кофера якобы вызвали на место событий, где он, разнимая ссору, угодил под пулю. Репортер там не побывал, поэтому уточнений не прозвучало. Сотрудник телеканала, готовивший воскресный выпуск новостей, явно ушел в отсебятину. Другой канал Мемфиса потратил половину времени на сводку случившегося в городе за день: ограблений, гангстерских войн, убийств. Потом упомянули и произошедшее с Кофером, для разнообразия разбавив правду фантазией: он стал первым помощником шерифа округа, убитым «при исполнении служебных

обязанностей» (после убийства бутлегером двоих в далеком 1922 году). Репортер, что неудивительно, изобразил дело так, будто округ известен нелегальной торговлей спиртным, наркоманами и прочим беззаконием, чем невыгодно отличается от безмятежного Мемфиса.

При последних словах репортажа появился Джейк. Карла выключила телевизор и отчиталась об услышанном и увиденном. Он попросил кофе без кофеина. Они сели за маленький столик в кухне, за которым начали этот день.

Джейк пересказал свои разговоры с Оззи, Дрю и Гарри Рексом, после чего посетовал, что не ждет от наступающей недели ничего хорошего. Карла посочувствовала, но не скрывает волнение. Если бы это дело просто исчезло, она испытала бы облегчение.

7

После вечерней воскресной службы в церкви Доброго Пастыря преподобный Макгерри собрал совещание дьяконского совета. Присутствовали семеро из двенадцати – четыре женщины и трое мужчин; все расселись в общей комнате, где были кофе и печенье. За дверью, в домике приходского священника, жена пастора, Мэг Макгерри, дала Кире сэндвич на ужин.

Молодой проповедник объяснил, что Кире некуда идти, поэтому она побудет у них, пока не... До каких пор? Пока за ней не явится какой-нибудь родственник, что маловероятно? Пока не вынесет постановление суд? Пока не выпишут из больницы ее мать и они вместе не покинут город? В любом случае, Кира находилась на неофициальном попечении их церкви. У нее психологическая травма, она нуждается в профессиональной помощи. Целый день она могла говорить только о матери и о брате, о своем желании быть с ними.

Мэг звонила в больницу, там ей сказали, что могут поставить для девочки дополнительную койку в палате матери. Две женщины вызвались ночевать в больничной комнате ожидания. Обсуждали еду, одежду, учебу.

Чарльз настаивал на том, что несколько дней Кире не стоит ходить в школу. Она в нестабильном состоянии, неизвестно, как девочка отреагирует на обидные слова других учеников. Решили, что вопрос посещения школы будет решаться день за днем. Один из прихожан, преподаватель алгебры в средней школе, пообещал поговорить с директором. У другой прихожанки был кузен – детский психолог, она сказала, что пригласит его к Кире.

К десяти часам вечера собрание обо всем договорилось, и девочку отвезли в больницу, где для нее уже было готово спальное место рядом с койкой матери. Джози постепенно приходила в себя и уверяла, что не испытывает боли. Но в это трудно было поверить, глядя на ее распухшее забинтованное лицо. Кире выдали больничный халат. Выключая свет, медсестры увидели ее сидевшей в ногах у матери.

В 5.30 утра «ожил» будильник Джейка. Он шлепнул его ладонью, чтобы не звонил, и опять спрятался под одеяло. Джейк не выспался и еще не был готов начинать день. Он нащупал теплую Карлу и придвинулся ближе, но был отвергнут. Тогда открыл глаза и сразу вспомнил своего нового клиента, томившегося в следственном изоляторе. Джейк уже хотел встать, но тут в отдалении послышались раскаты грома. Ожидалось похолодание и усиление ветра – еще одна причина не торопиться. Дополнительным поводом оставаться в постели подольше выступало нежелание появляться в кафе, где все разговоры будут посвящены бедняге Коферу и прикончившему его несовершеннолетнему преступнику.

А главное, ему целый день не нужно было ни в суд, ни куда-либо еще. Мысленно перечислив все оправдания своей утренней лени, Джейк с чистой совестью уснул.

Его разбудила Карла – легким поцелуем в щеку и чашкой кофе. Потом она ушла поднимать Ханну и готовить ее к школе. После двух глотков кофе Джейк вспомнил про газеты и вылез из постели. Он натянул джинсы, позвал собаку, пристегнул к ошейнику поводок и вышел. На подъездной дорожке его ждали утренние издания из Тупело, Джексона и Мемфиса. Джейк быстро просмотрел их. Во всех на первой странице был напечатан сюжет про Кофера. Он взял газеты под мышку, принес их в кухню, налил себе еще кофе и развернул издания на столе.

Договор о молчании оставался в силе, никто ничего не разболтал. Оззи не подтверждал даже того, что является шерифом. Репортеров не подпустили ни к месту преступления, ни к тюрьме, ни к дому Эрла и Джанет Коферов, ни к больнице. О Стюарте писали следующее: 33 года, служил в армии, не женат, бездетен, четыре года службы помощником шерифа. Подробностей его биографии почти не приводилось. Лишь мемфисская газета скупо поведала о погоне за наркоторговцами на сельской дороге близ Карауэя три года назад, завершившейся смертью

злоумышленников и несильным ранением самого лейтенанта Кофера. Пуля задела руку, он отказался от госпитализации и не пропустил ни дня службы.

Джейк вдруг заторопился. Он принял душ, не стал завтракать, поцеловал на прощание жену и дочь и помчался на работу. Ему срочно понадобилось побывать в больнице и в окружной тюрьме, у Дрю. Джейк не сомневался, что травмированному парню необходима медицинская и юридическая помощь, но для последней нужно было правильно выбрать момент.

Как выяснилось, остальные начали этот день иначе. Порсия стояла около своего рабочего стола с прижатым к уху телефоном и с удивлением на лице. Ее обычная улыбка исчезла.

– На меня наорали! – выпалила она.

– Кто посмел?

Девушка положила трубку, взяла со стола газету из Тупело и ткнула пальцем в черно-белое фото Стюарта Кофера.

– Он назвался его отцом. Кричал, что его сына вчера застрелили и что ты – адвокат того, кто это совершил. Как это понимать, Джейк?

Он кинул на кресло портфель.

– Эрл Кофер?

– Да. Кричал, как сумасшедший, что этому парню, Дрю-не-знаю-как-дальше, не нужен никакой адвокат и все такое прочее. Может, поговорим, Джейк?

– Сначала сядь. Налей кофе?

– Сейчас сварится.

– Вчера Нуз поручил мне это дело. Вечером я побывал у парня в следственном изоляторе. Все правильно, теперь наша маленькая юридическая фирма представляет интересы шестнадцатилетнего юноши, которому могут предъявить обвинение в тягчайшем убийстве.

– Почему не государственный защитник?

– Он не способен защитить даже проказника в детсадовской группе, о чем все, особенно Нуз, прекрасно осведомлены. Судья всех обзвонил, никого не нашел и решил, что я сгожусь лучше остальных.

Порсия села, отодвинула газету и произнесла:

– Мне это нравится. Теперь нам не придется скучать. Еще нет девяти часов утра понедельника, а уже открыт счет нехороших телефонных звонков.

– Наверное, счет сильно вырастет.

– Люсьен уже в курсе?

– Нет. Нуз обещает заменить меня через месяц. Я назначен лишь на предварительный период.

– Его действительно застрелил этот мальчишка?

– Он был неразговорчив. Сгорбился и отключился. По-моему, ему нужна помощь. По словам Оззи, он один раз выстрелил потерпевшему в голову из служебного пистолета.

– Ты знал Кофера?

– Я знаю всех копов, кого-то лучше, кого-то хуже. Кофер был вроде ничего, дружелюбный. В прошлом месяце читал шестиклассникам Карлы лекцию об опасности наркотиков, она была довольна.

– И внешне казался ничего таким – для белого.

– Примерно через час я поеду в больницу, навещу мать паренька. Похоже, Кофер сильно ей врезал, прежде чем схлопотал пулю. Хочешь со мной?

Порсия наконец-то выдавила улыбку:

– Конечно. Но сначала – кофе.

– Повезло же мне с секретаршей!

– Я – помощница адвоката, скоро буду студенткой юридического факультета. Ты оглянуться не успеешь, как я стану здесь полноправным партнером, и это ты будешь приносить мне кофе! Один пакетик сливок, два сахара.

– Запишу, чтобы не забыть.

Джейк поднялся к себе в кабинет и снял пиджак. Не успел он опуститься в кожаное кресло, как перед ним возник Люсьен.

– Слышал, у тебя новое дело. – С этими словами он плюхнулся в кресло – свою собственность. В его собственности оставалась вся мебель фирмы вместе со зданием. Кабинет Джейка, самый просторный, принадлежал Люсьену до его исключения из коллегии в 1979 году, а еще раньше – его отцу до гибели в авиакатастрофе, а до этого его деду, создателю могучей фирмы «Уилбэнкс». Потом Люсьен, став владельцем фирмы, разогнал всех выгодных клиентов.

Джейку следовало бы удивиться осведомленности Люсьена. Как и Гарри Рекс, тот всегда был в курсе самых горячих новостей, хотя они черпали сведения из совершенно разных источников.

– Меня назначил Нуз, – объяснил Джейк. – Я не хотел брать дело. Не хотел и не хочу.

– Чего так? Мне бы еще кофе.

Обычно по понедельникам Люсьен позволял себе поваляться в постели, чтобы не принимать душ, не бриться, не одеваться с некоей долей приличия. Поскольку он больше не являлся практикующим юристом, понедельник можно было посвятить борьбе с похмельем после вчерашнего, то есть выбиванию клина клином. То, что Люсьен бодрствовал в такую рань и выглядел презентабельно, означало, что он ждет подробностей.

– Сейчас будет, – произнес Джейк. – Кто тебе рассказал? – Это был бессмысленный вопрос, не требовавший ответа.

– Источники, Джейк, источники... Почему ты не хочешь браться за это дело?

– Гарри Рекс опасается, что оно может повредить сделке по «Смоллвуду».

– Какой еще сделке?

– Он полагает, что ответчики готовы раскошелиться. Еще Гарри Рекс думает, что это убийство может повредить моей звездной репутацией замечательного судебного адвоката. Что публика разорвет меня на куски и мы не сможем набрать честных, непредубежденных присяжных.

– С каких пор Гарри Рекс заделался специалистом по присяжным?

– Он мнит себя экспертом по людям.

– Перед моими присяжными я бы его не поставил.

– Это моя работа. Я обладаю харизмой.

– И самомнением. Сейчас твое самомнение нашептывает тебе, что ты гораздо популярнее, чем в действительности. Защита мальчишки не повлияет на твою железнодорожную тяжбу.

– Не уверен. Гарри Рекс думает иначе.

– А если он попросту глуп?

– Гарри Рекс блестящий адвокат и мой партнер в тяжбе, которая может оказаться самым крупным делом в наших карьерах. Ты с ним не согласен?

– Я редко с ним соглашаюсь. Да, тебе достанется за защиту непопулярного клиента, ну и что с того? Большинство моих клиентов были непопулярными, что не делало их плохими людьми. Мне было безразлично мнение всякой деревенщины обо мне или о них. Я выполнял свою работу без малейшей оглядки на болтовню в кафе или в церкви. Хотят чесать языками у тебя за спиной – пусть чешут, но стоит им попасть в беду, им мгновенно понадобится опытный адвокат, не чурающийся грязи. Когда дело твоего паренька попадет в суд?

– Понятия не имею, Люсьен. Утром собираюсь обсудить это с окружным прокурором и с судьей Нузом. Надо еще разобраться с судом по делам несовершеннолетних.

– Это дело туда не попадет, в нашем замшелом штате такого не бывает.

– Я знаю законы, Люсьен.

Вошла Порсия с кофейником и чашками на подносе. Люсьен продолжил:

– Молодость клиента тоже не имеет значения. Двадцать лет назад в округе Полк судили за убийство тринадцатилетнего. Я знал его адвоката.

– Доброе утро, Люсьен, – вежливо произнесла Порсия, наливая кофе.

– Доброе! – буркнул он, не глядя на нее. Когда Порсия только пришла в фирму, Люсьен подолгу на нее глазел, даже позволял себе касаться ее плеч и рук – так, ничего не значившая мелочь, но после того, как Джейк сурово его предостерег, а сама девушка пригрозила членовредительством, он опомнился и даже принялся раздавать похвалы.

– Минут пять назад нам снова звонили, Джейк, – доложила она. – Звонивший не представился. Только припугнул, что если ты попытаешься спасти этого парня, как спас того ниггера Хейли, то дорого заплатишь за это.

– Мне жаль, что тебе приходится такое слышать, Порсия, – пробормотал Джейк, не ожидавший подобного.

– Подумаешь! Слышала раньше и непременно услышу еще.

– Мне тоже жаль, Порсия, – проворковал Люсьен. – Жаль – не то слово.

Джейк указал ей на деревянный стул рядом с Люсьеном, и она села. Все трое дружно поднесли ко рту чашки с кофе. Мысли каждого были сейчас о прозвучавшем слове на букву «Н». Двенадцать лет назад, когда Джейк, выпускник юридического факультета, начал работу в Клэнтоне, это слово без стеснения употребляли белые юристы и судьи, когда болтали или шутили между собой, более того, даже на работе – если рядом не было чужих ушей. Но теперь, в 1990 году, оно стало редкостью и считалось неподобающим даже в низах общества. Мать Джейка терпеть не могла это слово и не позволяла его произносить в ее присутствии, но Джейк, выросший в Карауэе, знал, что его дом не похож в этом отношении на другие.

Посмотрев на Порсию, которая, судя по ее виду, была не так шокирована, как они с Люсьеном, он сказал:

– Мне очень жаль, что ты услышала это в нашей фирме.

– Да ладно, я не против. Я слышала это в армии. И буду слышать дальше. От меня не убудет, Джейк. Но для очистки атмосферы следует внести уточнение: все заинтересованные лица – белые?

– Да.

– Значит, появления Клана и подобной публики, в отличие от дела Хейли, не стоит опасаться?

– Кто знает? – пожал плечами Люсьен. – Здесь полно психов.

– Точно. Еще нет девяти часов утра, а уже два звонка. Оба с угрозами.

– Кто звонил первым? – спросил Люсьен.

– Отец потерпевшего, Эрл Кофер, – ответил Джейк. – Никогда с ним не встречался, но теперь это, похоже, изменится.

– Отец жертвы звонит адвокату человека, арестованного за убийство?

Джейк и Порсия кивнули. Люсьен покачал головой, а потом улыбнулся:

– Чудесно! Так и тянет снова прыгнуть в окоп.

Зазвонил телефон. Джейк уставился на аппарат. Мигала лампочка третьей линии, что обычно означало, что звонит Карла. Он медленно поднял трубку, поздоровался и стал слушать. Она находилась в школе, в своем классе, наступило время первой перемены. Секретарь в кабинете директора только что приняла звонок от мужчины, отказавшегося назвать свое имя и спросившего, здесь ли работает жена Джейка Брайгенса. Он представился близким другом Стюарта Кофера, заявил, что у Кофера много друзей и все они очень расстроены тем, что адвокат Карла Ли Хейли теперь пытается вытянуть из тюрьмы убийцу Стюарта. Добавил, что

убийца жив только потому, что сидит в тюремной камере. Когда секретарь снова поинтересовалась именем звонившего, тот бросил трубку.

Секретарь доложила о звонке директору, уведомила Карлу и сообщила в полицию.

Подъехав к школе, Джейк поставил машину за двумя патрульными автомобилями. Полицейский Степ Лэмон, в свое время бывший клиентом Джейка в деле о банкротстве, а теперь карауливший вход, поприветствовал его как старого друга.

– Звонили с телефона-автомата в магазине Паркера, что около озера, – сказал Лэмон. – Это все, что мы пока выяснили. Я попрошу Оззи порасспрашивать в магазине, но, по-моему, это напрасная трата времени.

Джейк поблагодарил его, и они вместе вошли в здание школы, где их ждали директор и Карла, совершенно не напуганная, судя по ее виду, телефонным звонком. Они с Джейком отошли в сторону.

– Ханна в порядке, – прошептала Карла. – Она ничего не знает.

– Этот козел позвонил тебе в школу! – прошептал, вернее, проскрежетал в ответ Джейк.

– Следи за своим языком! Подумаешь, какой-то умалишенный.

– Да. Но умалишенные способны на разные глупости. Нам уже дважды звонили в офис.

– Думаешь, это только начало?

– Боюсь, что да. Впереди много событий: первая явка парня в суд, похороны Кофера, дальнейшее судебное разбирательство, сам суд.

– Ты же его временный адвокат?

– Завтра увижу Нуза и все ему расскажу. Пусть ищет мне замену в других округах. Ты в порядке?

– Все хорошо, Джейк. Не нужно было сюда приезжать.

– А я взял и приехал.

Он вышел из школы вместе с Лэмоном, пожал ему на прощание руку и сел в автомобиль. Машинально проверил, на месте ли его пистолет. Выругавшись и удрученно покачав головой, он тронулся с места.

Не менее тысячи раз за последние два года Джейк давал себе слово убрать огнестрельное оружие куда подальше и доставать его только для охоты. Но что поделать, если любителей пострелять становится все больше! Практически в каждом автомобиле на сельском Юге лежало оружие. Прежние законы заставляли его прятать, а новые позволяли держать на виду. Получи разрешение – и хоть вешай винтовку на заднем стекле, хоть разгуливай с шестизарядной пушкой на бедре. Джейку совсем не нравилось хранить оружие в машине, в письменном столе, в прикроватной тумбочке, но, когда в тебя палят, сжигают твой дом, угрожают твоей семье, на первый план выходит самооборона.

8

Миссис Уитакер и миссис Хафф представились Джейку и Порсии в комнате ожидания на третьем этаже больницы и спросили, не голодны ли они. Церковь Доброго Пастыря образцово подготовилась к уходу за страждущими: все плоскости были заставлены едой, и ожидалось еще. По словам миссис Хафф, прихожанки разделились на смены и не спускали глаз с Джози Гэмбл. Перед дверью ее палаты в конце коридора скучал в кресле-качалке один из помощников шерифа. Пока миссис Хафф говорила, миссис Уитакер положила на бумажные тарелки толстые куски жирного пирога и подала одну Порсии, а другую Джейку. Отказаться было невозможно, пришлось отламывать куски пластмассовыми вилками, пока миссис Хафф, совершенно не уважая требования приватности, сообщала подробности анализов Джози.

Когда Джейку было разрешено вставить словечко, он сообщил, что суд назначил его адвокатом Дрю. Дамы впечатлились и предложили кофе. Джейк представил им Порсию как свою ассистентку, но осталось не ясно, знают ли они, что это такое. Миссис Уитакер поведала, что ее племянник трудится адвокатом в Арканзасе, после чего миссис Хафф, не желая оставаться в тени, рассказала, что однажды ее брат заседал в коллегии присяжных.

Пирог оказался таким вкусным, что Джейк попросил еще кусочек, только поменьше, и согласился запить его кофе. Видя, что он поглядывает на часы, миссис Уитакер объяснила, что дверь палаты Джози закрыта, поскольку ее осматривают врачи. Это ненадолго, заверила она, исходя из своего понимания больничных процедур.

Заметив, что обе дамы склонны к непрерывной болтовне, Джейк стал задавать им вопросы о семье Гэмблов. Миссис Уитакер, обгоняя соперницу, поспешила ответить, что и мать, и двое ее детей уже несколько месяцев входят в церковную общину Доброго Пастыря. Один из дьяконов, кажется, мистер Герман Уэст, случайно познакомился с ней там, где она работала, на автомойке, и по своей привычке завел беседу. Мистер Уэст – любитель завлекать в церковь новых прихожан. Мистер Уэст, если это был он, назвал ее имя их пастору, брату Чарльзу, и тот побывал у них дома. Визит не задался: хозяин – сотрудник полиции Стюарт Кофер, мир его душе, – грубо обошелся с пастором.

Кроме того, Джози явно жила с этим человеком вне священных уз брака, в открытом грехе, что стало лишним поводом возносить за нее молитвы.

Однажды воскресным утром Джози и ее дети появились в церкви. Церковь по праву горда тем приемом, который она оказывает заблудшим. С появлением в приходе брата Чарльза число прихожан почти удвоилось. Все они – одна большая счастливая семья.

В разговор вмешалась миссис Хафф, имевшая что добавить. Кире на тот момент было только тринадцать лет, с тех пор ей исполнилось четырнадцать, а миссис Хафф как раз вела класс девочек-подростков в воскресной школе. Как только она и вся церковь уяснили, с какими ужасами приходится сталкиваться Джози и ее детям, они окружили эту семью заботой. Миссис Хафф особенно заинтересовалась Кирой, сначала чрезвычайно робкой, погруженной в себя. Примерно раз в месяц миссис Хафф приглашала весь класс к себе домой, полакомиться пиццей и мороженым и подремать за просмотром фильма ужасов, туда же она уговорила прийти и Киру. Остальные девочки были паиньками, многие знали ее по школе, но она все равно чувствовала себя скованно.

Порсия отставила тарелку с пирогом и стала записывать. Когда миссис Хафф замолчала, чтобы отдышаться, она поспешила задать вопрос:

– Говоря, что семья сталкивалась с ужасами, что вы имеете в виду? Может, уточните?

Две добрые женщины ничего не собирались утаивать. Правда, сначала они переглянулись, словно спохватившись, что следовало бы немного унять.

– Некоторое время назад им пришлось разлучиться, – произнесла миссис Хафф. – Не знаю точно, как и почему, но, думаю, милая Джози должна была уехать, вероятно, она попала в беду, ну, вы понимаете.

– Учитель Дрю рассказал, что его класс писал письма в сиротский приют, – подхватила миссис Уитакер, – и Дрю признался, что однажды жил в приюте. Похоже, он откровеннее своей сестры.

– Как насчет другой родни? – поинтересовался Джейк.

Дамы дружно покачали головами.

– Нет никакой родни, – ответила миссис Хафф. – Не знаю, как и почему она связалась с этим Кофером. У него была дурная репутация.

– Из-за чего? – спросила Порсия.

– У нас о нем ходило много слухов. Хотя он и служил помощником шерифа, рыльце у него было сильно в пушку.

Джейк приготовился покопаться в этом пушку, но тут появился врач. Дамы гордо представили его адвокату семьи и его ассистентке. Как обычно бывает в больницах, при адвокате беседа не задалась. Врач лишь заверил их, что пациентка в стабильном состоянии, все еще испытывает боль, но становится нетерпеливее. Как только у нее начнет спадать отек, ей сделают операцию на поврежденных челюстных костях.

– Она может говорить? – спросил Джейк.

– Немного. Но она хочет говорить, даже через силу.

– Можно нам к ней?

– Да. Только не переусердствуйте.

Джейк и Порсия поспешили в палату. Миссис Уитакер и миссис Хафф остались рассказывать врачу о принесенной еде и готовиться к обеду. На часах было 10.20.

В коридоре дежурил помощник шерифа Лайман Прайс, пожалуй, старейший боец в армии Оззи, менее остальных способный преследовать наркоторговцев и прочий преступный элемент. Для него привычнее было перекидывать бумажки на своем письменном столе и следить за порядком в зале суда. Тратить время около дверей больничной палаты тоже было для старика Лаймана обычным занятием.

Он поприветствовал Джейка заученным ворчанием, не имевшим ни малейшей связи с делом Кофера.

Джейк постучал в дверь, вошел, улыбнулся Кире, сидевшей на стуле и читавшей подростковый журнал. Джози, лежавшая на спине, бодрствовала. Джейк представился, представил Порсию, поздоровался с Кирой, отложившей журнал и вставшей за койкой.

Джейк объяснил, что заглянул всего на минутку, потому что прошлым вечером виделся с Дрю и обещал ему проведать его маму и удостовериться, что она в порядке. Джози стиснула ему руку и пробормотала сквозь бинты нечто вроде: «Как он?»

– Тоже ничего. Сейчас мы снова поедem к нему.

Кира, присевшая на край койки, придвинулась ближе. Глаза у нее были на мокром месте, она постоянно вытирала щеки. Джейка удивило, что она гораздо выше брата, хотя на два года младше его. Дрю легко можно было принять за юношу, которому еще только предстоит возмужание. Кира была физически вполне зрелой для своего возраста.

– Надолго его посадили? – тихо спросила Джози.

– Надолго. На недели. А то и на месяцы. Его обвинят в убийстве и будут судить, на это уйдет много времени.

Кира вытерла лицо платочком, промокнула слезы себе. Повисла длительная пауза. Попискивал монитор, из коридора доносился смех медсестер. Джейк первым заерзал, ему захотелось поскорее сбежать. Подав Джози руку, он наклонился к ней и произнес:

– Я еще зайду. А сейчас нам пора к Дрю.

Она хотела кивнуть, но от боли скорчила гримасу. Джейк сунул Кире свою визитную карточку.

– Вот мой телефон, – прошептал он.

Оглянувшись около двери, Джейк увидел крепко обнявшихся мать и дочь. Обе плакали, боясь неизвестности.

Эту душераздирающую картину он никогда не забудет. Два маленьких человека, которых ждали только страх и гнев системы, мать и дочь, не совершившие ничего плохого, но обреченные на мучения. Они были безгласны, их некому защитить. Разве что Джейку. Интуиция подсказывала, что они и Дрю станут частью его жизни на многие годы.

Главным обвинителем в 22-м юридическом округе – туда входили административные округа Полк, Форд, Тайлер, Милберн и Ван-Бюрен – был окружной прокурор Лоуэлл Дайер из крохотного городка Гретна в сорока милях к северу от Клэнтонна. Три года назад Дайер бросил вызов самому Руфусу Бакли, пробывшему окружным прокурором три срока и, по мнению многих, метившему в губернаторское кресло. Со всеми мыслимыми церемониями, оглаской, с самолюбованием и небывалым для штата выпячиванием себя любимого Бакли выступал пять лет назад обвинителем на процессе Карла Ли Хейли, требуя от присяжных смертного вердикта. Но Джейк переубедил жюри и нанес Бакли серьезнейшее за его карьеру поражение. Следующее поражение тот понес от избирателей, после чего уполз в свой родной Смитфилд и открыл там маленькую фирму. Джейк и практически все остальные юристы округа молча поддержали Лоуэлла Дайера, проявлявшего в исполнении своих скучных обязанностей похвальную последовательность.

Утро понедельника выдалось, впрочем, далеко не скучным. Поздно вечером в воскресенье Дайеру позвонил судья Нуз. Они обсудили дело Кофера. В понедельник с утра пораньше позвонил Оззи, а уже в 9 часов утра у Дайера была назначена встреча с его помощником Д. Р. Масгроувом – все на ту же тему. С самого начала не возникло сомнения, что штат будет требовать обвинения в тягчайшем убийстве, а затем и смертного приговора. Слугу закона убили в собственной постели – хладнокровно, из его же оружия. Убийца сознался в содеянном, находится под арестом; ему всего шестнадцать лет, но этого достаточно, чтобы отличать хорошее от плохого и нести ответственность за свои поступки. В мире Дайера действовало правило «око за око, зуб за зуб», «мне отмщение, и аз воздам», как изрек Создатель. Не столь важно, как сформулировано в Библии, важнее то, что подавляющее большинство населения было за смертную казнь, особенно те, кто ходил голосовать. Опросы и статистика по общественному мнению на сельском Юге не имели последствий: вопрос был давно решен, общество твердо стояло на своем. Во время избирательной кампании Дайер несколько раз высказывался в том смысле, что проблема с газовой камерой заключается в том, что ее используют недостаточно часто. Это нравилось толпе, во всяком случае, белой. В церквях для чернокожих он обходил эту тему.

По действующему закону суды по делам несовершеннолетних не рассматривали дела об убийстве, если обвиняемому было более тринадцати лет. Двенадцатилетнего преступника нельзя было судить в окружном суде, разбиравшем все уголовные дела. Ни в одном другом штате не было столь же низкого возрастного порога. В большинстве штатов подсудимому должно было быть не менее шестнадцати лет, чтобы с ним обращались как со взрослым. В некоторых северных штатах возрастной порог подняли до восемнадцати лет, но не на Юге.

Важность момента снижала энтузиазм Лоуэлла, но втайне он радовался столь важному делу. За все три года он еще ни для кого не требовал смертной казни и как прокурор, призывавший самого себя к строгости, был огорчен собственной мягкотелостью. Но что поделать, если приходится возиться только с наркоторговцами, а еще с держателями подпольных игорных заведений, хотя теми занимаются федералы, иногда обращаясь за помощью к местным? Пья-

ного водителя, совершившего в округе Полк аварию со смертельным исходом, Лоуэлл посадил на тридцать лет. В округе Милберн он выступал обвинителем на процессе человека, ограбившего два банка, но тот сбежал и не был найден. Наверное, продолжал грабежи.

До убийства помощника шерифа Лоуэлл посвящал основное время работе в прокурорской бригаде, участвовавшей в борьбе с распространением кокаина.

Теперь из-за убийства Кофера Лоуэлл Дайер внезапно оказался в центре событий. Но в отличие от своего предшественника Руфуса Бакли, который уже успел бы провести не менее двух пресс-конференций, утром в понедельник он не показывался на глаза репортерам и занимался своими делами. Еще раз потолковал с Оззи, потом с Нузом, позвонил Джейку Брайгенсу, но нарвался на автоответчик. Позвонил из уважения Эрлу Коферу, чтобы выразить соболезнования и пообещать справедливый суд. Наконец отправил в Клэнтон своего дознавателя – пусть начинает копать.

Прокурору позвонил патологоанатом из криминалистической лаборатории штата. По данным вскрытия, Кофер умер от одного пулевого ранения в голову: пуля вошла в левый висок и вышла через правое ухо. Ничего примечательного, не считая уровня алкоголя в крови – 0,36. Ничего себе! В три с половиной раза выше предельно допустимого в штате уровня 0,10. При росте 6 футов 1 дюйм и при весе 197 фунтов Стюарт Кофер, так сильно нагрузившись, вряд ли вообще мог ходить, вести машину и даже дышать.

Юрист из маленького городка с пятнадцатилетним опытом, Лоуэлл никогда такого не видел и даже не слышал о случаях столь высокого содержания алкоголя в крови. Он выразил недоверие и попросил патологоанатома повторить анализ крови. Пообещал без промедления изучить отчет о вскрытии и оперативно передать его защите. Никто не собирался скрывать тот факт, что в момент гибели Стюарт Кофер был мертвецки пьян.

Набор фактов не бывает совершенен. И обвинение, и защита всегда имеют изъяны. Но когда помощник шерифа так безбожно пьян в два часа ночи, это не может не вызвать вопросы. В общем, уже через считанные часы после первого знакомства со столь важным делом Лоуэлл Дайер испытал некоторые сомнения.

Джейк высадил Порсию на городской площади и поехал в окружную тюрьму. Там по-прежнему было оживленнее обычного, поэтому ему не захотелось входить и встречать пристальные взгляды. Но, оставляя машину на улице, он сказал себе: «Какого черта? Нельзя защищать убийцу полицейского и сохранить уважение копов».

Раз они возмущены тем, что Джейк выполняет свою работу, за которую, кстати, никто не готов браться, притом что ее надо делать, то ему остается одно: махнуть на них рукой. Он вошел в дежурку, где помощники шерифа любили прохладиться, болтая и галлонами поглощая кофе, и поздоровался с Маршаллом Празером и Моссом Джуниором Тейтумом. Те покивали в ответ. Уже через считанные секунды Джейк понял, что окопы вырыты.

– Оззи у себя? – спросил он Тейтума. Тот пожал плечами, мол, кто его знает? Джейк подошел к столу Дорин, секретаря Оззи, охранявшей дверь шефа, как доберман. Она была в полном обмундировании и при пистолете, хотя ни для кого не было тайной, что Дорин не проходила обучения и по закону не имеет права производить арестов. Считалось, что она может носить оружие, хотя никто не рискнул бы проверить, умеет ли она им пользоваться.

– Он на совещании, – произнесла Дорин.

– Я звонил полчаса назад, мы договорились встретиться в десять тридцать, – сказал Джейк со всей доступной ему вежливостью. – Сейчас десять тридцать.

– Я ему сообщу, Джейк, просто сегодня безумное утро.

– Спасибо.

Он подошел к окну, выходившему в переулок. Неподалеку виднелся офисный комплекс в южной части площади. Над всеми крышами высился купол суда, рядом с ним росли двухсот-

летние дубы. Через минуту Джейк заметил, что у него за спиной стихла обычная болтовня. В присутствии адвоката помощникам шерифа было не по себе.

– Джейк! – позвал Оззи, приоткрыв дверь.

В кабинете два давних друга стоя смерили друг друга взглядами поверх широкого стола.

– Нам в офис уже дважды звонили с угрозами. Кто-то звонил в школу и задавал вопросы про Карлу. Себя, как водится, не назвал.

– Я знаю про звонок в школу. Ну, и как мне быть, Джейк? Запретить людям звонить тебе на работу?

– Ты говорил с Эрлом Кофером?

– Два раза. Вчера у него на ферме и сегодня утром по телефону. Сейчас мы готовим похороны, если ты не возражаешь, Джейк.

– О похоронах я не думаю, Оззи. Не мог бы ты попросить мистера Кофера, чтобы его люди, кем бы они ни были, оставили нас в покое?

– Ты уверен, что звонят их родственники?

– Кто же еще? Весьма вспыльчивые люди, как я слышал. Ясное дело, они опечалены убийством. Это вполне естественно. Только пусть прекратятся угрозы, ладно?

– Полагаю, тебе тоже горько, Джейк. Ты бы сам первым успокоился. Кроме Стюарта Кофера, пострадавших не видать. – Он вздохнул, медленно опустился в кресло и кивнул Джейку. Тот тоже сел.

– Запиши звонки и передай мне, – продолжил шериф. – Сделаю, что смогу. Снова приставить к тебе охрану?

– Нет, это утомляет. Я сам их перестреляю.

– Если честно, Джейк, я не думаю, что у тебя есть причины для беспокойства. Семья в горе, но они не сумасшедшие. Вот пройдут похороны, и все, даст Бог, уляжется. У тебя же скоро заберут это дело?

– Не знаю, хочу надеяться. Ты проверял сегодня утром, как там твой арестованный?

– Я говорил с надзирателем. Замки прочнее не придумаешь.

– Он что-нибудь ел?

– Чипсы. Еще пил кока-колу.

– Послушай, Оззи, я, конечно, не специалист, но уверен, что у парня травма, ему нужна помощь. Ясно же, что у него психологические проблемы.

– Ты уж меня прости, Джейк, но мне трудно ему сочувствовать.

– Понимаю. Утром, перед составлением списка дел к слушанию, я повидать Нуза и попрошу его отправить парня в Уитфилд, на тестирование. Мне понадобится твоя помощь.

– Моя помощь?

– Да. Нуз тебя уважает. Если ты согласишься, что с парнем должен побеседовать профессионал, то и судья не будет против. Парень сидит у тебя под арестом, и ты знаешь о его состоянии больше, чем кто-либо еще. Бери надзирателя, поедем вместе к Нузу на разговор без протокола. Тебе не придется давать присягу. Для несовершеннолетних свои правила.

Оззи усмехнулся и отвел взгляд.

– Позволь мне быть откровенным. Этот щенок, сколько бы ему ни было лет, убил моего помощника, мы еще не успели организовать прощальную церемонию, погребение или как там еще вы, белые, это называете, а я тут посиживаю с адвокатом, который просит меня помочь защите. Так, что ли, Джейк?

– Я прошу тебя поступить правильно, Оззи, вот и все.

– Просьба отклонена. Я еще не видел заключенного после того, как его сюда доставили. Ты слишком давишь, Джейк. Полегче!

Говоря это, шериф смотрел так грозно, что трудно было не понять смысл его слов. Джейк встал.

– Ну, что ж... Хочу посетить моего клиента.

Он принес мальчишке банку сладкой газировки и пакетик арахиса. После нескольких минут уговоров Дрю высунулся из-под одеяла, сел на край койки и откупорил банку.

– Сегодня утром я был у твоей мамы, – начал Джейк. – Ей лучше. Кира с ней, в палате, о них заботятся прихожане церкви.

Дрю кивнул, не отрывая взгляда от пола. Его светлые волосы свалялись, ему бы не мешало помыться. Парню еще не выдали оранжевый тюремный комбинезон, в котором он смотрелся бы приличнее, чем в своих обносках.

– Какой церкви? – спросил Дрю.

– По-моему, она называется церковь Доброго Пастыря. Пастора зовут Чарльз Макгерри. Знаешь его?

– Вроде бы. Стю не хотел пускать нас в церковь. Он действительно мертвый?

– Мертвее не бывает, Дрю.

– Это я его застрелил?

– Судя по всему, ты. Разве не помнишь?

– Что-то помню, что-то нет. Порой мне кажется, будто все это сон, понимаете? Вот как сейчас. Вы здесь, разговариваете со мной? Как вас зовут?

– Джейк. Мы виделись вчера вечером, я к тебе заглядывал, помнишь?

Длительное молчание. Парень отпил из банки, попытался надорвать пакетик с арахисом, но не сумел. Джейк сделал это за него.

– Это не сон, Дрю. Я твой адвокат. Видел твою маму и сестру, теперь я представляю вашу семью. Важно, чтобы ты мне доверял, чтобы говорил со мной.

– О чем?

– Ну, как о чем? Например, о доме, где ты живешь с Кирой, мамой и Стюартом Кофером. Давно вы там живете?

Парень упрямо смотрел в пол, казалось, он оглох.

– Давно, Дрю? Долго вы жили со Стюартом Кофером?

– Не помню. Правда, что он умер?

– Да.

Банка выскользнула у него из рук, жидкость расплескалась у ног Джейка и покатилась дальше. Дрю не обратил на это внимания, Джейк тоже постарался не смотреть на приближающуюся к его подошвам лужу. Парень зажмурился и завыл. Этот низкий болезненный звук рождался в самой глубине его тела. Губы зашевелились, он что-то беззвучно бормотал. Джейк уже собрался прервать его, но решил подождать. Дрю напоминал сейчас монаха в молитвенном транс или пациента психиатрической лечебницы, канувшего в глубокую внутреннюю тьму.

Но на самом деле выглядел, как раненый зверек, отчаянно нуждавшийся в помощи, которую сам Джейк не был способен ему оказать.

9

К полудню понедельника шериф уже был по горло сыт толчеей, шумом, лишними людьми, болтавшимися рядом и готовыми подхватить любой слух; отставными копами, жаждавшими снова влиться в братство; бесполезными резервистами, только занимавшими место; репортерами, болтливыми городскими старухами, постоянно подвозившими шоколадные пирожные и пончики, словно избыток сахара мог чему-то помочь; зеваками, не имевшими определенного повода находиться рядом; политиками, надеявшимися таким способом напомнить избирателям, что они верят в закон и порядок; друзьями семьи Коферов, воображавшими, будто могут оказать помощь служителям закона. Не вытерпев, Оззи распорядился выгнать из здания всех, кто не имел права там присутствовать по долгу службы.

Уже более тридцати часов он старался изображать профессионала, равнодушного к трагедии, но усталость давала о себе знать. Оззи наорал на Дорин, та ему ответила. Напряжение становилось буквально осязаемым.

Он собрал у себя в кабинете лучших помощников – Мосса Джуниора Тейтума, Маршалла Празера и Уилли Хастингса – и предупредил Дорин, что не будет отвечать на звонки. Все, включая шерифа, были в штатском. Он раздал им листки бумаги и попросил ознакомиться. Дав им время, Оззи сказал:

– 0,36. Кто-нибудь из вас ловил водителя с таким содержанием алкоголя в крови?

Трое ветеранов всякое повидали или думали, что всякое.

– 0,3 бывало, но не более, – ответил Празер. – Не припомню.

Мосс Джуниор покачал головой и недоверчиво протянул:

– Не здесь...

– Молокосос Батч Ванго однажды набрался до 0,35, – вспомнил Хастингс. – Думаю, это рекорд округа Форд.

– Причем рекордсмен дал дуба, – усмехнулся Празер.

– Да, на следующий день в больнице. Я его туда не доставлял и не проверял на алкоголь.

– Его никто не проверял, – заметил Празер. – Он был не за рулем. Его нашли утром валявшимся на Крафт-роуд. Диагноз – алкогольное отравление.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Оззи. – Я о другом: наш павший сослуживец набрался по самое не могу, большинство от такой дозы сыграло бы в ящик. В общем, у Кофера имелась проблема. Он себя не контролировал – мы даже не знаем, до какой степени.

– Мы обсуждали это вчера, Оззи, – напомнил Празер. – Ты же не обвиняешь нас в том, что мы не доложили на своего товарища?

– Не обвиняю, но предполагаю, что его покрывали. Подружка Кофера как минимум дважды звонила, когда он ее лупцевал. Не пойму, куда подевались те рапорты. Мы искали их все утро – как сквозь землю провалились!

Оззи Уоллс, шериф, избираемый и переизбираемый населением, был единственным в этом кабинете, вынужденным раз в четыре года преподносить себя электорату. Остальные трое являлись его главными помощниками, обязанными ему зарплатами и карьерой. Они понимали взаимосвязи, проблемы, политику. Их долг – защищать его изо всех сил. Они не были уверены, видел ли Оззи те рапорты, не знали степени его осведомленности, но в данном случае были готовы принять его позицию, в чем бы она ни заключалась.

Оззи продолжил:

– Пертл и Маккарвер были там месяц назад, когда поздно вечером она позвонила диспетчеру. Тогда Джози отказалась подписать жалобу. Парни клянутся, будто отчитались честь по чести, но я не нахожу рапорт. Четыре месяца назад было все то же самое – Кофер завалился домой пьяный и избил ее. Суэйз прибыл на вызов, но она отказалась от обвинения. Где его

рапорт? Я не видел ни его, ни следующего рапорта. В этом проблема, ребята. Час назад у меня побывал Джейк. Его назначил Нуз; он утверждает, что не хотел брать дело и судья назначит другого адвоката, как только найдет. Мы не можем на это рассчитывать, это нам неподвластно. Сейчас Джейк – адвокат арестованного, и он быстро выяснит, что у нас пропадают рапорты. Если не сейчас, так потом, когда дело дойдет до суда. Я Джейка знаю, мы все его знаем, он всегда будет на шаг впереди нас.

– Почему Джейк должен совать в это нос?

– Я же сказал, его назначил судья Нуз. Мальчишке нужен адвокат. Больше никто это дело не взял бы.

– Я полагал, будет государственный защитник, – произнес Хастингс. – Мне Джейк нравится, не хотелось бы, чтобы он был на противоположной стороне.

Уилли Хастингс был двоюродным братом Гвен Хейли, матери Тони, жены Карла Ли, а в их мире на Джейка Брайгенса прямо-таки молились.

– Наш государственный защитник – новичок, еще не нюхавший серьезных дел. Слышал, Нуз его недолюбливает. Давайте так: Омар Нуз – окружной судья, он давно сидит в этом кресле. Любите вы его или ненавидите, он заправляет всей системой. В его власти возвысить или сломать адвоката. Джейк ему по душе. Отказать ему Джейк не мог.

– Я думал, он назначен только на предварительный период, пока не найдется замена, – подал голос Празер.

– Может случиться, что угодно, пока рано судить. С подбором замены Джейку могут возникнуть трудности. К тому же у него есть амбиции, ему может понравиться внимание. Не забывайте, что его нанял и выдрессировал Люсьен Уилбэнкс, бывший радикал, готовый защищать кого угодно.

– Невероятно! – воскликнул Тейтум. – В прошлом году Джейк готовил для моего дяди земельную сделку.

– Он сказал, что им уже звонят и угрожают, – сообщил Оззи. – Съезжу-ка я снова к Эрлу Коферу, выскажу свое уважение и все такое, поговорю о похоронах и постараюсь обуздать эту публику.

– Коферы и так смирные, – заметил Празер. – Некоторых из них я знаю, просто они сейчас в шоке.

– А то мы нет! – усмехнулся Оззи, захлопнул папку, вздохнул и посмотрел на троих помощников. Остановив взгляд на Празере, он произнес: – Что ж, послушаем.

Маршалл бросил свой листок на стол и закурил. Потом подошел к окну, приоткрыл его, дав доступ воздуху, и привалился к стене.

– Я поговорил с двоюродным братом. Он не пил с Кофером в субботу вечером. Он кое-кого обзвонил и выяснил, как было дело. В хижине Пса Хикмана, на озере, резались в карты. Покер, низкие ставки, игроки не из богатых. К ним присоединился некто с набитым карманом, благоухающий щеголь, стал всех угощать. Ну, этим лопухам только налей... Трое так напились, что свалились прямо там. Эти мало что помнят. Кофер решил отправиться домой и кое-как доехал.

– Уж не Гэри Гарвера ли самогон?

Празер затаился и пристально посмотрел на шерифа.

– Я не спрашивал имен, Оззи. Мне назвали всего два: Кофера и Пса Хикмана. Кофер на том свете, а остальная четверка дрожит.

– Чего им бояться?

– Кто их знает, может, чувствуют свою ответственность. Резались в карты, лакали самогон, один их собутыльник допил до смерти...

– Вот дурни!

– Я не говорил, что они умники.

– Если мы начнем грести всех, кто играет в кости и в картишки, то придется строить новую тюрьму. Ладно, добудь мне имена. Убеди их, что им не предъявят обвинений.

– Попытаюсь.

– Сделай одолжение, Маршалл. Держу пари, что к завтрашнему дню их имена будет знать Гарри Рекс Боннер, а значит, и Джейк.

– Они ничего не нарушили, – заметил Мосс Джуниор. – О чем вообще речь? Совершенно одно преступление – убийство, и убийца у нас, верно?

– Все не так просто, – вздохнул Оззи. – Если это дело дойдет до суда, то готов поклясться, что адвокат обвиняемого, кем бы он ни был, всю использует плохое поведение Кофера, приведшее к убийству.

– Как это? – удивился Празер. – Он же мертв.

– А почему? Разве потому, что вернулся домой пьяный и лег спать, а этот дурачок решил забавы ради выбить ему мозги? Ничего подобного. Может, он погиб, потому что подружке захотелось его денег? Тоже нет, Маршалл. Кофер расстался с жизнью из-за своей отвратительной привычки напиваться и колотить ее, вот сынок за мать и вступился. Процесс будет мерзкий, ребята, готовьтесь. В общем, нам необходимо все выяснить и поскорее. Начните с Пса Хикмана. Кто мог бы с ним поговорить?

– Его знает Суэйз, – сказал Уилли.

– Пусть немедленно примется за него. Но эти клоуны должны знать, что сами они нам ни к чему.

– Будет сделано, босс.

У Карлы столько времени уходило на уроки в школе, на подготовку к ним и на проверку домашних заданий Ханны, что на готовку его почти не оставалось. Обычно все трое садились ужинать ровно в семь часов вечера. Джейку случалось задерживаться допоздна или покидать город, но жизнь провинциального адвоката не требовала отдавать много времени дороге. Ужин съедался быстро, но был максимально полезным: курица, овощи, печеная рыба, мало хлеба и вообще мучного; красного мяса и сладкого они избегали. После еды стремительно убирали со стола, наводили порядок в кухне и переходили к более приятным занятиям: телевизору, чтению, играм, если Ханна к этому времени доделывала уроки.

В хорошие вечера Джейк и Карла любили прогулки по окрестным улицам, короткие экскурсии, когда дочь находилась в своей комнате, а дом был заперт. Ханна отказывалась гулять с родителями, потому что для такой большой девочки оставаться одной дома было захватывающим приключением. Сидя в безмолвном доме в обнимку с дворняжкой Малли, она читала книжку. Родители редко отсутствовали более десяти минут.

На сей раз, после одного из самых длинных понедельников на их памяти, Джейк и Карла заперли все двери и дошли до конца своей улицы, чтобы постоять под кизилевым деревом и насладиться его ароматом. Их дом, носивший имя Хокатт-Хаус, был одним из двух десятков зданий на старой тенистой улице в восьми кварталах от центральной площади Клэнтон. Большинство здешних жителей были пенсионерами, с трудом наскребавшими деньги на растущие коммунальные траты, хотя во многие дома уже въехали семьи помоложе. Неподалеку жил, например, молодой врач-пакистанец, которого сначала приняли настороженно, потому что никто не мог правильно произнести его имя и косился на темный цвет кожи. Но прошло три года, все неоднократно прибежали к его услугам, и этот человек, узнавший больше тайн, чем кто-либо еще в городе, стал всеобщим любимцем. Напротив семьи пакистанца и его миловидной жены жила молодая пара с пятью детьми, без определенных занятий. Муж утверждал, будто управляет лесопильным бизнесом, доставшимся ему от деда, но при этом почти не вылезал из загородного клуба. Жена играла в гольф и в бридж, тратя много времени на наблюдение за персоналом, воспитывавшим их потомство.

Сейчас свет горел только в этих двух домах, не считая Хокатт-Хауса. Остальная часть улицы тонула в темноте: пожилые люди рано ложились спать.

Неожиданно Карла остановилась, потянула мужа за руку и сказала:

– Ханна осталась одна.

– И что?

– Думаешь, она в безопасности?

– Разумеется.

Тем не менее она развернулась и торопливо зашагала обратно.

– Я так больше не смогу, Джейк. Мы только что вернулись к нормальной жизни. Не хочу опять начинать волноваться.

– Волноваться не о чем.

– Ты уверен?

– Ладно, кое-какие причины есть, но уровень угроз низкий. Какие-то телефонные звонки с неопределяющихся номеров от трусов, не называющих себя, вот и все.

– По-моему, я слышала это и раньше, перед тем, как сторел наш дом.

Они немного прошли, держась за руки.

– Ты можешь отказаться от дела? – спросила Карла.

– Я только вчера принял его.

– Я помню. Утром у тебя встреча с судьей Нузом?

– Да, с утра пораньше. Тема – «Смоллвуд».

– А про новое дело разговор пойдет?

– Обязательно. Оно у всех на языке. Дрю нуждается в помощи прямо сейчас, надо показать его специалисту. Если получится, я попрошу об этом судью. Если он уже нашел другого адвоката, то не станет это скрывать от меня.

– Маловероятно.

– Да, слишком рано. Я буду вести дело на предварительном этапе, позабочусь о защите прав этого паренька, попытаюсь оказать ему помощь. Через пару-тройку недель я потребую от Нуза замены.

– Обещай.

– Обещаю. Ты сомневаешься?

– Представь, да.

– Почему?

– Потому что ты равнодушный человек. Подозреваю, ты уже переживаешь за этого мальчика и его семью, хочешь защитить их. Если у судьи Нуза возникнут трудности с подбором другого адвоката, он запросто принудит тебя продолжить. Ты будешь на своем месте. Семья проникнется к тебе доверием. Не обманывай себя, Джейк, тебе нравится находиться в центре событий.

Они свернули на узкую аллею и залюбовались своим чудесным домом, оплотом безопасности и покоя.

– Я полагал, ты хочешь, чтобы я защищал мальчишку.

– Я тоже так считала, но потом начались звонки.

– Это просто телефон, Карла. Лишь бы не стали стрелять, а остальное ерунда.

– Ты умеешь успокаивать.

Как уверял адвокат Эрла, дом принадлежал одному Стюарту, ставшему собственником по утвержденному судом завещанию деда, умершего двенадцать лет назад. Обе бывшие жены Стюарта давно сбежали от него, их имен в завещании не было. Детей Стюарт не завел. Он не оставил завещания, следовательно, согласно законам штата Миссисипи, его собственность переходила в равных долях родителям, Эрлу и Джанет, и его младшим братьям.

После ужина в понедельник Эрл и двое его оставшихся сыновей, Барри и Сесил, впервые отправились навестить дом; днем его покинули дознаватели штата. Им туда совсем не хотелось, однако избежать поездки было нельзя. Эрл припарковался позади пикапа Стюарта и выключил фары. Троица долго сидела в темноте, глядя на дом, знакомый каждому из них с рождения. Барри и Сесил спросили, можно ли им остаться в машине. Отец ответил, что нет: пусть увидят место, где погиб брат. Барри, сидевший сзади, не справился с чувствами и зарыдал. Вскоре они вылезли из машины и приблизились к незапертой двери.

Эрл собрал волю в кулак и первым вошел в спальню. На матрасе не было простыни и одеяла, посредине темнело большое страшное пятно высохшей крови. Эрл сел на единственный в комнате стул и прикрыл ладонью глаза. Барри и Сесил, оставшиеся около двери, хмуро смотрели туда, где погиб их брат. На стене виднелись брызги крови и следы мозгового вещества, частично удаленные специалистами для каких-то своих экспертиз. В комнате пахло смертью и злом – так пахнет раздавленное колесом животное на дороге. Чем дольше они здесь находились, тем сильнее становился этот отвратительный запах.

Оззи разрешил им спалить матрас. Они выволокли его через кухню на задний двор. Туда же отправилось изголовье кровати, каркас, пружинная основа, подушки. Никто больше не будет спать на кровати Стюарта. В небольшом стенном шкафу в холле нашлась одежда и обувь Джози. Эрл, брезгливо взглянув на это добро, велел: «Тоже в огонь!» В комод лежало ее нижнее белье, пижамы, чулки и прочее, в ванной – фен и туалетные принадлежности. Сумка была в кухне, рядом с телефоном и ключами от автомобиля. Сесил не дотронулся до ключей, а сумку, не заглянув внутрь, бросил на матрас вместе с остальными вещами Джози.

Эрл плеснул жидкостью для розжига и чиркнул спичкой. Все трое, отступив, устались на быстро вспыхнувший костер.

– Тащите сюда детское барахло! – приказал отец. – Они сюда не вернуться.

Сыновья бросились наверх, в комнату Дрю, и вынесли все, что могло гореть: постельное белье, одежду, обувь, дешевый CD-плеер, плакатики со стен. Потом Барри занялся комнатой Киры. У нее было больше всего, чем у брата, водились плюшевые мишки и прочее зверье, в шкафу прятались старые куклы и другие игрушки – все это он стащил вниз и швырнул в танцующее пламя. Всем троим пришлось отступить от жара. Они заворуженно следили, как огонь снова разгорается, а потом стихает.

– Как быть с ее машиной? – спросил Барри отца.

Эрл презрительно покосился на старую мазду перед домом, размышляя, не стоит ли и ее спалить.

– Думаю, она за нее задолжала, – возразил Барри, угадав мысли отца.

– Тогда не трогайте, – махнул рукой Эрл.

У них было намерение собрать личные вещи Стюарта, оружие и одежду, но потом Эрл понял, что с этим можно повременить. Дом давно принадлежал семье и надежно запирался. Тем не менее Эрл хотел уже завтра поменять замки и ежедневно сюда наведываться. А еще задумал намекнуть через Оззи Уоллса женщине, ее детям, всем их знакомым, что впредь им нечего делать на земле Коферов. Судьбу машины Джози шериф мог решить сам.

Пес Хикман владел единственным в городе магазином мотоциклов и торговал новым и подержанным двухколесным транспортом. Не брезговал и незаконными сделками, но был достаточно хитер, чтобы не попадаться; у него даже не было конфликтов с законом, не считая старой судимости за вождение в пьяном виде. Полиция знала его как облупленного, однако не трогала, поскольку он никого не беспокоил. К порокам Пса относились азартные игры, бутлегерство и торговля наркотиками.

Мик Суэйз покупал у Пса мотоциклы и неплохо знал его. С наступлением вечера в понедельник Мик заехал к нему в магазин, сообщил, что он не на дежурстве, и откупорил банку

пива. Сразу перейдя к делу, Мик пообещал Псу, что шериф не ищет виноватых, а просто хочет разобраться в произошедшем в субботу вечером.

– Оззи меня не волнует, – заявил Пес. Они курили на улице, привалившись к его «мустангу». – Я ничем не провинился. Ну, может, если бы я так не набрался, то не пустил бы Стью за руль, это да. А так, я не сделал ничего дурного.

– Это нам известно, – кивнул Суэйз, – как и то, что в хижине вас, выпивох, было пятеро. Кем были остальные трое?

– Учти, я не стукач.

– Какое стукачество, Пес, если никто не совершил преступления?

– А зачем тогда ты прикатил со своими вопросами?

– Оззи интересуется, вот и все. Кофер был одним из наших, шериф делал на него ставку. Мы все любили Стюарта – хороший был коп и славный мальчик. Но нализался он в субботу сильно, до 0,36!

Пес Хикман недоверчиво покачал головой и сплюнул на землю.

– Я скажу тебе все, как есть. Вчера утром я проснулся вот с такой головой, будто у меня было все 0,55. Целый день провалился, даже сегодня еле встал. Ну и крепкая же дрянь!

– Что пили-то?

– Свежак от Гэри Гарвера, со вкусом персика.

– Он – третий. А двое других?

– Строго между нами, договорились? Не для протокола.

– Заметано.

– Келвин Марр и Уэйн Эгнор. Начали с упаковки пива. Играем в моей хижине в покер, никаких планов не строим. Тут подваливает Гэри с двумя баклажками своей самогонки. Ну, мы и не сдержались. Залили глаза. Со мной такое впервые за долгое время. Я даже думаю завязать.

– Во сколько уехал Кофер?

– Не известно. Когда он укатил, я уже лежал пластом.

– Кто не спал?

– Не знаю, Мик, честно. Наверное, мы все вырубались. Я мало что помню. Ночью, понятия не имею, во сколько, Стью и Гэри смотались. Продрал глаза в воскресенье, вижу, Келвин и Уэйн никуда не делись, оба в хлам. Ну, мы встали, кое-как встряхнулись, выпили по паре пива, чтобы башка меньше болела, а тут звонит телефон, и мой брат сообщает, что Стью убили. Какой-то щенок выстрелил ему в голову. Только что он сидел с нами за столом, играл в карты, пил персиковый виски из кофейной чашки – и на тебе!

– Вы со Стью были друзьями?

– Даже не знаю. Что это за вопрос?

– Простой вопрос.

– Не такими, как год назад. Он уже не владел собой, ты в курсе, Мик? Раз в месяц мы резались в покер, обычно в моей хижине, и Стью все чаще перебирал, пил и не мог остановиться. Я-то ладно, но о нем поползли слухи. Некоторые его дружки начали беспокоиться. Все мы пьянствуем почем зря, но пьяницы, бывает, видят дальше других. Мы думали, Оззи в курсе, но закрывает на это глаза.

– Вряд ли. Стью каждый день являлся на работу и делал все, что положено. Шериф его выделял.

– Я тоже. Стью все любили.

– Ты расскажешь все это Оззи?

– Не хотелось бы.

– Спешки нет, но поговорить стоит. Может, после похорон?

– У меня есть выбор?

– Нет.

10

Как обычно бывает со слухами, касающимися судебной процедуры, источник этого слуха остался неизвестным. Отражал ли он истину или стал продолжением шутки, пущенной кем-то в кадастровом бюро на втором этаже? Может, его сочинил скучающий адвокат, решивший проверить, как быстро слух опишет круг и вернется к нему самому? Здание суда, да что там, весь город полнился подробностями убийства, поэтому легко предположить, что некто с полномочиями – может, помощник шерифа, а может, судебный пристав – обронил нечто вроде: «Сегодня мы займемся парнем».

Рано утром во вторник половина округа твердо знала, что юнец, убивший Стюарта Кофера, вот-вот впервые предстанет перед судом. Очень скоро к этому слуху добавился другой неопровержимый факт: юнца, вероятно, отпустят! Дескать, по малолетству.

Обычно на оглашении списка гражданских дел к слушанию присутствовала лишь горстка адвокатов – тех, кого это касалось. Толпы зевак подобные скучные процедуры никогда не собирали. Но во вторник половина зрительских мест была занята. Десятки людей собрались в зале суда, чтобы присутствовать при вопиющей ошибке правосудия. Судебные клерки проверяли и перепроверяли список дел из опасения, что что-то пропустили. Судью Нуза ждали только к десяти часам, когда должно было начаться слушание по первому делу. Джейк, пришедший в 9.30, сначала решил, что ошибся датой. Пошептавшись с девушкой-клерком, он узнал о распостранившемся слухе.

– Странно... – пробормотал адвокат, обведя взглядом суровые лица. – Кому знать, пора ли моему клиенту в суд, как не мне!

– У нас всегда так, – прошептала девушка.

Пришел Гарри Рекс и принялся глумиться над страховым адвокатом. Остальные, разглядывая толпу, недоумевали, что ее сюда привело. Приставы и помощники шерифа стояли в стороне; зная о слухе, они тем не менее не получали приказа доставить обвиняемого в суд.

Лоуэлл Дайер вошел в боковую дверь и поздоровался с Джейком. Они условились как можно скорее переговорить с Нузом. В десять часов Его честь вызвал обоих к себе в комнату, предложил им кофе, а сам принял вторую дозу своих ежедневных медикаментов. Его мантия висела около двери, пиджак – на стуле.

– Как там обвиняемый? – спросил он.

Костлявый Нуз имел вытянутое бледное лицо и обвислый красный нос. Он никогда не выглядел здоровым человеком, и сейчас, наблюдая, как судья глотает одну за другой нескончаемые таблетки, адвокаты сторон задумались, как сильно он болен. Спросить, в чем состоит недуг, они не смели.

Джейк налил кофе в два бумажных стаканчика и сел вместе с Лоуэллом напротив судьи.

– Не очень хорошо, – ответил Джейк на вопрос Нуза о Дрю. – Я видел его сегодня уже в третий раз, и он выглядит еще хуже. У него психологическая травма, упадок сил. Может, нужно показать его врачам и подлечить? У нас на руках больной мальчуган.

– Мальчуган? – усмехнулся Лоуэлл. – Расскажи об этом Коферам.

– Ему уже шестнадцать лет, – напомнил Нуз. – Не мальчик.

– Вот посмотрите на него и решите.

– Где ты предлагаешь его лечить? – спросил Лоуэлл.

– Я бы предпочел поручить это профессионалам из больницы штата.

– Лоуэлл?

– Штат против, во всяком случае в данный момент.

– Не уверен, что ты вправе возражать, Лоуэлл, – произнес Джейк. – Дела еще нет. Разве не нужно дождаться вердикта о привлечении к уголовной ответственности?

– Не спорю.

– Тут есть проблема, – продолжил он. – Парню нужна помощь прямо сейчас. Сегодня. В этот самый момент. У него психологическая травма, и от сидения за решеткой ему не становится лучше. Необходим врач, психиатр, кто-нибудь поумнее нас. Иначе ему будет все хуже. Бывает, он вообще не желает со мной говорить. Не помнит, какой сегодня день. Не ест. У него кошмары, галлюцинации. Иногда он сидит и смотрит перед собой, странно посапывая, словно уже повредился рассудком. Разве тебе не нужен здоровый обвиняемый, Лоуэлл? Если он сойдет с ума, то ты не сможешь устроить процесс. Не будет никакого вреда, если его осмотрит врач.

Лоуэлл посмотрел на судью, жевавшего в этот момент что-то горькое.

– Преступление, подозрение, арест, тюрьма, – сказал Нуз. – По мне, так назрела первая явка в суд.

– Мы этого не допустим, – предупредил Джейк. – Нет никакого толку сажать парня в полицейскую машину и везти в суд. Сейчас это ему просто не под силу. Я с вами честен, господин судья: вряд ли он вообще понимает, что происходит.

Лоуэлл улыбнулся и покачал головой, будто у него возникли сомнения.

– Я улавливаю подготовку к объявлению его невменяемым, Джейк.

– Ничего подобного. Судья Нуз обещал мне найти для процесса другого адвоката – если будет процесс.

– Еще как будет, Джейк! Это я тебе обещаю, – произнес Лоуэлл. – Нельзя хладнокровно убить человека и выйти сухим из воды.

– Никто не выходит сухим из воды. Я волнуюсь за паренька, вот и все. Он не осознает реальность. Разве кому-то повредит его медицинское освидетельствование?

Нуз принял наконец все свои лекарства, но еще не запил водой. Глядя на Джейка, он спросил:

– Где это можно сделать?

– Например, в филиале больницы штата в Оксфорде. Мы бы его отвезли.

– А может, они пришлют своего специалиста сюда? – предложил судья. – Не нравится мне идея такого быстрого отъезда обвиняемого из окружной тюрьмы.

– Я согласен, – кивнул Лоуэлл. – Еще не прошли похороны. Не уверен, что за пределами следственного изолятора парень будет в безопасности.

– Или так, – уступил Джейк. – Способ – не главное.

Нуз поднял руки, призывая обоих к порядку.

– Давайте-ка выработаем план, друзья. Насколько я понимаю, мистер Дайер, вы намерены требовать обвинения в тягчайшем убийстве?

– Об этом преждевременно говорить, господин судья, но, признаюсь, сейчас я склоняюсь к этому. Из фактов вытекает именно такое обвинение.

– Когда вы вынесете дело на рассмотрение большого жюри?

– Через две недели, но можно и раньше. Что предпочитаете вы?

– У меня нет предпочтений. Большое жюри – не мое дело. Мистер Брайгенс, как вам видятся предстоящие недели?

– Благодарю, Ваша честь. Ввиду юного возраста моего клиента я не имею другого выбора, кроме как просить вас о переносе разбирательства в суд по делам несовершеннолетних.

Лоуэлл Дайер прикусил язык, давая высказаться судье. Тот взглянул на него, приподняв брови, и прокурор заметил:

– Штат будет, разумеется, против. Мы считаем, что дело должно рассматриваться в этом суде и обвиняемый должен быть судим как взрослый.

Джейк не отреагировал. Глотнув кофе, он посмотрел на свой линованный блокнот, словно знал, что сейчас произойдет. Он действительно знал это: не было ни малейшего шанса, что досточтимый судья Нуз позволит разбирать дело о столь серьезном преступлении суду

по делам несовершеннолетних округа Форд. Туда часто отправлялись более мелкие правонарушения подростков – угон машин, наркотики, воровство, грабеж. Местный судья славился здравомыслием. Однако серьезные преступления, связанные с вредом для здоровья, тем более убийства, туда не попадали.

Большинство белых южан твердо придерживались мнения, что шестнадцатилетний юноша, вроде Дрю Гэмбла, застреливший человека, спавшего в своей постели, подлежит суду как взрослый и заслуживает сурового приговора, вплоть до смертной казни. Скромное меньшинство считало иначе. Джейк пока не составил собственного мнения, но уже сомневался в способности Дрю понять, что такое преступный умысел.

А еще Джейк знал политический расклад. В следующем, 1991 году обоим, Омару Нузу и Лоуэллу Дайеру, предстояло переизбрание – Дайеру первое, Нузу аж пятое. Его честь приближался к семидесяти годам и горстями глотал таблетки, однако не изъявлял ни малейшего желания уходить с дистанции. Ему нравилась работа, престиж, зарплата. Он никогда не сталкивался с сильным противодействием – мало кто из юристов был готов бросить вызов могущественному, хорошо окопавшемуся судье, но оставался шанс, что выборы свернут не туда, заведомый неудачник оседлает волну, избиратели решат, что хотят видеть новое лицо. Три года назад судья едва не проиграл выборы ушлому адвокату из округа Милберн, необоснованно утверждавшему, будто Нуз выносит снисходительные приговоры по уголовным делам. Тогда соперник собрал треть голосов – немало для не заслужившего доверия новичка.

Теперь назревала еще более серьезная угроза. Раз слухи дошли до Джейка, то можно было не сомневаться: о них слышал и сам Нуз. Хвастун Руфус Бакли, бывший окружной прокурор, с трудом побежденный на последних выборах Дайером, снова погнал волну, намекая, что хочет подвинуть с судейской скамьи Омара Нуза. Оттесненный на задний план Бакли коротал время в маленькой конторе в Смитфилде, составляя купчие и строя планы триумфального возвращения. Самой крупной его неудачей стал вердикт «не виновен» на процессе Карла Ли Хейли, в котором он винил Нуза, Джейка и всех, кто был хотя бы отдаленно связан с тем делом. Всех, кроме самого себя.

– Подавайте ходатайство в установленном порядке, – произнес Нуз таким тоном, будто уже принял решение.

– Да, сэр. Теперь о психиатрическом освидетельствовании.

Судья с криком встал, подошел к столу, взял из пепельницы трубку и зажал ее желтыми зубами.

– Думаете, это срочно?

– Да, господин судья. Боюсь, парню с каждым часом все хуже.

– Оззи его видел?

– Оззи не психиатр. Видел, конечно, ведь парень – его заключенный.

– Ваша позиция? – обратился Нуз к Дайеру.

– Штат не против освидетельствования, но я не хочу, чтобы этот парень по какой-либо причине покинул окружную тюрьму.

– Понял вас. Что ж, я подпишу постановление. Какие-нибудь еще вопросы на сегодня?

– Нет, сэр, – ответил Дайер.

– Вы свободны.

Любопытные продолжали просачиваться в зал суда. Шли минуты, судья Нуз все не появлялся. Рядом со скамьей присяжных сидел Уолтер Салливан и его коллега-защитник Шон Джилдер, адвокат по страховым делам из Джексона, защищавшие железную дорогу в деле «Смоллвуд». Они тихо беседовали, главным образом, на юридические темы. Но по мере роста толпы Уолтер начал кое-что понимать.

Интуиция не обманула Гарри Рекса. Адвокаты железной дороги и ее страховая компания согласились, наконец, на предварительные переговоры о досудебной сделке. При этом они собирались соблюдать максимальную осторожность. С одной стороны, дело представляло опасность из-за тяжести причиненного вреда – четырех смертей в одной семье, к тому же Джейк останется на собственной территории, в этом самом зале суда, где они сейчас сидели и откуда он в свое время вышел вместе с оправданным Карлом Ли Хейли. Но, с другой стороны, адвокаты железной дороги и страховой компании все еще не сомневались в победе, которую одержат ввиду признания ответственности соперничающей стороны. Тейлор Смоллвуд, водитель, врезался в четырнадцатый вагон движущегося товарного состава, так и не прикоснувшись ногой к педали тормоза. Их эксперт утверждал, что он несся со скоростью 70 миль в час. Эксперт Джейка говорил о скорости 60 миль в час. Ограничение скорости на этом заброшенном участке дороги составляло 55 миль в час.

Существовали и иные тревожные моменты. Железнодорожный переезд давно находился в плохом состоянии, доказательства чего имелись у Джейка в виде отчетов и фотографий. Аварии случались там и раньше, и Джейк был готов представить присяжным доказательства этого в доходчивом, увеличенном виде. Единственным свидетелем аварии был нетвердый в своих показаниях плотник, ехавший за машиной Смоллвудов на расстоянии примерно ста ярдов. Он утверждал, что светофор в момент столкновения не работал. Ходили, правда, не слишком надежные слухи, будто плотник перед этим напился в каком-то притоне.

Но опасность суда в округе Форд заключалась в другом. Джейк Брайгенс был незаурядным молодым адвокатом с безупречной репутацией, на чью готовность играть по правилам можно было положиться. Однако он действовал не один – рядом с ним орудовали Гарри Рекс, его партнер по иску, и ужасный Люсьен Уилбэнкс; оба ни в грош не ставили этические правила профессии.

Это создавало возможность для громкого вердикта, хотя присяжные могли с тем же успехом признать вину Тейлора Смоллвуда и решить дело в пользу железной дороги. В такой обстановке неизвестности страховая компания не возражала против досудебного соглашения. Если бы Джейк потребовал миллионы, переговоры быстро прервались бы. Но если бы он проявил благоразумие, то можно было бы найти общий язык, к всеобщему удовольствию.

Уолтер Салливан редко выступал защитником на суде, предпочитая роль местного адвоката, когда в процессах участвовали крупные фирмы из Джексона и Мемфиса, нуждавшиеся в его услугах. Он получал скромное вознаграждение за то, что не перенапрягался, разве что использовал свои связи и помогал устранению потенциальных проблем при отборе членов коллегии присяжных.

Сейчас, покуда множились слухи, Уолтер Салливан смекнул, что Джейку Брайгенсу грозит участь наименее популярного в городе адвоката. Люди собрались в зале не для того, чтобы поддержать Дрю Гэмбла и его родных. Вот уж нет! Они явились, чтобы с ненавистью взглянуть на убийцу и молча возмутиться несправедливостью, какой им казалось сочувственное к нему отношение. Если бы Брайгенсу снова удалось сотворить чудо и добиться освобождения мальчишки, то на улицах могли бы вспыхнуть беспорядки.

Салливан наклонился к своему напарнику и произнес:

- Давай ограничимся ходатайствами. Оставим идею соглашения до следующего раза.
- Почему?
- Потом объясню. Времени полно.

В другом конце зала Гарри Рекс жевал растрепанный кончик незажженной сигары и делал вид, что, разглядывая толпу, слушает пристава, рассказывающего несмешной анекдот. Он узнал свою одноклассницу, не смог вспомнить ее фамилию, зато вспомнил, что она вышла

замуж за одного из Коферов. Сколько здесь родственников потерпевшего? Сколько ненавистников Джейка Брайгенса?

Шли минуты, толпа росла, опасения Гарри Рекса подтверждались. Его закадычный друг Джейк взялся за дело, которое принесет гроши, и тем самым наносил вред собственным позициям в деле, сулившем золотой дождь.

11

Ближе к полудню вторника пастор Чарльз Макгерри, его жена Мэг и Кира приехали в больницу и присоединились в комнате ожидания на третьем этаже к другим членам своей церковной общины. Те уже освоились здесь и с наслаждением подкармливали половину персонала и многих больных.

Мало что нравится сельским жителям так же сильно, как поездки в больницу – не важно, в роли посетителей или пациентов. Прихожане окружили семью Гэмблов любовью и старались заразить их своим энтузиазмом. Пока им приходилось ограничиваться Джози и Кирой. Дрю, обвиняемый в убийстве, сидел за решеткой, вне досягаемости, что не вызывало у них возражений. Но мать и сестра не сделали ничего плохого и отчаянно нуждались в сострадании.

В палату Джози нахлынули медсестры, чтобы подготовить ее к переезду. Кира обняла мать и застыла в углу, рядом с пастором Чарльзом. Врачи пришли к выводу, что пострадавшей нужен специалист по восстановительной хирургии, работавший в Тупело, в более крупной больнице. Именно там рано утром в среду ей назначили операцию.

Джози сумела самостоятельно встать с койки, постоять без поддержки и сделать три шага к каталке, где ее ждали сестры, чтобы снова утыкать трубками и обмотать проводами. Она попробовала улыбнуться Кире, но для этого ее лицо было слишком распухшим и стянутым бинтами.

Джози покатали по коридору, мимо восторженных членов общины Доброго Пастыря, к служебному лифту. Внизу ждала скорая. Чарльз усадил Мэг и Киру в свою машину, и они, следуя за скорой, выехали из города. До Тупело был час езды.

Когда Джейк попытался выскользнуть из зала суда через боковую дверь, его окликнули по имени. Странно, но это был Оззи Уоллс, такой же, как и он, знаток здешних потайных ходов.

– Найдется минутка? – спросил шериф, останавливая адвоката рядом с двумя старыми торговыми автоматами. Он появился в зале суда, кому-то пожал руку, кого-то похлопал по спине, с кем-то посмеялся, как и подобает видной персоне, тем более политику, заботящемуся о расширении своего электората. То, что сейчас Оззи нырнул в тень, означало лишь нежелание быть замеченным за разговором с адвокатом Брайгенсом.

– А то как же, – кивнул Джейк. Вряд ли хотя бы кто-нибудь в округе мог отказать шерифу. Тот сунул ему фирменный квадратный конверт своего департамента.

– Утром звонил Эрл Кофер. Его племянник привез ключи от машины мисс Гэмбл. Мы перегнали ее сюда и поставили за тюрьмой. Теперь ты в курсе.

– Не знал, что я представляю интересы Джози Гэмбл.

– Теперь знаешь. Во всяком случае, все так думают. Эрл запрещает ей там появляться. Они поменяли замки. Увидят ее там – откроют огонь, с них станется. У нее и у детей было мало вещей, а теперь и тех нет – все сгорело. Эрл похвастался, что все спалил вчера вечером вместе с окровавленным матрасом. Он бы и автомобиль сжег, но сообразил, что она, вероятно, за него задолжала.

– Ты бы посоветовал ему не чиркать спичками почем зря.

– Я бы сам не прочь день-другой не видеть Эрла.

– Он был сегодня утром в суде?

– Наверное. Ему не нравится то, что ты защищаешь убийцу его сына.

– Я никогда не встречался с Эрлом Кофером и не пойму, какое ему дело до моей адвокатской практики.

– В конверте не только ключи, но и чек.

– Хотя бы одна хорошая новость!

– Не торопись радоваться. Джози работала на автомойке к северу от города, и ей остались должны за последнюю неделю. Вряд ли много. Кто-то завез это в тюрьму.

– То есть ее уволили?

– Похоже. Еще она, как говорят, работала в мини-маркете около школы. Ты все про нее выяснил?

– Я – нет, зато ты, уверен, да.

– Она родилась в Орегоне тридцать два года назад. Отец служил в ВВС, правда, не летчиком, и они много переезжали. Джози выросла на авиабазе в Билокси, где ее отец погиб при взрыве. В шестнадцать лет она бросила школу – как раз пришла пора рожать Дрю. Счастливым папашей был ловелас по имени Барбер, его давным-давно след простыл. Через два года Джози родила от другого мужчины, некоего Мабри, девочку. Отец наверняка был не в курсе. Жила то здесь, то там, правильнее сказать, где только ни жила. В двадцать шесть лет вышла замуж за человека по фамилии Колстон, но семейное счастье оборвалось, когда он угодил в тюрьму на тридцать лет за наркотики. Развод. Сама отсидела два года в Техасе за сбыт и распространение. Не знаю, что в это время происходило с детьми, потому что дела суда по семейным делам, как тебе известно, засекречены. Излишне упоминать, что им пришлось туго и дальше будет только хуже.

– Да. Они бездомные. Джози безработная, завтра ей сделают операцию, а когда ее выпишут, ей будет некуда идти. Дочь живет у священника. Сын в тюрьме.

– Ты ждешь сочувствия?

Джейк тяжело вздохнул и внимательно посмотрел на шерифа:

– Нет.

Прежде чем уйти, Оззи сказал:

– Когда выдастся случай, спроси мальчишку, зачем он нажал на курок.

– Он думал, что его мать убита.

– Ну, так он ошибся.

– Точно. Убьем до кучи и его?

Держа конверт, Джейк стоял и наблюдал, как шериф идет по коридору и поворачивает за угол.

После многолетних наблюдений Джейк набрался опыта и стал экспертом по части ритма торговли на городской площади. В половине пятого кафе пустовало, и Делл коротала время за заворачиванием дешевых столовых приборов в салфетки, дожидаясь пяти часов, конца своей смены. За завтраком и обедом она прислушивалась к болтовне, сама ее поддерживала, когда посетители уставали, и наводила порядок, если они слишком расходились. Ушки у нее всегда были на макушке, Делл ничего не пропускала и ставила на место зарвавшихся рассказчиков. Непристойная лексика каралась, за грязную шутку грозило изгнание. Но если посетитель заслуживал резкой отповеди, она с ней не медлила, не заботясь о том, что он, может, забудет дорогу в ее кафе. Славясь необыкновенной памятью, Делл тем не менее неоднократно бывала поймана за поспешной записью услышанного – так важно ей было ничего не упустить. Когда Джейку требовалась информация, он просто заходил к ней в кафе в половине пятого и садился около стойки.

Делл налила ему кофе и произнесла:

– Ты целых два утра не заглядывал, мы успели соскучиться.

– Потому и заглянул. Ну, что говорят?

– Обсуждают главную новость. Первое убийство за пять лет, после Хейли. Стюю пользовался популярностью, он был на своем месте, часто здесь обедал. Мне он нравился. А мальчишку никто не знает.

– Они нездешние. Мать познакомилась с Кофером, ну и... Странная получилась семейка.

– Так и говорят.

– Я еще остаюсь любимым адвокатом?

– Когда я рядом, тебе не перемывают косточки. Правда, Празер ляпнул, что лучше бы нашли другого адвоката. Дескать, жаль, что Нуз повесил мальчишку на тебя. Луни сказал, что тебе не повезло и Нуз тебя заменит. Примерно так. Критики пока не слышно. Тебе это важно?

– Естественно. Я хорошо знаю этих людей. С Оззи мы всегда приятельствовали. Когда ты превращаешься в шило в заднице у копов, это не радует.

– У меня здесь не выражаются! Полагаю, они пока терпят. Но лучше бы тебе заглянуть сюда завтра и самому убедиться.

– Постараюсь.

Делл оглядела пустое кафе и придвинулась ближе.

– Ну, так зачем парень его пристрелил? Это действительно он?

– Без сомнения. Я не позволю им его допросить, но это лишнее. Его сестра сказала Моссу Джуниору, что он застрелил Стюарта. Работы у меня осталось немного.

– Какой был мотив?

– Я не знаю, еще не настолько во все погрузился. Нуз поручил мне побыть при парне первый месяц, пока он не подберет другого адвоката. Если дойдет до суда, то мотив выявят. Или нет.

– Ты будешь на похоронах?

– Ничего не слышал о них.

– Днем в субботу, манеж Национальной гвардии. Я сама только что узнала.

– Сомневаюсь, что меня позовут. Ты пойдешь?

– Обязательно! – ответила она со смехом. – Назови хотя бы одни похороны, которые я пропустила!

Джейк не мог припомнить ни одного раза. Делл была известна тем, что посещала похороны дважды, а то и трижды в неделю и подробно делилась впечатлениями с посетителями кафе. Джейк годами слушал об открытых и закрытых гробах, длинных проповедях, голосящих вдовах, брошенных детях, семейных склоках, прекрасной похоронной музыке и фальшивящих органах.

– Уверен, будет захватывающее шоу, – произнес он. – Мы уже не одно десятилетие не хоронили слуг закона.

– Хочешь немного грязи? – спросила она, еще раз оглянувшись.

– Давай!

– Говорят, родня убитого никак не найдет священника. Они не прихожане и никогда ими не были. Поэтому все священники, которых они годами отшивали, теперь им отказывают. Их трудно осуждать. Кому охота разглагольствовать с церковной кафедры о достоинствах почившего, который ни разу в жизни не посетил церковь?

– Кто же проведет погребальную службу?

– Вопрос открыт. Приходи завтра утром, вдруг что-нибудь прояснится?

– Хорошо.

Стол посреди рабочего кабинета Люсьена на первом этаже был завален толстыми кодексами, блокнотами и исписанной бумагой, словно два неадвоката трудились, не поднимая головы, не один день. Обоим хотелось стать адвокатами, и Порсия находилась на верном пути. Дни славы Люсьена остались далеко в прошлом, но и его порой завораживала юриспруденция.

Войдя, Джейк оценил деловой беспорядок и уселся на один из стульев.

– Ну, изложи мне свою новую блестящую стратегию защиты.

– Еще не нащупал, – признался Люсьен. – Пока мы в тупике.

– Мы проштудировали все дела суда по проблемам несовершеннолетних за последние сорок лет и убедились, что в законе нет лазеек, – сообщила Порсия. – Когда несовершеннолет-

ний, человек моложе восемнадцати лет, совершает убийство, изнасилование или вооруженное ограбление, его дело рассматривает обычный окружной суд.

– А если ему восемь? – спросил Джейк.

– Восемилетние редко бывают насильниками, – пробормотал себе под нос Люсьен.

– В 1952 году, – продолжила Порсия, – в округе Тишоминго одиннадцатилетний мальчик убил другого мальчика, немного старше его, жившего неподалеку. Его оставили за окружным судом. На процессе ему вынесли приговор, и он оказался в Парчмане. Можете в такое поверить? Через год Верховный Суд штата решил, что парень больно мал, и вернул дело в суд по делам несовершеннолетних. После этого вмешался законодатель и определил «волшебный» возраст: тринадцать и старше.

– Все это неважно, – махнул рукой Джейк. – Дрю даже не приближается к этому порогу, во всяком случае формально, по возрасту. Его эмоциональную зрелость я бы определил как раз тринадцатью годами, но это не мне решать.

– Ты нашел психиатра? – спросила она.

– Ищу.

– В чем, собственно, твоя цель, Джейк? – спросил Люсьен. – Даже если психиатр признает паренька безнадежным психом, Нуз и бровью не поведет, сам знаешь. Можно ли его осуждать? Убит коп, преступник известен. Суд по делам несовершеннолетних тоже признал бы его виновным и отправил в исправительное заведение. На два года! Как только ему стукнет восемнадцать, этот суд утратит над ним юрисдикцию. Догадайся, что произойдет дальше?

– Он выйдет на свободу, – произнесла Порсия.

– Именно, – кивнул Джейк.

– Потому ты и не можешь осуждать Нуза за то, что он не выпускает это дело из своих когтей.

– Я не пытаюсь доказать невменяемость клиента, Люсьен, пока не попытаюсь. Но этот парень не в себе и нуждается в профессиональной помощи. Он не ест, не моется, почти не говорит, может часами сидеть и что-то бубнить, будто у него все отмирает внутри. Если честно, по-моему, его нужно положить на лечение в больницу штата.

Зазвонил телефон, и все трое уставились на аппарат.

– Где Беверли? – спросил Джейк.

– Ушла, – ответила Порсия. – Скоро пять.

– Вышла за сигаретами, – сказал Люсьен.

Порсия медленно подняла трубку.

– Юридическая фирма Джейка Брайгенса, – произнесла она официальным тоном, секунду послушала, а потом с улыбкой спросила: – Простите, кто звонит? – Она закрыла глаза и наморщила лоб. – По поводу какого дела? – Улыбка. – Мне очень жаль, но мистер Брайгенс сейчас в суде.

По правилам их конторы Джейк всегда находился в суде. Если звонивший был не его клиентом или вообще случайным человеком, то у него складывалось впечатление, будто этот адвокат практически живет в суде и что получить у него консультацию очень сложно и, вероятно, дорого. У скучающих юристов Клэнтонна это было обычным делом. Безмозглый адвокат Ф. Фрэнк Малвени, практиковавший на противоположной стороне площади, научил свою временную секретаршу заходить еще дальше и важно сообщать всем звонящим, что «мистер Малвени в федеральном суде». Дескать, Ф. Фрэнк принадлежит к высшей лиге и брезгует такой мелочью, как дела уровня штата.

Порсия повесила трубку.

– Развод.

– Спасибо. Другие чудачки сегодня звонили?

– Насколько я знаю, нет.

Люсьен посмотрел на свои наручные часы, словно ждал от них сигнала, затем встал и объявил:

– Пять часов. Кто хочет выпить?

Джейк и Порсия дружно отказались. Стоило ему уйти, Порсия спросила:

– Когда он начал пить прямо здесь?

– Разве он бросал?

12

Единственный детский психолог на севере Миссисипи, оплачиваемая штатом, была слишком занята, чтобы перезвонить. Джейк сделал из этого вывод, что просьба все бросить и поспешить в окружную тюрьму Клэнтон была воспринята ею без всякого удовольствия. Частных специалистов этого профиля не было ни в округе Форд, ни во всем 22-м судебном округе. Порсии потребовалось два часа, чтобы все же откопать одного – в Оксфорде, в часе езды к западу.

В среду утром Джейк коротко с ним переговорил и добился согласия взглянуть на Дрю через пару недель, причем не в тюрьме, а в своем кабинете. Выездов к пациентам он не совершал. Двое в Тупело тоже не работали на выездах, но вторая, доктор Кристина Рукер, узнав, о каком пациенте речь, смягчилась. Она читала об убийстве представителя закона и была заинтригована рассказом Джейка ей по телефону. Он описал состояние Дрю, близкое к ступору, его облик и поведение. После этого доктор Рукер согласилась, что дело срочное, и пообещала осмотреть парня уже завтра, в четверг. Правда, у себя в Тупело, а не в клэнтонской тюрьме.

Лоуэлл Дайер воспротивился отъезду Дрю, какой бы ни была причина, Оззи тоже. Судья Нюз разбирал ходатайства в суде округа Полк в Смитфилде. Джейк предпринял 45-минутную поездку на юг, явился в зал суда и дождался, пока многословные адвокаты закончат свою скучную болтовню и у судьи появится свободная минута. Оставшись с ним с глазу на глаз, Джейк снова описал состояние своего клиента, подчеркнул, что доктор Рукер считает дело срочным, и принялся настаивать, что парня необходимо свозить на освидетельствование. Он утверждал, что риск побега нулевой: парень ложку-то вряд ли поднимает. В конце концов, он убедил Его честь, что оказание обвиняемому экстренной медицинской помощи отвечает интересам правосудия.

– Кстати, она берет пятьсот долларов, – добавил Джейк уже около двери.

– За двухчасовую консультацию?

– Так она сказала. Я пообещал, что мы, то есть штат – ведь мы с вами действуем сейчас от имени штата, – заплатим. В связи с этим возникает также тема моего гонорара.

– Об этом потом, Джейк. Меня ждут адвокаты.

– Благодарю, судья. Я позвоню Лоуэллу и Оззи. Представляю, как они будут возмущены! Вероятно, прибегут к вам жаловаться.

– Это часть моей работы. Как-нибудь справлюсь.

– Я скажу шерифу, что вы хотите, чтобы он отвез мальчишку в Тупело. Ему это не понравится.

– Пусть.

– Еще я готовлю ходатайство о передаче данного дела в суд по делам несовершеннолетних.

– Дождись обвинительного заключения.

– Хорошо.

– И не тяни с ходатайством.

– Это потому, что вы не собираетесь тянуть с его рассмотрением.

– Не собираюсь, Джейк.

– Спасибо за откровенность.

– Пожалуйста.

В восемь часов утра в четверг надзиратель отвел Дрю Гэмбла в темную комнатку и заявил, что ему пора принять душ. Раньше Дрю отказывался от душа, но дальше тянуть с этим было бы вредно. Ему выдали мыло и полотенце и велели поторапливаться – на мытье в окруж-

ной тюрьме отводилось пять минут. Прозвучало также предупреждение, что горячая вода будет литься только первые две минуты. Дрю закрыл дверь, разделся и выбросил из помещения свою грязную одежду, которую надзиратель отнес в стирку. После мытья Дрю получил оранжевый комбинезон самого маленького размера, какой нашелся, и пару старых резиновых шлепанцев того же цвета. Его вернули в камеру, где он отверг завтрак – яичницу с беконом – и довольствовался арахисом и содовой. Как обычно, парень не реагировал на любые попытки заговорить с ним. Сначала надзиратели решили, что он что-то напряженно обдумывает, но потом поняли, что в нем еле теплится сознание. «Свет горит, но дома никого», – шепнул один другому.

Джейк подъехал к девяти часам с двумя дюжинами пончиков для раздачи по всей тюрьме – то была попытка заработать очки у бывших друзей, теперь смотревших на него косо. Раздать удалось всего несколько штук, большая часть пончиков осталась у Джейка. Положив одну коробку на стойку дежурного, он отправился в камеру Дрю. К его удивлению, тот сжевал целых два пончика. Сахар, вероятно, послужил ему подзарядкой, и он промямлил:

– Сегодня что-нибудь будет, Джейк?

– Да. Ты поедешь в Тупело, к врачу.

– Я что, больной?

– Послушаем, что скажет врач. Она задаст тебе вопросы про тебя самого и про твою семью, где вы жили и все такое. Отвечай правду, покажи, на что ты способен.

– Она типа мозгоправа?

Джейк не ждал подобного термина.

– Психиатр.

– Я и говорю. Я уже два раза с такими встречался.

– Неужели? Где?

– Однажды я сидел в тюрьме, в камере для несовершеннолетних, там меня раз в неделю показывали мозгоправу. Напрасная трата времени, вот что это такое.

– Я два раза тебя спрашивал, бывал ли ты в суде, ты отвечал, что нет.

– Не помню, чтобы вы спрашивали. Извините.

– За что ты туда попал?

Дрю откусил от пончика и обдумал вопрос.

– Вы ведь мой адвокат, да?

– Я уже пятый день подряд сюда хожу и с тобой общаюсь. Так может поступать только твой адвокат.

– Я хочу увидеть маму.

Джейк глубоко вздохнул и напомнил себе о терпении; в каждый его приход сюда это было важнее всего – терпение.

– Твою маму вчера прооперировали, собрали ей челюсть, теперь она поправляется. Сейчас тебе к ней нельзя, но я уверен, что ей позволят тебя навестить.

– Я думал, что она умерла.

– Знаю, что ты так думал, Дрю. – Услышав голоса в коридоре, Джейк посмотрел на часы. – План такой. Шериф повезет тебя в Тупело. Будешь сидеть сзади, скорее всего, один. Чтобы никому в машине ни слова не говорил, понятно?

– Вы не поедете?

– Я буду ехать за вами. Пойду с тобой к доктору. Просто ничего не говори шерифу и его помощникам, хорошо?

– Они будут со мной разговаривать?

– Сомневаюсь.

Дверь открылась, вошел Оззи, за его спиной маячил Мосс Джуниор. Джейк встал и поприветствовал обоих, те промолчали. Мосс Джуниор снял с ремня наручники и обратился к Дрю:

- Встань, пожалуйста.
- Обязательно ему быть в наручниках? – заметил Джейк. – Он никуда не денется.
- Мы свое дело знаем, Джейк, так же как ты свое, – язвительно произнес Оззи.
- Почему ему нельзя поехать в обычной одежде? Послушай, Оззи, его ждет психиатрическое освидетельствование, оранжевый комбинезон делу не поможет.
- Отстань, Джейк!
- Не отстану. Придется звонить судье Нузу.
- Звони кому хочешь.
- Нет у него другой одежды, – вставил надзиратель. – Та, что была, сейчас в стирке.
- У вас дети не имеют другой одежды? – спросил Джейк, пристально глядя на надзирателя.
- Он не ребенок, Джейк, – заявил Оззи. – Им уже занимался окружной суд, я проверил.
- Вся его одежда сгорела, – добавил Мосс Джуниор. – Вместе со шмотками матери и сестры.

Дрю поежился и часто задышал. Джейк посмотрел на него, потом на Мосса Джуниора.

- Нельзя было без этого обойтись?
- Ты спросил о сменной одежде. Ее нет.
- Поехали! – велел Оззи.

Ни в одном учреждении не обходится без утечек информации. Оззи уже случалось от этого страдать. Меньше всего ему хотелось, чтобы на первой полосе газеты появилась фотография, на которой он тайком увозит обвиняемого в убийстве к психиатру. Его машина стояла за «тюрьмой», охранявшие ее Луни и Суэйз были готовы стрелять на поражение в любого репортера. Отъезд произошел организованно. Стараясь не отставать от шерифа в своем саабе, Джейк едва видел выступавший над спинкой заднего сиденья светлый затылок Дрю.

Кабинет доктора Рукер находился за одной из десятка одинаковых дверей в административном здании в центре Тупело. Оззи вырулил за здание, там его уже ждали два патрульных автомобиля из департамента шерифа округа Ли. Он остановился, вылез и, оставив Мосса Джуниора в машине караулить обвиняемого, отправился вместе с местными коллегами проверить, все ли в порядке. Джейк сидел в автомобиле, это все, что ему оставалось. Перед отъездом он позвонил Порсии, справлявшейся в больнице о состоянии Джози Гэмбл, но ничего не выяснившей и ждавшей звонка медсестры.

Через полчаса Мосс Джуниор вылез из машины и закурил. Джейк подошел к нему поболтать. Дрю лежал на заднем сиденье, поджав колени к груди. Кивнув в его сторону, Джейк спросил:

- Много он вам рассказал?
- Вообще ничего. Мы не настаивали. Парень не в себе, Джейк.
- Слышал, как он ноет? Сидит с закрытыми глазами и то ли ноет, то ли скулит, словно совсем сбрендил.

– Да.

Мосс выдохнул дым и перенес центр тяжести с одной ноги на другую.

- Как думаешь, он не вывернется, потому что псих?
- А что, возникают такие опасения?
- Еще бы! Болтают, будто ты сумеешь отмазать его, как отмазал Карла Ли – неменяемый, мол.
- Без болтовни никогда не обходится, а то ты не знаешь, Мосс.
- Да. Только это было бы несправедливо, Джейк. – Он откашлялся и сплюнул, едва не попав в бампер, словно выражал свое отвращение. – Люди разозлятся, Джейк. Не хотелось бы, чтобы виноватым оказался ты.

- Я временный адвокат, Мосс. Нуз пообещал найти другого, если наметится процесс.
- А он намечается?
- Неизвестно. Я на подхвате, пока не будет предъявлено обвинение. Дальше я пас.
- Рад это слышать. Ты еще успеешь нахлебаться всякой дряни.
- Уже хлебаю полной ложкой.

Вернулся Оззи с помощниками местного шерифа. По его сигналу Мосс Джуниор открыл заднюю дверцу и попросил Дрю выйти. Парня быстро отвели в здание, Джейк последовал за ним.

Доктор Рукер ждала в маленькой совещательной комнате. Она представилась Джейку. Они уже были знакомы заочно, поэтому личное знакомство не потребовало времени. Доктор Рукер была высокой и стройной, ярко-рыжей (скорее всего, крашеной), в модных очках для чтения с разноцветной оправой. Ей было лет пятьдесят, больше чем любому из пожаловавших к ней сейчас, но ничуть перед ними не робела. Здесь хозяйкой была она.

Убедившись, что обвиняемому некуда бежать, Оззи попросил отпустить его и Мосса в коридор. Доктору Рукер не могла понравиться ситуация, когда ее дверь охраняют вооруженные люди, тем не менее она уступила. Не каждый день она беседовала с обвиняемым в тяжком убийстве.

В комбинезоне на несколько размеров больше Дрю казался еще меньше. Резиновые шлепанцы, тоже на несколько размеров больше его ноги, выглядели нелепо. Не доставая ногами пола, он сидел, сложив руки на коленях и глядя вниз, будто боялся всех присутствующих.

- Дрю, это доктор Рукер, – произнес Джейк. – Она хочет тебе помочь.

Мальчишка через силу кивнул, посмотрел на нее и снова уставился в пол.

– Я немного побуду с вами и выйду, – продолжил Джейк. – Пожалуйста, внимательно слушай ее и отвечай на вопросы. Она на твоей стороне, понимаешь, Дрю?

Он опять кивнул и медленно поднял голову. Его взгляд уперся в стену, как будто оттуда раздался неприятный для него звук. Дрю издал тоскливый стон, но ничего не сказал. Сейчас опять заскулит, подумал Джейк. Доктору Рукер полезно это услышать.

- Сколько тебе лет, Дрю? – спросила она.
 - Шестнадцать.
 - Когда день твоего рождения?
 - Десятого февраля.
 - В прошлом месяце. Ты его праздновал?
 - Нет.
 - Был праздничный торт?
 - Нет.
 - Твои друзья в школе знали, что у тебя день рождения?
 - Вряд ли.
 - Кто твоя мама?
 - Джози.
 - У тебя есть сестра?
 - Да, Кира.
 - Это вся ваша семья?
- Дрю кивнул.
- Дедушки-бабушки, тети-дяди, двоюродные братья-сестры?

Он покачал головой.

- А твой отец?

В глазах мальчишки мелькнули слезы, он вытер их оранжевым рукавом.

- Я его не знаю.
- Ты с ним знаком?

Снова беззвучное «нет».

Доктор Рупер прикинула его рост: пять футов. И вес: сто фунтов. Никаких мускулов. Высокий, мягкий, почти детский голос. Ни растительности на лице, ни прыщей, ничего, что указывало бы на процесс возмужания.

Дрю опять закрыл глаза и принялся слегка раскачиваться взад-вперед. Она дотронулась до его колена и спросила:

– А ты чего-то боишься прямо сейчас?

Он монотонно завыл; иногда вой ненадолго переходил в тихое рычание. Немного послушав этот звук, доктор Рупер переглянулась с Джейком и спросила:

– Зачем ты издаешь этот звук, Дрю?

Единственным ответом было усиление того же звука. Она убрала руку, посмотрела на часы и выпрямилась, словно решив, что время еще есть. Прошла минута, две. Когда миновало пять минут, доктор Рупер кивнула Джейку, и тот бесшумно вышел.

Больница была недалеко. Джейк нашел мисс Гэмбл в палате на третьем этаже. На второй койке в палате лежал труп; как, впрочем, выяснилось, это был живой 96-летний старик, которому только что пересадили почку. В 96 лет?

Кире разрешили устроиться рядом с матерью на раскладушке. Они провели здесь две ночи, днем их собирались выписать и пока не было ясно, куда они отправятся дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.